

A historical painting depicting a group of Russian soldiers in the Caucasus mountains. The central figure is a man on a brown horse, wearing a dark uniform with a blue bicorne hat and a white cross on his chest. He is surrounded by other soldiers in similar uniforms, some on horseback and some on foot. The background shows a large, snow-capped mountain peak under a clear blue sky. The overall scene is set in a mountainous, arid landscape.

**ВЕСТНИК
НА КАВКАЗЕ**

КНИГА ВТОРАЯ

BY REVAN

Annotation

Вадим Беркутов перешел дорогу в Петербурге многим людям, за что был сослан отбелить честь в боях на Кавказе, где его ждет равный соперник. Мир ускоряется на пути в новую эпоху войн и хаоса.

Вестник на Кавказе

Revap

Среди высоких гор в укромной долине журчала мелкая речка. Два десятка всадников переправились на другой берег. Они устали после похода и спокойно шли обратно в крепость. В воду въехали испачканные в пыли и крови казаки. Кони ржали, радуясь прохладе.

— Но, но, — седоусый казак потянулся, чтобы погладить мыльную шею скакуна, но рука задрожала. Он сидел с открытым ртом. Жилы на челюсти и шеи сжались так сильно, что по губам пошла кровь.

Колонна замерла. Казаки слегка подрагивали в седлах, пока кони пускали пену. Никто не мог даже вздохнуть. Но стоило невидимому выключателю переключиться, и все прекратилось. Кони и люди свалились в речку. Течение уносило все следы трагедии.

На водной глади появились пузырьки воздуха. Со дна поднялось облако ила, из которого на берег вышел турок Анвар со смуглой кожей и черной бородой, которая прятала молодое вытянутое лицо. На его бритой лысине блестели капли влаги.

Из-за ближайшего холма послышались голоса. К Анвару побежали черкесы с ружьями и сухой одеждой. Они караулили переправу уже несколько дней и не прогадали.

— Слава Алаху! — на плечи Анвару накинули шелковую рубаху, — бог послал чудо и покарал неверных!

Анвар молча принял похвалы и улыбнулся. В его глазах промелькнула белая искра.

Глава 1

По зеленому полю прыгал пятнистый кролик. Он нюхал проснувшиеся от зимы цветочки и наткнулся носом на деревянную коробку. От коробки на ближайший холм вел черный провод, где громко спорили эти ужасные люди. Низенький и щуплый с глазами-щелочками в фиолетовом шелковом халате и высокий с фиолетовом пенсне. Кролик фыркнул и решил попробовать черный провод на вкус.

— Все, хватит! — Вадим опустил ручку взрывателя, и земля содрогнулась, милого кролика с проводом в зубах размазало по поляне вперемежку со свежим дерном. Подгоревшая шерстка дымящимися хлопьями спускалась с неба, пока Ли Си Цин пальцем прочищал уши от звона.

— "Уж мы-то знаем толк в порохе", — передразнил Вадим своего торгового партнера из Китая. Он говорил на маньчжурском, чтобы не слушать Русский с акцентом. Китаец выучил несколько фраз за последний год и пытался хвастаться при любой возможности.

Они спорили о цене несколько часов, прежде чем решили провести демонстрацию. В центре поля поставили ящик новой взрывчатки и расставили по кругу деревянные мишени, чтобы посмотреть на разлет осколков.

— Жареным пахнет, — заметил китаец и спустился посмотреть на кратер.

— А мне кажется, сладким, — Вадим спорил чисто из вредности, — Уважаемый Ли, пойми, что такое оружие вы больше нигде не найдете.

— Но ты просишь слишком дорого.

— Серебром в весе, не так уж и дорого, — Вадим поднял то, что осталось от мишени человеческого силуэта, и просунул палец в дырку от осколка, — И да, кролик в подарок.

— Ва Дим, ты так же щедр, как и мудр, — фыркнул в длинные тонкие усы китаец, — У меня нет с собой столько серебра.

— Я знаю, поэтому ты отдашь мне ремесленников, которых привел.

Ли Си Цин прикрыл глаза, чтобы помолиться Будде, ведь Великий Небесный император, явно не отвечал на его призывы о помощи.

— Они мне нужны, чтобы заработать, не только ты хочешь купить повара там, или кораблестроителя. Наши умельцы и философы знамениты по всему Востоку!

— Только ни ваша кухня, ни философия не смогли победить англичан, а мои бомбы могут, — Вадим говорил, пока они поднимались на холм к смотровой площадке со слугами.

— Смелое заявление!

— Ли, если ты готов потратить еще одну бомбу и месяц времени, то я покажу, как взрывать корабли, — Вадим взял из рук Ефима охлажденный морс. В мае в Оренбурге поднималась жара не хуже, чем летом.

— Ты бесчестный, бесчеловечный, мелочный! Ты наживаешься на горе моего народа, — Ли поднял палец, — но я согласен, пошли взвешивать серебро, пока ты не потребовал больше.

— С твоими проклятиями я проживу долгую и счастливую жизнь.

Для испытаний они выбрались подальше от города в сторону степей. На Вадима и Ли с охраной не рискнул бы напасть ни один случайный бандит или шайка. Да даже отряды казаков объезжали их стороной.

На одну чашу весов ставили коробки со взрывчаткой, а на другую серебряные слитки.

Десяток охранников Вадима с револьверными ружьями следил, чтобы люди Ли не баловались и не пытались сорвать сделку.

— Давай хотя бы вынем взрывчатку из этих тяжелых деревянных ящиков? — взмолился Ли, когда Вадиму отошел двадцатый слиток.

— Ха, коробка — часть бомбы, я твоим людям покажу как с ней обращаться. Первое правило звучит так: не открывай коробку.

— А то что будет? — не понял Ли.

Вадим руками изобразил взрыв.

— Не мог, что безопаснее продавать? Как я их повезу?

— Аккуратно, — Вадим достал курительную трубку и мешочек с табаком, чтобы закурить, — я довез, и ты сможешь, главное — не ронять. Хех, безопасное оружие. Ружья брать будешь?

Ли поморщился.

— Буду.

— Отлично, у меня с собой пятьсот. Если договоримся, то будут поставки из Петербурга. Назначим ответственных и готово.

— Кто будет от тебя? Ты дела доверишь постороннему?

— Борис Владимирович не посторонний.

Ли понимающе кивнул. Он как раз остановился в гостевом доме Беркутовых, где Борис Владимирович учил его русскому, пока они играли в Го. Два предприимчивых бизнесмена смогли найти общий язык, язык денег. Ли хотел перенести часть своих шелковых производств. Он спрашивал по поводу красок, которыми Вадим обрабатывал шелк, но получил отказ: шелка в мире много, а завод с такими красками один.

Борис Владимирович, который стал свидетелем этого спора, предложил построить такой завод в Оренбурге, чтобы и ткани, и краску делать рядом. Теперь на выкупленной земле строится новый окрасочный цех.

В город ехали молча. Китаец, наверное, дулся на Вадима или думал о войне. На юге империи Цин все разворачивалось по самому трагическому сценарию: англичане приступили к осаде прибрежных фортов на юге, для блокировки Гуанчжоу с трех сторон.

— Уважаемый Ли, — Вадим нарушил тишину, — вы опоздали на эту войну.

Ли поднял взгляд и погладил ус.

— Что заставляет вас так думать?

— Знание об уровне подготовки ваших войск. За сколько у вас артиллеристы делают залп? Не знаете? — Вадим достал записную книжку и перьевую ручку.

Он начертил береговую батарею китайцев и морской корабль англичан, под прикрытием которого шла пехота. Англичане двигались по рекам, не заходя вглубь земель и всегда с кораблями.

— На каждый ваш залп они отвечают пятью, потому что англичане лучше обучены. Им даже не обязательно попадать каждым выстрелом, просто задавят плотностью. Но это полдела, ведь есть еще снабжение. По порядку англичане возят минимум тридцать зарядов к каждому оружию. А у вас? Дай бог если по десятку будет.

— И какое решение?

— Меняйте свои медные пушки, — Вадим пожал плечами, — Очень долго перечислять, но главная цель наладить финансы в империи.

— Это вопрос к евнохам императора, а не к скромному Ли, — они пересеклись

хитрыми взглядами.

— Ли, с винтовками и артиллерией, занять должность легче, чем с шелком.

— У тебя и с шелком получится, — заметил китаец.

— Мне не нужны должности. Пока.

Карету тряхнуло. Они выехали на дорогу до поместья Беркутовых. Борис Владимирович в фиолетовом традиционном китайском ханьфу встречал гостей у ворот забора.

— Вадим, уважаемый Ли, — отец кивнул и пригласил в беседку, где накрыли стол. Самовар на ромашковом чае, сушки, вафли и новомодный английский кекс из рассыпчатого теста с лимонной глазурью.

Борис Владимирович разлил чайю. Он постригся ежиком и даже помолодел лицом за то время, что они не виделись. Выпирающий живот задевал стол, отчего гремела посуда.

— Ты когда уезжаешь?

— Через два дня, еще к Марченко заскочу и все, — Вадим мокнул пряник в чай, прежде чем откусить.

Говорить о делах не хотелось. Теплый ветер качал белую скатерть, пока солнце согревало воздух.

— У тебя все хорошо? — Борис Владимирович спросил Вадима по-французски, пусть это и выглядело некультурно в компании гостя.

— Если не учитывать, что я еду на войну как на ссылку, что от меня сбежала Анна, то да, все хорошо, — Вадим растянул губы в улыбке и дернул головой.

— Если хочешь, то я могу дать денек одному...

— Нет, — Вадим поставил пустую чашку, — императору Всероссийскому плевать на твои, да и на мои деньги.

Борис Владимирович, скрежетнул зубами.

— Но это не значит, что я буду сидеть здесь, пока тебе, как щенка безродного вышвыривают из Петербурга!

— Папа, звания меня никто не решал, дворянства тоже, о каком безродстве ты говоришь? Если хочешь помочь, то хорошо. Начинать скупать землю. Будем сеять коноплю.

— Тебе нужна пенька? — не понял Борис Владимирович. Пенька продавалась многим государствам как основной товар Российской Империи. Самые прочные канаты для кораблей делались именно из нее.

— Пенька — прошлый век, хотя товар хороший. Я же хочу делать бумагу, одежду и не только, — Вадим с предвкушением протер пенсне бархатным платком.

— Это же огромные деньги, — Борис Владимирович наклонился к Вадиму ближе и перешел на шепот.

— Папа, знакомься, деньги, — Вадим указал рукой на Ли Си Цина, который с видом Будды отстранился от беседы.

— Так, нехорошо говорить про людей.

— Он нас не понимает, так что можно. Ты просто не знаешь, СКОЛЬКО я буду продавать ему оружия.

— Ну хорошо, но коноплю нужно растить не у нас и земли потребуется много, — Борис Владимирович прикинул, где лучше выращивать. Золотой пояс для культуры находился севернее, в Уфимской области. В Оренбургской губернии лучше росла пшеница.

— Нанимай строителей, мастеров, я построю здесь сразу швейные фабрики.

— Никаких денег не хватит, — Борис Владимирович налил Вадиму еще чаю.

— Значит, ищи людей в складчину, так и договориться будет легче.

— Ты не против?

— Нет, главное, чтобы управление оставалось за мной, — Вадим остановил отца жестом и встал из-за стола, — вы тут общайтесь, а я в город.

Ли поклонился Вадиму и остался в компании Бориса Владимировича.

Продавать оружие Китаю — хорошо, но мало. Маленький заводик в Петербурге обеспечивал ручеек денег, скупка старых кремневых винтовок для Китая еще один ручеек, со взрывчаткой уже речка. А Вадиму нужен океан. Глобальный, способный вымывать ресурсы и умы со всего света. Только так получится затопить технологическую пропасть.

Карета остановилась рядом с резиденцией генерал-губернатора Владимира Андреевича Перовского. Красивое здание в готическом стиле с каменными статуями у входа кипело жизнью. Здесь же находился кабинет уральского атамана Марченко Лаврентия Петровича, ответственного за казаков, патрули ближайших степей и оборону торговых путей в губернии.

Вадим постучал в тяжелую дубовую дверь, секретаря полковника не было на месте.

— Заходите, — донеслось с той стороны.

Кабинет Лаврентия Петровича если и изменился, то не сильно. За новым столом из дуба стояло кресло с обивкой фиолетового окраса. Атаман стоял на табуретке и потянулся за книгой на верхней полке. Молодой секретарь в мундире подпоручика держал табуретку, чтобы полковник не навернулся.

— Я не помешал? — Вадим заглянул в кабинет, проверить нет ли больше кого-нибудь внутри.

— Заходи Вадим, я сейчас, — Марченко достал толстый том и сдул с него пыль, — перепись. Сергей, ступай, у меня с Вадимом Борисовичем будет разговор. И никого не пускай.

— Конечно, ваше высокоблагородие, — секретарь помог полковнику спуститься и ушел в приемную.

— Какое дело тебя привело ко мне в это раз? — Марченко уселся за стол и поправил чернильницу.

— Я уезжаю, но через Оренбург пойдут мои караваны, мне нужно, чтобы они все доходили до получателя.

— Не проблема, — Марченко кивнул, — с нашей стороны не проблема.

— Дальше, что нужно для следующего похода?

Полковник задумался. Хивинский поход прошел плохо, кто бы что ни говорил. Многочисленные патрули на торговых путях отгоняли хивинских и не только разбойников. Мелкие набеги меньше щипали деревни, но нет-нет, да уведут кого-нибудь.

— Деньги, деньги и разрешение из Петербурга.

— Как у вас с оснащением? — Вадим пододвинул стул и сел напротив.

— После твоей прошлой покупки еще не восстановились, так что не проси.

— И не собирался. Я закупаю старье в центральных губерниях. — Вадим примирительно поднял руки, — но вот скажем, если к вам придут новинки? Что-то, что создает перевес по сравнению со степняками?

— Ну ты загнул, — Марченко задумчиво постучал по столу, — В чем твоя выгода?

— Деньги.

Полковник засмеялся.

— Не смейся, откуда? Перовский поскребет по дну казны и выдаст тебе мышинный

горошек.

— Тогда земли. И например пленные хивинцы.

Марченко перестал смеяться.

— А силенок-то хватит?

— Я не один буду. Со дня на день внук Абылая — Кенесар, станет ханом. Сколько тогда вы будете еще бегать по степям? Многие мои друзья видят ордынцев у ног наших губерний. Так и почему же не помочь уральским казакам?

Марченко бросил взгляд на закрытую дверь и повернулся к Вадиму.

— Опасное дельце ты предлагаешь. Пять лет и мы разорим их набегам, зачем снова отправлять поход?

— Пять лет? С такой скоростью до Кокандцев только в шестидесятом доберемся.

— Я не понимаю твоей спешки. Но в любом случае это не мне решать. Тебе нужно поговорить со стариком, — полковник показал пальцем на потолок.

Вадим зажмурился и болезненно застонал.

— По-другому никак?

— Неа, — Марченко улыбнулся и потер руки, — он как узнал, что тебя на Кавказ сослали, так устроил пирушку для офицеров. " Пусть уму наберётся стервец". Пошли, хехе.

Марченко вскочил с прытью курсанта и потащил Вадима за руку к двери генерал-губернатора. Секретарь хотел их остановить, когда разглядел КОГО ведет атаман, то Марченко только цыкнул и втокнул Вадима в кабинет.

Владимир Андреевич разбирал бумаги, когда дверь распахнулась и там показался он. Предмет ненависти и головной боли. Такой же зудящий как заноза в седле.

— Ты! — у Перовского затряслись руки, — Явился стервец!

Он зашарил по столу в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Здравствуйте, Владимир Андреевич! Ух, — Вадим нагнулся вправо, пропуская мимо себя тяжелый графин с французским коньяком.

— Ух, — из-за Вадима раздался болезненный возглас и звон разбитого хрусталя.

— Если вы заняты, о-о я могу зайти позже! — Вадим пригнулся, пропуская над собой граненый стакан, который судя по звуку разбился где-то на уровне лица Марченко. Тяжелый удар полковником об пол подтвердил попадание.

— Завтра загляну, — Вадим потянул на себя дверь.

— Стоять! — Владимир Андреевич крикнул, срываясь на фальцет, — раз уж сам пришел ко мне, то я тебя так упакую, отец не узнает. Почто мою Аню обидел?!

— Не обижал ее никто! — Вадим достал из кармана бархатную коробочку с кольцом, — я сам сделал, чтобы обручиться, но...

— Что, НО?!

— Не договорились, — Вадим пожал плечами и поймал прямо перед лицом поднявшегося Марченко пущенный стакан.

Полковник держался за разбитый нос и сильно ошалел от возможности снова получить в лицо. Он с трудом выговорил:

— Владимир Андреевич, не зверствуйте, послушайте, что уважаемый Вадим Борисович скажет.

— Садитесь, — выдавил генерал-губернатор, — выпить не предлагаю.

Он повел носом, пока Вадим и Марченко усаживались напротив.

— Полковник, вы что к обеду уже коньяком освежились? — Владимир Андреевич

протянул атаману платок, — Утритесь.

— Спасибо, — пробурчал Марченко и закрыл кровоточащий нос. Под глазами у него проступили здоровенные синяки. Полковник тяжело дышал ртом. На мундире осталось темное пятно от коньяка.

— Что у вас?

— Владимир Андреевич, на вас после похода посыпалось много шишек, — начал Вадим, но осекся, видя раздражение генерал-губернатора, — Мы можем это исправить. Петербург простит все, если мы дойдем до Коканада.

Владимир Андреевич усмехнулся.

— На какие деньги, Вадим? Я года два только зарплаты буду собирать. А еще артиллерия, корм, — он загибал пальцы, — боеприпасы и ружья.

На последнем слове генерал-губернатор посмотрел на Марченко.

— Скажем так, есть группа заинтересованных финансово и не только в успешном походе.

— Не сомневаюсь, — Владимир Андреевич грустно улыбнулся.

— Я лично готов поставлять новейшее оружие, не пушки, их у вас должно хватать, а винтовки. Новые, скорострельные, с такими можно и город взять. Мои же друзья из Петербурга помогут с остальным, от вас нужно только разрешение и войска.

— Всего-то, — посмеялся Владимир Андреевич, — это, это не так просто.

— Я и не прошу вас подготовиться за день, нам тоже потребуется время. Есть карта?

Если Владимир Андреевич и удивился, то не сильно. Он достал из картотечного шкафа кожаный тубус. Гладкая карта пахла чернилами. Одна из немногих подробных копий степей южного Урала и дальше, почти до границ с Персией. Карту пополняли благодаря торговцам, исследователям и дипломатическим миссиям. Вдоль актуальной границы стояли точки, которые обозначали посты наблюдения, карандашом отмечались крепости, посты, дороги, племена.

— Эти точки, триангуляционные башни? — Вадим достал ручку из кармана и провел по границе.

— Какие башни? — уточнил Марченко сильно гнусавя.

— Триангуляционные. Такими британцы сейчас миряют Индию. Строятся башни, скажем вдоль берегов и замеряют расстояния между ними. Еще пара десятков лет и они обрисуют всю Индию.

— Всего-то. Что ты предлагаешь? — Владимир Андреевич натянул очки, чтобы разобраться.

— Как нам начать новый поход? — Вадим решил объяснить идею. — У вас денег нет, Николай не даст средства на новый. Пока не даст. Но, что если мы предложим государю организовать научный поход, чтобы измерить расстояния и срисовать на карту все, что можно? Тонкая цепь башен вдоль торговых дорог на юг. Пусть ученые измеряют расстояние и, например, записывают изменения в погоде.

— А кто их пустит просто так? — уточнил Марченко

— Никто, поэтому рано или поздно, начнутся нападения, — улыбнулся Вадим, — и тогда, мы говорим государю: вот мирная просветительская цель, а эти дикари не могут жить спокойно. И сразу: но у нас уже есть отряд, с новым оружием, припасами и так далее.

Генерал-губернатор задумался.

— Что ты хочешь?

— Земли, — Вадим взял со стола карандаш и принялся выводить линии вдоль дорог к основным городам.

— Подожди, не сами дороги? — уточнил Владимир Андреевич.

— Я построю лучше.

Марченко и Перовский засмеялись.

— Черт больно, — полковник зажал нос, — А это что?

Он указал на южные земли почти у самой Персии.

— Дороги хорошо, но нужна и земля. Нараспашку. И конечно, мы будем ожидать рабочих. С этим нет проблем?

— Предварительно нет, но вы не одни заинтересованы в походе, возможно, придется поумерить аппетит.

— Возможно, а возможно и нет, — Вадим молча указал на Марченко и Перовского и карандашом на карте написал тридцать.

— Маловато, — заметил генерал-губернатор.

— Вам двадцать пять.

— Ааа, тогда пойдет, — Владимир Андреевич пожал Вадиму руку, — надеюсь, что ты выживешь на Кавказе.

— Постараюсь. Я пришлю человека для обсуждения условий.

— Хорошо, а теперь, полковник, оставьте нас наедине, — Владимир Андреевич как-то сладко улыбнулся, и эта улыбка не покинула старое лицо, пока за полковником не закрылась дверь.

— Я сквозь пальцы смотрел на ваши выходки, пропускал мимо ушей все слухи, молчал о твоих похождениях, и что в итоге?

— Жизнь в итоге. Жизнь, — Вадим стал серьезным, отбросив шутки, — Насилу мил не будешь.

Генерал-губернатор даже не сразу нашел, что сказать.

— А что, что это тогда все было? К кому Аня поехала в Петроград? С кем общалась все эти годы?! Ответь!

Вадим откинулся в кресле, которое протяжно заскрипело.

— Владимир Андреевич, я другой человек, не тот хулиганистый кадет, который убежал с Марченко в поход.

— Вижу. Теперь тебя нужно послать в ссылку, чтобы избавиться, — Владимир Андреевич по привычке провел рукой по пустому месту, где раньше стояла бутылка с коньяком, — свободен.

Вадим уходил со спокойным сердцем. Он сделал все что хотел в Оренбурге. Из города отправлялась карета Вадима и караван с шелком.

— А мастера где? — Вадим убрал шторку с окна.

— Вместе с тканями, — Ефим зевнул. Они уезжали ранним утром, — Два повара, пять строителей, три карабледела, металлург, врач и мастерицы.

Ефим читал с блокнота, оттянув веко по привычке, подаренные Вадимом очки он держал в руке.

— Мда, Максим писал уже, что им для училища не хватает учителей, пришлось звать из Пруссии.

— А что? Там народ толковый, — Ефим отложил блокнот и устроился поудобнее, чтобы подремать.

Пока Вадим будет добираться до перевалочного Пятигорска, караван из Оренбурга с шелками пересечется с караваном из Петербурга с кремневыми ружьями для Ли. Взрывчатку китаец уже отправил в империю, чтобы учить людей ею пользоваться.

Дорога через Саратов, а потом и Царицын заняла больше полутора месяцев. Сюда, к сожалению Вадим, а мода на шоссейные пути еще не добралась. Лучше стало только от Царицына до Пятигорска, куда стекались войсковые колонны, вязи интендантов и цепи торговцев. Дорога по плотности уступала только военному пути до Грузинских княжеств.

Сперва Пятигорск появился как город-крепость. Когда-то форпост российского мира на Кавказе, но уже вскоре разросшийся до курортного города со знаменитыми "горячими водами", где паломники со всей России лечили кожные заболевания, ревматизмы и все то, что не могла одолеть современная медицина.

20 июня 1841 года, Пятигорск

Карета остановилась у двухэтажного здания гостиного двора. Вадим вышел первым, чтобы размять шею и окинуть взглядом город, который стелился на вершинах гор. Солнце садилось, и в небе разносился стрекот кузнечиков. Где-то в Пятигорске уже должен ждать Захарченко с бойцами и партией нарезных ружей. Утром Вадим отправит кряхтящего Ефима на поиски, заодно узнает обстановку на фронте.

Дверь гостиного двора открылась и на улицу вышла шумная компания офицеров. Возглавлял веселую компанию поручик лейб-гвардии Гусарского полка, если верить эполетам. Прилизанный такой офицеришка, лет на пять старше Вадима. Одной рукой он обнимал смеющуюся мадам, а другой держал начатое шампанское.

— Вы поймите, что человек, это карета! Кучер — это ум, а кони это...

— Деньги, — закончил за поручика Вадим, который достал трубку, чтобы закрыть.

— Верно. Мы с вами нигде не встречались, поручик? — офицер окинул мундир Вадима пристальным взглядом, остановившись на ордене.

— Не думаю, я только приехал, — говорить Вадиму не хотелось, просто фраза всплыла в голове, как это бывает у всех нормальных людей.

— Уверены? Хотя наверно, я бы точно запомнил человека в темном пенсне на ночь глядя, — посмеялся поручик.

— С кем имею честь? — Вадим зажег спичку и закурил. Компания офицеров удерживалась вместе невидимым полем или плотным запахом алкоголя.

— Лермонтов, Михаил Юрьевич.

— И как поручик гвардии попал на Кавказ в ТАКОМ состоянии? — Вадим трубкой указал на расстегнутый мундир.

— Вы не представились, сударь, — заметил корнет, товарищ Лермонтова.

— Беркутов Вадим Борисович.

— Знаете, Вадим Борисович, вы может, долго были в дороге и не читали газет, но у нашего государя особенный трепет к отечественным поэтам, — Лермонтов улыбался, но в глазах стояла тоска, — Как говорится: с глаз долой, из сердца вон!

— Так вас тоже сослали? — удивился Ефим, который так не вовремя вылез из кареты с парой чемоданов.

— Тоже? А это уже интересно, — Лермонтов подошел ближе, дама, которую он держал под руку, нетерпеливо заныла:

— Мишель, ну, пошли уже в ресторан. Все собрались, только мы опаздываем.

— Да, да сейчас, ненаглядная моя, — Михаил Юрьевич заглянул Вадиму за пенсне. На мертвых рыбьих глазах плясали искаженные огоньки уличных фонарей, — не составите нам компанию?

— Откажусь, дел много, — Вадим подошел к Ефиму и взял чемоданы, чтобы помочь. Бывший денщик, а теперь уже просто компаньон и слуга поспешил за Вадимом в прихожую постоялого двора.

— Если вас беспокоят соседи, то поищем другое место? — предложил он Вадиму.

— Не стоит, мы в Пятигорске не надолго.

Следующий день начался относительно спокойно. Захарченко нашел Вадима раньше и уже с утра тарабанил в дверь гостиной комнаты.

— Солнышко ненаглядное, вставай! — Захарченко стоял довольный, радуясь возможности поймать Вадима врасплох.

Дверь открылась. Вадим стоял в халате и вытирал мокрые волосы.

— Не шуми, Ефим еще спит. Заходи.

Захарченко замер с открытым ртом, прежде чем зайти в светлый зал. В центре стоял большой диван, на котором мирно похрапывал Ефим. Вадим прошелся и открыл окна, чтобы впустить свежий воздух в душную комнату. Перед диваном стоял столик и пара кресел.

— Я думал, что твой Ефим из пехоты, а они встают ни свет ни заря.

— Сколько можно то? Пусть поспит, я пока завтрак приготовлю, — Вадим ушел в другую комнату.

— Ты готовишь завтраки? — Захарченко уселся на большое кресло с мягкой спинкой и пододвинул к себе кофейный столик.

— Ничего сверхъестественного, — Вадим поставил на стол три глубокие тарелки с овсяными хлопьями и залил их молоком, — Вуаля.

— Дешево и сердито, — пробурчал Захарченко и ковырнул ложкой изюм.

— Полезно. Что с отрядом?

— Взял десятерых. Остальные и в Петербурге пригодиться. Кондрат в Москву полез, там какие-то разборки начались.

— Читал, разберутся, — кивнул Вадим, — оружие?

— Все с нами, сейчас ждем большой караван до Грозного. Чеченцы не брезгают и на

тридцать человек напасть, — Захарченко задумался и улыбнулся, новости, которую он вспомнил, — И я тебя порадуя. Ты как на лошади держишься?

— Честно говоря, паршиво, — Вадим отложил ложку и насторожился.

— Это ты зря! Настоящий гусар, может ездить верхом даже наполовину заполненным коньяком!

— Ну я-то не гусар... — неуверенно заметил Вадим, на что Захарченко положил бумаги на стол.

— Гусар, да еще какой! Будешь служить в моей, прославленной части! С самым лучшим командиром, — он похлопал себя по груди, — Я заказал тебе новый мундир. Здесь, конечно, не ателье Гертруды, но тоже шить умеют.

— Я разве тебя как-то обидел?

— Нет, что ты. Но Вадим, я уверен, что ты не уседишь в крепости или штабе. Если хочешь бегать посыльным, то пожалуйста.

— У кого мы под началом? — Вадим решил плыть по течению в данном вопросе. Захарченко явно подходил лучше любого незнакомого человека на роль командира. Вадим барабанил пальцами по столу, пока думал. Раз уж случай загнал его в такую даль от центра страны, то нужно постараться вылечить один гнойник. Вскрыть его, выпустить пока нет других болячек.

На диване заворочался Ефим.

— В любом случае нас вечером пригласили на бал, — сказал Михаил, — ты пойдешь в новом мундире, встретишься со сослуживцами и так далее. Здесь, слава богу, нет твоего Заводского, где можно прятаться от людей.

— Как скажешь, няня, — Вадим пошел собираться за новым мундиром.

— Ты не расслабляйся, я нашел нам Такую компанию дебоширов!

Ближе к наступающим сумеркам гости города потянулись на званый вечер, который решили проводить на открытом воздухе, в небе как раз догорали тяжелые облака. Рядом с каменной усадьбой на мощеной мрамором площадке кружили пары под старания военного оркестра. Вадим и Михаил прибыли к мазурке, пропустив все вступление. Михаил повел друга здороваться со старым знакомым — хозяином балла, полковником Петром Петровичем Несторовым. Полковник недавно отличился успешной обороной крепости от бандитов Шамиля и решил отпраздновать, наконец вырвавшись с фронта к семье.

— Друзья, вы поздно! — стройный мужчина в возрасте с густыми бакенбардами распахнул руки и крепко обнял Михаила, — Миша, ты снова к нам? В столицах все хорошо?

Захарченко не ответил, грустно улыбнулся и похлопал друга по плечу:

— Петр Петрович, такое дело, я теперь отвечаю за этого непоседу, — Михаил указал на Вадима, который вытянулся и отдал честь.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

— Ну, ну, мы отдыхаем, — Петр Петрович протянул руку, для рукопожатия, — Ух, черт, у вас стальные тиски, а не рука.

— Ем кашу с молоком по утрам. Петр Петрович, Михаил рассказал столько хорошего о вас и вашей дочке, что я не мог не приготовить подарок, — Вадим протянул бархатный пенал.

— Я передам, спасибо.

Пока Михаил занял друга расспросами о положении войск на Кавказе, Вадим отступил

к накрываемым столам. Слуги ставили вазы с фруктами, пахучие сыры и много вина. Взмыленные танцами и жарким ветром офицеры пили как на водопое. Вадим подцепил дольку сладкого арбуза, когда к нему подошел скромный мужчина в майорском чине, но со странным, черкесским, хотя нет, судя по орнаменту на рукояти даже турецким ятаганом.

— Говорят, что лучшие арбузы в Армении, но сколько бы я ни пробовал, лучше грузинских не могу найти.

— Не там ищите, самые вкусные в Астрахани, — поделился гастрономическими наблюдениями Вадим.

— Вы там бывали?

— Нет, только выше по Волге.

Майор подцепил кусочек вилок и попробовал.

— Ну, может, вы правы. Честное слово, вы не первый, кто советует, — он покрутил рукой в воздухе, — позвольте представиться, Николай Соломонович Мартынов.

— Очень приятно, я Бер...

Вадима прервал звонкий голос, который разрезал пространство:

— А вот ты где, Никола, я тебя потерял.

От этих слов майор дернулся как от пощечины. К столу подошел вчерашний поручик от лейб-гвардии. Стоя рядом, он доставал головой только по подбородок Вадиму. Черные, взмыленные волосы прилипли к кругловатой голове и блестели при свете, зажигаемых свечей.

— Мишель, я тебе уже сказал, что не хочу ничего слушать, — Николай Соломонович ребром ладони отгородился от поручика.

— Да подумай, — Мишель, если и отступил, только чтобы переключиться на новую жертву, — вы сменили мундир? Днем пехота, ночью всадник? А-а-а, не, не так. Мундир пехоты не к лицу Петербургскому маслу, ОН приказал, и теперь хоть на козу!

Лермонтов засмеялся, а лицо Николая налилось свинцовым стыдом.

Вадим выдавил пару хлопков:

— Хорошо, еще немного и будете как настоящий поэт.

— Пф, — Николай отвернулся, чтобы не заржать. Мишель прищурился, как бы оценивая весовую категорию оппонента.

— Мелковаты, — он закончил оценку.

— Михаил Юрьевич, ешьте больше каши, чтобы вырасти и сказать мне это в глаза.

— У вас все шутки такие низкие?

— Только те, что про вас.

— Господа! Немедленно прекратите! — Николай зажмурился, пока выкрикивал слова. Его трясло от смеха.

— Николай, я уверовал в раздражение с первого взгляда! — Михаил Юрьевич почувствовал, что вечер перестал быть томным.

— Мишель, если вам показалось, что я вас случайно обидел. То вам показалось. Это было специально, — Вадим со скупающим видом потер яблоко о рукав и укусил. Кисленькое и зеленое.

— Ничего не украсит этот вечер, как ваше отсутствие.

Пока шла перебранка, к Николаю подошел Захарченко. Он тихо, чтобы не спугнуть спросил майора Мартынова на ухо:

— А что происходит?

— Как бы вам объяснить, — Николай перешел на тон заговорщика, — В нашем скромном Пятигорске встретились две редких особи...

— Ядовито-мыслящих, — подсказал Захарченко

— Верно-верно, вот теперь сражаются за территорию, — Николай сделал паузу, в разговоре появились громкие ноты, — О, они близки к финалу!

— Надеюсь, что хотя бы ваша мама считает вас красивым и умным, а не коротким и обиженным, — Вадим щелбаном выбросил огрызок от яблока.

— Однажды мы с вами закончим очень кровавой дракой, — Михаил Юрьевич дошел до предела.

— Давайте сейчас, я свободен сейчас, — Вадим развел руками.

— Тогда дуэль! Выбирайте на чем. С когда, мы уже определились.

— Пистолеты. У вас есть секундант? — уточнил Вадим, но между ними уже встали Захарченко и Николай.

— Друзья, друзья, что за разговоры? Выпустили пар, все хватит! — Захарченко решил остановить надвигающуюся трагедию и зашептал Вадиму, — Ты чего? От тебя же пули отскакивают!

— Кто-то должен поставить выскочку на место.

— Ты же его пальцем убить можешь!

— Могу, но не буду. Больше веры в своего боевого товарища, — Вадим похлопал Захарченко по щеке и обошел, — Не убежите?

— Не дождетесь!

Дуэль решили провести на склоне одной из гор. С темного неба пошел мелкий дождик. В качестве судьи пригласили местного доктора, секундантами выступили Николай и Захарченко.

Сначала с Лермонтовым порывались пойти его друзья, но Михаил Юрьевич остановил любые попытки словами: "Мы идем стреляться, люди могут пострадать." Поэтому на склон пришло только пять человек, остальные ждали в городе.

— Вадим, черт тебя побери, ты видел отряд охотников у этого Лермонтова? Если ты его убьешь, то они нас в этих горах достанут. Если тебя они не убьют, то мне еще жить хочется.

— Ты нагнетаешь краски, — Вадим сверился со временем по карманным часам. Одиннадцать ночи. Они будут стреляться под луной, которая иногда проглядывала через дождливое небо. На холме пахло мокрой пылью и свежей зеленью.

— Мишель, да сдался тебе этот фронт, — на другой стороне поляны Николай уговаривал Лермонтова, — дай человеку спокойно выслужить чин и уехать из этих проклятых гор.

— Спокойно выслужиться? Ха, да Вадим Борисович Беркутов, дебошир не хуже меня. Государь его сослал за какой-то скандал в столице.

— Беркутов? — обреченно уточнил Николай. Из него как воздух выпустили.

— Ну да, последний год общество щелками страшал. Ты не слышал?

— Слышал, — у Николая пропало выражение на лице, — Мишель, стреляй тогда в сердце, чтобы он не мучался.

— Вот-вот, побольше веры в товарища! — они пошли к судье.

— Вы еще можете решить все миром, господа, — предположил судья, но видя суровые лица оппонентов горестно вздохнул, — Тогда выбирайте оружие.

Он открыл коробку с парой кремневых пистолетов. Михаил и Николай уже проверили, чтобы они были заряжены. Противники разошлись на пятнадцать шагов. Грянул гром, резкой вспышкой отразившийся в намокших камнях, металле пистолетов и пенсне Вадима.

Судья опустил руку, и прогремели выстрелы. Пистолет вылетел из рук Лермонтова, поэт пошатнулся и упал.

— Черт, — Захарченко закрыл лицо рукой.

Николай побежал к Михаилу Юрьевичу и закричал:

— Доктор! Сюда, помогите.

Вадим сидел у кабинета полковника Петра Петровича Несторова и делал вид, что раскаивается. Открылась дверь и вышел Захарченко.

— Пошли.

Они спустились на первый этаж и вышли на улицу к главной дороге Пятигорска. Шли молча, пока дом полковника не скрылся за поворотом. Вадим улыбнулся и зажал рот ладонью.

— Ржать изволите, любезный? — Захарченко потянулся уложить волосы, но не выдержал и засмеялся, — Стрелок! Ты не представляешь, как было трудно объяснить полковнику, как поручик лейб-гвардии Лермонтов умудрился гуляя по склону горы в дождливую ночь отстрелить себе палец, поскользнуться на мокрых камнях и упасть лицом на этот самый палец, объяснить и не заржать!

Вадим засунул указательный палец в нос и гнусавым голосом повторил:

— "Господа, у меня в носу что-то застряло, не посмотрите?"

— Я, конечно, всяко видел, — Захарченко вытер слезы, — но чтобы так!

— Да ладно тебе. Пойдем к доктору?

— Смысл? Этот Михаил Юрьевич живучий как, как, ну не знаю, как ишак.

— Скорее гордый как орель, — последнее слово Вадим скаверкал, — Только друг его бледненький так и замер. Не к доктору, тогда пошли собираться в дорогу.

Захарченко привел в Пятигорск отряд, который он набрал в Петербурге из ветеранов. Некоторые воевали и на кавказской войне, знали обычаи и быт местных. Вадим же ценил больше всего знания местных языков, в которых он не разбирался. Вместе с отрядом шли нанятые извозчики, которые отвечали за груженые оружием и взрывчаткой телеги с новой торсионной подвеской. Вадим сидел на одной из них, рядом с зелеными ящиками. Рядом дремал Ефим, накрытый старым солдатским мундиром.

Из города выступили утром, в составе большого отряда. Горцы часто нападали на караваны военных, стараясь нарушить сообщение между крепостями.

— О, какие люди! — Захарченко отвлек Вадима от карты.

К ним подъехал с десяток разномастных всадников, во главе которых ехал Михаил Юрьевич с перевязанной рукой и синим от удара носом.

— Утро доброе, ваше благородие! — Лермонтов поздоровался с Захарченко, старательно игнорируя Вадима.

— А я поручик, даже и не надеялся, что вы нас сегодня догоните, — Захарченко пригладил усы, — Отлежаться не захотели?

— Быстрее повоюю, быстрее вернусь, — Лермонтов ехал мрачнее тучи.

— Миша, — Вадим сказал громко, и оба Михаила повернулись, — Как думаешь, можно ли нашего поручика теперь называть мальчик с пальчик?

— Что-то комары расквакались, — заметил Лермонтов, как муху сплеча стряхнул.

— А ну-ка, Цыц! Оба! — Захарченко перешел на командный тон, — уж коли я за вас, паршивцев отвечаю, то будьте любезны, ведите себя соответствующе Российскому офицеру и не позорьте мундир! Мало того что потащили с собой какой-то сброд, так еще и гавкаться на глазах у подчиненных вздумали!

Захарченко так старался, что начал плевать слюной.

Вадим и Михаил Юрьевич громко хмыкнули и отвернулись друг от друга.

Под маленькой рощицей у ручья отряд остановился на привал. Ефим скинул кепку с лица и выбрался из повозки.

— Вашблогородие, уф, пылища-то какая, я за водой схожу, — он схватил чугунный котелок и пошел к ручью.

Вадим вылез на грунтовую дорогу и прошелся по обочине, чтобы размять ноги. Лермонтов и Захарченко что-то громко обсуждали чуть впереди.

— Вашблогородие, освежитесь, — Ефим дернул Вадима за локоть и протяну железную кружку с холодной водой. Сам он не пил, хоть на усах еще сидела дорожная пыль.

— Спасибо, Вадим прильнул к кружке, а Ефим поставил котелок на землю и устоялся на Лермонтова.

— Шебутной человек, колючий. Нет для него мирской радости на этом свете, не видит жизней людей вокруг.

— А я думаю, что поручик очень остроумен и наблюдателен, хоть и на редкость вреден, — Вадим вернул кружку и замер, уставившись на Лермонтова.

Захарченко закончил говорить и пошел к Вадиму, который смотрел как бы сквозь капитана.

— Воды, вашблогородие? — Ефим протянул кружку Захарченко.

— Спасибо, братец, — Михаил выпил и утер усы, — Вадим, а ты чего?

Капитан проследил за взглядом друга, но не увидел ничего, кроме проплывающих облаков над горной переправой, где должен пройти отряд.

— Знаешь, друг Миша, нутро мне подсказывает, что все пойдет ооой как непросто, — Вадим осторожно подтянул к себе Захарченко и рукой указал на горы.

— Что там? — не понял капитан

— Да ты выше смотри, — Вадим говорил тихо, но с какой-то натяжкой в голосе.

— Ну небо, там.

— Еще.

— Облака, — Захарченко уже хотел спросить, а не перегрелся ли его друг на солнце, когда что-то щелкнуло в голове. Глаза наконец зацепились за аномалию. Прямо над переправой висело большое облако и не двигалось, когда рядом проплывали остальные.

— Пресвятая мать Богородица, — первым из оцепенения вышел Ефим и перекрестился. Захарченко подхватил жест.

— Вадим, а что это?

— Да я откуда знаю?

— Ты напоминаешь умного человека.

Вадим не стал отвечать на колкость, когда он смотрел на облако, у него как бы шевелилось все нутро Не Вадима.

— Доедем и узнаем, Вадим пошел и сел в телегу, спокойно проверяя револьверы в кобурах. Ефим умыл лицо и сел рядом, перезаряжать ружье.

— И это всё? — Захарченко нашел в себе силы больше не паяться на переправу.

— А что ты хочешь? — не понял Вадим, — батюшку позовем?

Захарченко обратился к отряду:

— Ладно. Всем, проверить оружие! Выдвигаемся в дозор.

Ефим подал поводья скакуна Вадиму, который с сожалением посмотрел на спину бедной животины.

— По коням!

— Смотри, Лермонтов увязался за нами! — Михаил крикнул потемневшему Вадиму, который скакал на взмыленном коне.

— Ага.

С Лермонтовым отправился отряд нанятых охотников. Молодой поручик лейб-гвардии быстро нагнал Захарченко, чтобы услышать ругань в свою сторону.

Вадим же не переставал следить за проездом в горах, через который они должны были пройти. Высокие стены гор защищали от ветра, но таили в себе опасности. Вот за камнем на высоте промелькнула черная спина, потом еще и еще. Конь под Вадимом заржал, зверюга не выдерживала и вымотано клонила голову к земле.

— А ну, держись, — Вадим ущипнул коня за шею и дернул вожжи. Не помогло, конь сплюнул пену и повалился на землю. Вадима выкинуло из седла на полной скорости, конская туша пролетела над ним и упала в облако пыли.

— Коня угробил! — закричал Лермонтов, не видящий, как в него целятся со склона.

Вадим поднялся и вынул уцелевшее револьверное ружье из кобуры у седла. Отряд остановился перед самым въездом на переправу.

— Ты чего?

Вадим не ответил, выстрелил. Пуля прошла над ухом побледневшего Лермонтова и, отскочив от камня, впилась в загорелое лицо. Черкесс схватился за окровавленную рану и покатился к грунтовой дороге, поднимая облака пыли.

— Засада! — заорал Захарченко, вынимая ружье из чехла.

С боков послышались хлопки выстрелов, слишком далекие, чтобы хорошо прицелиться по всадникам. Вадим почувствовал, как дрожит земля. С той стороны переправы шел крупный отряд повстанцев. Они улюлюкали, кричали и стреляли в воздух, чтобы напугать русских.

— Садись, мать твою! — Захарченко протянул руку Вадиму, чтобы увезти его обратно к каравану.

— Нет, встретим здесь, — Вадим показал Михаилу на большие камни у самого выхода с переправы. Узкое место дороги, через которое не пройдет больше пяти всадников зараз, служило горлышком бутылки.

— Как ты их остановишь?! — Захарченко с ошарашенными глазами смотрел, как на них несется целое стадо. Вадим же подошел к Ефиму, который надел очки, чтобы пострелять.

— Ефим, где ящик?

— Здесь вашблогородие, — денщик показал на привязанный к коню зеленый прямоугольный ящик. Вадим снял его и достал из нагрудного кармана стеклянную трубку в кожаном футляре.

— Чудо, что не разбилась, — он вкрутил трубку вбок ящику.

За всеми манипуляциями одного безумца наблюдали охотники и Лермонтов, которые гадали, а почему бы не вернуться к каравану сейчас.

Рядом с рукой Вадима поднялось облачко пыли от шальной пули. Черкесские всадники решили уничтожить передовой отряд каравана, даже несмотря на не самую хорошую позицию. Люди Захарченко спешили и засели за камни, ожидая и веря в капитана. Ефим перекрестился и сжал ружье до белизны в костяшках. Вадим же вышел в полный рост, держа

в одной руке ружье, а в другой ящик. Он размахнулся и швырнул бомбу в центр строя. Металлическая ручка, прибитая к стенке, жалобно скрипнула и погнулась. Ящик же как пущенный над водой каменный блинчик сбил с коня удивленного черкеса, выбив немного пыли, и до влажного хруста вдавил ребра. Бомба рванула, разбрасывая чугунную шрапнель и пожирая в огненном облаке всех, кто находился рядом. На дорогу падали горящие тела, перемолотые осколками, они как лавина перемешивались и утрамбовывали задними рядами. Кони от ужаса не могли остановиться.

Из облака слипшейся грязи с кровью на Вадима выбежал обезумевший конь, полморды которого срезало осколком. Он ничего перед собой не видел и не заметил, как потерял всадника, просто бежал, пока были силы. Такого пуля не остановила бы.

Вадим закричал, изо рта у него пошел пар, а глаза засветились. Он встретил животное ударом в голову. Череп смялся, разбрасывая осколки с прилипшими к нему кусками плоти, но этого не хватило, чтобы остановить полтонны веса.

— Мать! — Вадим оперся на ногу и подхватил останки коня за шею. Конь с дрыгающимися копытами описал дугу в воздухе и упал.

— Стреляйте! Стреляйте! — заорал Захарченко и выхватил два револьвера. Он палил в каждого поднявшегося черкеса на ноги, которого видел. Из-за камней гремели оружейные выстрелы. Опустошив барабан, стрелок выкидывал его и вставлял запасной. Охотники Лермонтова с завистью смотрели на своих коллег, пока перезаряжали ружья.

Ефим выбежал из-за камня и побежал прямо к Вадиму, который сидел на дороге и не двигался. Часть мундира на груди и шеи обуглилась и легонько дымила.

— Вадим! Ранили?! — Ефим схватил Вадима под плечи и закричал. Он как будто к раскаленной печке прикоснулся, — Сукины дети!

Ефим закусил ус и потащил Вадима с дороги. Вовремя, ведь, пробившись через кучу малу тел, выехали уцелевшие горцы, они проскакали через трупы и бросились врассыпную, убегая в стороны от дороги вниз по склонам. Им в спины били выстрелы, уйти смогли лишь единицы.

Ефим дрожащими руками без кусков кожи открыл флягу с водой и облил лицо Вадиму.

— А! — вздохнул Вадим и сел.

— Ну слава богу! — Ефим улыбнулся в усы, — Мы через это уже проходили, Вадим Борисович! Больше я вас не брошу.

— Твои руки! — Вадим быстро пришел в себя.

— Ниче, до свадьбы заживут.

— До свадьбы, — Вадим окинул поле боя взглядом, — Захарченко, медика сюда!

— Сейчас, — ответил капитан, выбираясь из-под упавшего на него горца. Тот чуть не зарубил Захарченко, когда капитан перезаряжался, стоя за сухим деревцем. Шашка так и осталась торчать в стволе, застряв наполовину.

— Ефим, куда же ты бросился? — Вадим снял сумку с коня денщика. На сумке красовался белый крест, а внутри лежали бинты, ремень-жгут, зеленка и жидкий опиум в шприце. Такие сумки возили все в отряде Захарченко.

— Звали вашеблогородие? — к Вадиму подошел щупленький парень, который учился полевой медицине у доктора Гааза в Петербурге. Он напросился в поход, чтобы получить опыт, да и языки местные он знал. В отряде его звали Студентик.

— Ожоги вот, промой и забинтуй, — кивнул Вадим.

— Ого, это где ж вы так? — удивился Студентик, доставая из сумки чистую воду и

спирт. Ответа он не получил, потому что Вадим следил за пешим отрядом горцев, который должен был напасть на переправе.

— Уходят.

— Пешком далеко не уползут, — Захарченко успел проверить всех и подошел к Вадиму.

— Их на той стороне кони ждут. А мы на склоны не полезем, — Вадим достал трубку, чтобы закурить, но видимо, сломал мундштук при падении с коня, — черт.

— Вадим, возьми мою, — Ефим похлопал по карманам тыльной стороной руки, чем вызвал неодобрительный взгляд Студента, который наматывал бинты ему на раны.

— Господа, а что это было? — к ним подъехал Лермонтов, который с забинтованной рукой пытался перезарядить пистолет, сидя верхом.

— Засада, или вы не поняли? — почти искренне удивился Вадим.

— Я спрашиваю не про горцев, а про ваши выкрутасы. Капитан же предложил вам уехать с ним, вернулись бы к каравану, встретили врага там.

— А успели бы? Там дорога шире, взяли бы нас в кольцо. Может, кто из трусливых торговцев деру дал, а так вот, — Вадим указал на раздавленные тела.

— Ладно, атаку отбили, возвращаемся, — Захарченко проверил нет ли больше раненых в строю.

— Подожди, — остановил его Вадим, — соберите вещи с этих джигитов.

Студентик покривился, а один из охотников Лермонтова спросил:

— А много ли надо, вашблагородь?

— С запасом, как караван придет, похороним.

О желании оставить мародерство втайне Вадим промолчал, да и так все поняли. Даже насупившийся Студентик.

Вадим с непониманием посмотрел на удаляющуюся табличку “Грозный”, которая стояла вдоль дороги, уходящей на восток. Караван продолжал идти на юг гор в сторону Владикавказа. Любезный Захарченко объяснил, что их горячие головы, в этом месте он выразительно посмотрел на Лермонтова, отправляют на самую передовую. Вадим с пониманием принял судьбу и улегся рядом с Ефимом на ящиках.

Город-крепость держал важнейшую Грузинскую военную дорогу, которая проходила вдоль реки Терек. Крепость окружали два бастиона и три полубастиона. В центре же стоял дом правительства, окруженный новыми домами для квартирования офицеров. У подножья крепости шли работы по расширению предместий. Военный караван вошел в поток торговых вязок. По дорогам шла пехота. Бедные солдаты обливались потом, поднимаясь на гору.

— Смотри, русские, — Захарченко обратился к Вадиму.

— Не понял, а мы тогда кто?

— Мы тоже, но есть нюанс, — Захарченко замедлил коня, чтобы поравняться с повозкой, — я здесь уже как рыба в воде, считай кавказец. Ты свой фейс не криви, у любого казака или ветерана спроси. Я, когда уезжал, случай был: на рынке подрались прибывшие рекруты с чеченцами. Командир отправил местный полк, разнять, так сказать, драчунов. Так что ты думаешь? Полк полез бить морды рекрутам за чеченцев. Командиру потом объяснили, мол мы с ними бьемся уже много лет, считай наши.

Вадим задумчиво почесал щеку. Они остановились рядом с казармами. Захарченко сразу отправился убеждать высокое начальство отправить его с двумя поручиками на вольные хлеба. Меньше народу — больше кислороду.

Вадим же с Ефимом отправились на рынок, чтобы посмотреть товары. За время в дороге руки у Ефима стали лучше, и он уже сам мог таскать вещи.

Волы тянули груженные товаром повозки по главной улице до самого рынка. Там стоял галдеж, и от людей было не продохнуть. Вадим проталкивался сквозь человеческий океан к многочисленным торговцам. Горцы продавали почти все: скот, ткань из шерсти верблюдов, лес, пшеницу и рожь, покупали же оружие, инструменты из металла, коней. К Вадиму пристал особо ревностный продавец персидских ковров, который устал от долгого путешествия и уже месяц не мог продать товар. Вадим старался объясниться жестами, но безуспешно, поэтому пришлось дать пять рублей нахалу и уйти с ковром. Вот мимо чего он не смог пройти, так это целая корзина свежих персиков, которую сгрузили прямо с осла.

— Друг, почему? — спросил Вадим больше кивая, чем надеясь на понимание.

Суровый горец с впалыми щеками и густой бородой показал все пальцы на руках. На указательном правой руки не хватало пары фаланг, поэтому Вадим уточнил:

— Это десять или девять с половиной?

— Вашблогородие! — Ефим локтем толкнул Вадима. Торговец улыбнулся, обнажив зубы, и засмеялся.

— Хорош рус, хорош! Девять, за все.

— Ну у вас и цены, — цокнул языком Вадим и протянул ассигнацию.

— Только железом.

— Пожалуйста, — пожал плечами Вадим и отсчитал серебряники, на что горец протянул ему вожжи от осла и пошел вглубь рынка.

— Вашблогородь, и как это понимать? Нам же не дадут харчей не на казенного осла, — Ефим даже взгрустнул.

— Разберемся. Ты ковер лучше грузи и пойдем дальше.

Они ходили по рынку допоздна, накупив свежих фруктов и тканей. Местные торговали хорошим шелком, мимо которого Вадим не смог пройти.

По городу ходили патрули, они следили за порядком и проверяли приезжих. Вадима останавливали несколько раз, но чисто для видимости. Город еще не полностью стал гражданским и за порядком здесь старались следить. Ефим с нагруженным ослом отправились в распоряжение части. Вадим же заглянул в заполненный офицерами кабак. Захарченко занял стол и теперь ждал там Вадима с тарелками дымящейся баранины.

Капитан сидел в компании Лермонтова с начатой бутылкой молодого вина под мясо.

— О, господа, а как же подождать боевого товарища? — удивился Вадим и сел за стол.

— Мы тебя уже час ждем, — объяснил Захарченко, — я заказ сделал, думаю ты не против.

— Нормально. Как прошло? Главный не удивился, что ты пришел один отчитываться.

— Он сказал, чтобы вас обоих он в городе не видел без особой на то причины. Хоть в горах селитесь.

— Вот она немилость государя, — Лермонтов рукой без пальца зачесал волосы.

— А Это тост! — Вадим поднял кружку с вином.

Выходить на задание решили следующим же утром. Высокое начальство отправляло капитана Захарченко с вверенными ему людьми разоружать аулы местных. Затея гиблая, но начальство периодически пыталось ее продвигать.

Когда поручик лейб-гвардии Лермонтов пошел в часть, то состоялся один разговор:

— Что придумал? — Захарченко наклонился к жующему персики Вадиму.

— Разделимся. Я пойду с поручиком и его охотниками, ты с ветеранами. Мы идем первыми и развед�ем, если аул чист, то идем дальше, если же что или кого находим, то здесь твоя очередь.

— А почему ты с Лермонтовым? Не поубиваете друг друга?

— Что они мне сделают? Это тебе в спину выстрелить могут, народ-то дикий, а мне что?

— Почешешься, может, — кивнул Захарченко, — но люди вроде с понятием. После битвы у переправы выспрашивали про ружья твои, револьверные. Вон сейчас сказки рассказывают, — Захарченко кивнул в угол кабака, где сидели охотники и рассказывали истории друзьям.

— Жаль, что генерал нас не милует, я же ему хотел продавать ружья.

— Продашь еще.

— Дай бог, — Вадим встал из-за стола, чтобы пойти в часть, — и не забудь, где встречаемся!

Вадим проверял почту и кушал персики под пахучей свечой. Захарий Давидович писал из Грузии, что ждет Вадима в любой момент. Он уже получил дубовые бочки для коньяка и первые станки для игристого шампанского. Сейчас этот грузинский князь выкупал горные источники, чтобы создать несколько марок коньяка.

Из Питера писали о прибытии новых клиперов, которые построили во Франции. Их загружали шелком, дорогой одеждой и мебелью для продажи в Европе. Максим расширял механический и станковые заводы. Вслед за Есиславом новые пилы захотели купить другие промышленники. Дело шло.

Самым интересным были сообщения с Дальнего Востока, где один неугомонный генерал-губернатор начал добычу золота. Для обмена с Живым Александром Ивановичем Вадим выработал систему очков. Например, одно казнозарядное ружье оценивалась в сто пятьдесят очков, ящик взрывчатки в пятьсот, в те же пятьсот оценивался килограмм серебра или десять грамм чистого золота. Грубо, но понятно. Отдельно Вадим выделил технологии и специалистов, которых мог набрать в Европе. Так, он уже готовил новые станки для промывки золота. Оставался главный вопрос — доставка. Александр Иванович согласился, что он будет оплачивать все расходы на доставку, но в замен Вадим должен помочь с разведкой полезных ископаемых. На что Вадим громко посмеялся, описав несколько известных месторождений в Хоккайдо.

В добыче они выбрали стратегию опустошения окраин. Сначала опустошали не самые доступные, а наиболее отдаленные и спорные территории, где существовал риск вражеской атаки.

В чем удалось договориться, не торгуясь, так это в единой политической воле. Вадим гарантировал всестороннюю поддержку походам генерал-губернатора в обмен на прямой выбор целей. Александр Иванович доверился коллеге в вопросе выработки главной стратегии. Не сразу, но куда деваться, если почти полностью отрезан от европейской России тысячами километров тайги или замерзших морей.

Замезших морей. Вадим забарабанил пальцами по столу, прежде чем достал ручку и написал письмо Есиславу. В нем он просил купить верфь, чем больше тем лучше, пусть и не самую обустроенную. Деньги бы брались из фонда компании Вестник.

Они вышли рано утром, не встретившись с Захарченко.

— Вот и прощай Владикавказ, — Лермонтов что-то записывал в книжку карандашом.

На время остановки поручик лейб-гвардии пропал, но к назначенному часу явился.

Как и договаривались раньше отряд разделился на две части. С Захарченко помимо ветеранов ехали груженные взрывчаткой телеги.

— Господин кавалерист, а вы не хотите пересесть? — уточнил Михаил Юрьевич у Вадима, который повел телегу с зелеными ящиками и спящим Ефимом. В дору они отправились в мундирах.

— Нет, не хочу.

— Вы же офицер, а не обозник! — не успокаивался Лермонтов.

— Среди обозников тоже бывают офицеры, особенно если нужно охранять что-то ценное.

— Это вы про свои ящики?

— И про ящики, и про то, что внутри, — Вадим достал пару металлических цилиндров со скобами и торчащими кольцами, — Вот это, например, гранаты.

— А где фитиль? — подал голос Ефим и взял у Вадима одну из гранат, — когда с французами бились, был у нас молодец, кидал чугунные. Хех, бабахало, конечно, знатно.

— Нужно кольцо выдернуть и бросить, — Вадим осторожно вернул гранаты в ящик. Там в картонных ячейках стояло штук двадцать таких гранат.

Вадим взял на себя роль навигатора в дороге. Он под неодобрительными взглядами охотников он вел отряд через узкие тропинки и часто петлял, выходя на свои же следы. Вокруг проходили одни и те же горы, с густыми лесами в долинах. В отдалении паслись стада овец и коров, но никогда не подходили близко.

— Вадим Борисович, а не кажется ли вам, что мы ходим кругами? — первым не выдержал Михаил Юрьевич.

— Не кажется, я точно знаю, — Вадим натянул вожжи, останавливая повозку у спуска в долину. — Мы запутывали следы, чтобы прийти сюда.

Он рукой указал на заполненную лесом долину. Лермонтов старательно огляделся, даже закрыв глаза рукой от солнца, но так ничего, кроме деревьев не увидел.

— Но здесь ничего нет!

— И никого! — согласился Вадим, доставая капсульные нарезные ружья из повозки, — никого, кто бы мог вам помешать попробовать новое оружие.

Охотники неуверенно переглянулись. Многие из них носили черкески и папахи, загорелые лица почти не отличались от местных. Пара человек даже говорила на украинском. Вадим предполагал, что они могли быть из донских казаков, но с выводами не спешил, решил дать отряду попробовать новое оружие, оценить все плюсы. По горам им придется много бегать и люди с ружьями на шестьсот шагов намного лучше, чем люди с ружьями на сто.

Маленький воробушек перепрыгнул на ветку зеленеющего куста вишни. Воробушек потянулся к созревающей ягодке, чтобы сорвать, но где-то на противоположном склоне долины щелкнул выстрел. Свинцовая пуля Уманского конической формы прорезала горячий воздух и оставила от воробушка падающие перья. Ягодка так и осталась висеть на ветке.

— Недурно! — Вадим стоял над охотником, прикрывая глаза рукой, чтобы не слепило солнце.

— Что недурно? — Михаил Юрьевич всматривался через подзорную трубу в мишени.

— Спасибо, вашблагородие, — с колена поднялся охотник и отряхнул штаны, — Вещь! Сколько хотите?

— Да что ты дорогой, — Вадим похлопал охотника по спине, — какие деньги? Дарю!

— Спасибо.

Вадим щелкнул пальцами.

— А ты знаешь, как англичане в Индии называют стрелков, которые попадают по воот таким птичкам? — Вадим изобразил размер птички соединив большой и указательные пальцы.

— Нет, откуда мне, вашблагородь.

— Их называют снайперами! Снайпер очень осторожная птица, которая любит летать как подоженная, — Вадим рукой изобразил кривую траекторию остановившись рядом с носом Лермонтова. Охотники хохотнули.

— У нас же таких стрелков называют егерями, от немецкого. Выбирай, как тебя называть, заслужил.

— Ну так егеря привычнее, — улыбнулся в густую бороду Егерь.

— Не простоты ради, а почета для, — заметил подошедший Ефим, — пойдете обедать.

Ружья со скользящим затвором под папковый патрон понравились всем. Именно их Вадим хотел преподнести Российской армии. Вернее, продать. Папковые патроны он отработывал на охотничьих и револьверных ружьях. К сожалению, со более практичче сталь и цинк для гильз оставались дефицитом. Генералы повесили бы Вадима, если бы он стал пускать дорогие металлы на такое безобразие, как русские солдаты.

Самым близким аналогом в других странах была новая игольчатая винтовка, принятая на вооружение прусаками в сороковом году. Они назвали ее “легкой капсюльной”, чтобы запугать дружелюбных соседей. Британцы носились по миру со своей Коричневой Бети и не спешили ее менять. Французы застряли в Африке и не спешили перевооружаться. Оставались американцы, которые еще в девятнадцатом приняли казнозарядные винтовки Холла. То здесь, то там по миру разрабатывали решения, которым суждено было сойтись.

— Давайте быстрее, пока горячее, — Ефим хлопнул в забинтованные ладоши, приглашая всех к расстеленной на земле скатерти со снадобью. Из Владикавказа они взяли морс, лепешки, яйца, сыр и творожники. Охотники возили с собой крупы на каши, Вадим же потащил сухой завтрак. Постно, зато полезно и придает сил.

Пообедав, отряд двинулся дальше на восток за реку Асса. На следующее утро появился первый аул. Он стоял на склоне горы, ступенями поднимаясь на несколько этажей. Отряд разделился: к поселению пошел Вадим, Михаил, Ефим и Егерь. Гостеприимствс гостеприимству, но крупный отряд могли неправильно понять.

— Вашблогородие, а вы уверены? — уточнил один из охотников у Михаила Юрьевича.

— Конечно. Если стрельбу услышите, тогда и пойдете на помощь.

— Вы извините, но взять аул вдевятером это сказка, — пояснил Егерь.

— Что-нибудь придумаем. И хватит говорить глупости, а то сглазишь, — Михаил Юрьевич постучал по телеге.

Вдоль дороги мальчишки пасли стадо овец. Как только отряд показался, один из пастухов побежал к каменным стенам аула. Низенькие домики еще пускали дымы, когда открылись ворота и навстречу путникам вышел крепкий старец с аккуратной бородой и шашкой в простых ножнах на поясе.

За отряд говорил Егерь, который знал местные языки. Вадим осторожно вслушивался и шевелил губами. Ефим молча наблюдал за ним, натирая мазью руки. Денщик прищурился, когда ему показалось, что у Вадима загорелись глаза. Рядом в повозке лежали револьверы. Так, на всякий случай. Егерь кивнул и показал отряду проезжать. Горец же стоял с ничего не выражающим лицом. В ауле залаяли собаки. Они не лезли к незнакомцам, только пугали. Лермонтов увидел в окне дома круглое лицо и подмигнул. В ауле пахло соломой и веяло прохладной из колодца.

Горец проводил гостей к самому крупному дому, который лестницей забрался на склон горы в три этажа. У входа стояла поилка, где пристроили лошадей. Под лестницей старик складывал нарубленные дрова, где боком лежал неплохой топор.

— Уважаемый Эмин согласился принять нас у себя, — пояснил Егерь, — он с хозяйкой останется на первом этаже, нам же выделяют второй. Дети у него взрослые, все уехали, они теперь одни здесь живут.

На первом этаже гостей встречала большая комната за тяжелыми деревянными дверями. Беленые стены и потолок слегка подкатились от кирпичной печи у дальней стены. Там же был проход в соседнюю комнату и лестница на второй этаж. С противоположной стены стоял низкий деревянный диван, над которым висела кольчуга и пара шашек в ножнах.

Уважаемый Эмин пригласил гостей за стол. Егерь сначала спрашивал, а потом переводил:

— Уважаемый Эмин, хотел бы знать, чем может помочь путникам?

— Спроси, а уважаемый Эмин не хочет узнать, зачем пришли путники, — Вадим кивнул Егерю, чтобы тот перевел.

— В горах, не принято спрашивать, откуда пришел путник и куда идет.

Вадим задумчиво потер щеку.

— А нет ли у вас внука? Мы видели шустрого пастуха, которой побежал в аул? — спросил Лермонтов.

Эмин ответил не сразу. Он нахмурил густые белые от времени брови и повернулся к молчащему Ефиму. Они, наверное, равны в сединах, подумал Вадим.

— У него много внуков, столько, что всех и не упомянуть, — перевел Егерь и засмеялся.

В комнату тихо зашла пожилая женщина в платке и поставила котелок с хинкалями.

— Угощайтесь, — по-русски объявил Эмин.

Он угощал гостей чачей и рассказывал, как в молодости прошел все горы от моря до моря. Вадим ел, пил со всеми, но что-то царапало сознание. Куча мелких деталей не давала покоя.

Уже ночью, когда все легли спать, Вадим сидел на крыше дома и писал под светом звезд. Его глаза слабо горели в темноте, но недостаточно, чтобы заметили с улицы.

— Вашблогородие, поспать надо, — на крышу заглянул Ефим. У него зашумело в голове, и он выпил глицерину.

— Не хочу, — Вадим встряхнул перьевую ручку, которая вдруг решила заартачиться.

— Что на ночь глядя писать? День будет, дорога будет. У вас так ловко выходит на кочках писать.

— Научные статьи сами себя не напишут.

— Какие еще статьи? Посмотрите, какая вокруг природа, — Вадим не видел, стоящего за спиной Ефима, но прекрасно представил, как тот указал рукой на горные вершины, — А сейчас ночь, спать надо.

— В дороге выплюсь, — пробурчал Вадим, — ты же хочешь, чтобы я был ученым человеком? Чтобы не по горам лазил, а в университете преподавал?

— Хочу, — честно признался Ефим, — Этож почет какой! Учить отроков — дело хорошее. И я не слышал, чтобы университетским сносили шашкой голову.

— Или топтали конем...

— Или топтали конем, — согласился Ефим потухшим голосом.

— Видел?

— Видел.

— И они?

— Да, все.

Вадим подбросил ручку в руке.

— Но я сказал, что в пылу боя и не такое бывает. Мало ли что нам показалось? Солнцем головы напекло или...

— Ефим, — жестче чем нужно остановил его Вадим.

— Я же понял, что тогда в проклятых степях вас потерял. Мне сон снился, что вас развернули и отправили к нам на землю с миссией, я подумал что просто сон, но потом. Потом Вадим ты вернулся, весь в крови и пыли. С белыми-белыми как у мертвеца глазами. Подожди, — Ефим остановил Вадима, который хотел что-то сказать, — Уж старый вояка мертвецов много повидал, поверь. Вернул тебя кто-то, то ли дьявол, то ли бог, я не знаю. Но думаю, что мой грех, когда я тебя оставил... Я вижу, что ты живой, и это главное. С тобой бы ушла частичка каждого из нас.

Ефим тяжело вздохнул, перекрестил Вадима и пошел спать. Вадим же подавил в руке слабую дрожь и продолжил писать.

— Мы не можем уйти с пустыми руками, — Вадим поклонился извиняясь.

— Что вы имеете в виду? — перевел Егерь вопрос Эмина, который провожал гостей.

— Нам приказали, забрать оружие, но я вижу, как вы к нему относитесь. Поэтому можете продать?

Лермонтов удивленно поднял бровь. Горец же задумался и не сразу нашел что сказать. Он поднял крышку дивана и достал оттуда шашку в ножнах. Навершие рукояти украшала россыпь рубинов.

— Найдется ли у дорогого гостя, достойная цена? — перевел Егерь слова улыбающегося Эмина.

Вадиму пришлось сходить до повозки за маленькой деревянной шкатулкой.

— Порадуйте хозяйку, — он протянул шкатулку Эмину. Горец с любопытством ребенка заглянул внутрь и обомлел. Там лежали украшения в виде жуков: тельцами для сережек

служили рубины в оправе из серебра.

Эмин приложил к шашке пару пистолетов с рукоятями из слоновой кости.

Уезжали в добрых чувствах, только Михаил Юрьевич ехал мрачный.

— Вадим Борисович, а не страшно вам возить такие дорогие вещи по горам?

— А чего мне бояться? — улыбнулся Вадим, рассматривая кремневые пистолеты. Они похоже были из Персии.

— Ну хорошо, вас ничего не пугает, но об отряде вы подумали? Что, если пойдет слух, о русских, которые ездят с драгоценностями?

— Почему "если"? Он пойдет, рано или поздно. Тогда к нам придут бандиты, мы их побьем и принесем во Владикавказ хорошую новость. Может, вас простят и пустят в Петербург.

— Ага, одно нападение уже отбили, — пробурчал Лермонтов. Поручик скучал без высшего общества и всех острых ситуаций куда мог и обязательно попадал раньше.

Михаил Юрьевич слегка замедлился, чтобы поравняться с Ефимом, который ехал в кузове.

— Ваш Вадим, готов плавать в реке крови. Может, ему это даже нравится.

— Глупости, — Ефим ножом чистил яблоко и даже не поднял головы, — Вадим Борисович — богобоязненный человек и не будет заниматься такими ужасами.

— Горцы тоже боятся бога, но это им не мешает подлавливать казачьи патрули.

Перед следующим аулом Вадим начертил круг на большом камне в стороне от дороге.

— Метка, для Захарченко. Он увидит и пойдет к следующему поселению, — пояснил Вадим.

— А если нужна помощь или еще что? — поинтересовался Егерь.

— Тогда крест. Но смысл у каждого поселения ставить круг нет, мы с Михаилом заранее обговорили порядок, — Вадим лукаво посмотрел на прикрытые тканью ящики в повозке.

Следующие дни выдались спокойными. В аулах отряд встречали дети, старики, иногда мелькали девушки, но не мужчины. Все взрослые как будто разом ушли. И чем дальше на восток шел отряд, тем тревожнее становилось. Несколько раз они видели крупные ватаги вдалеке, но горцы не рисковали приближаться.

А потом все началось. Первого августа отряд пришел к стенам аула Ачхой-Мартана. В крупном поселении по местным меркам стояла наблюдательная башня и крепкие ворота упроченные лентами железа. Отряд Вадима застал уходящих горцев, которые шли на юг. Только благодаря удаче отряды разминулись. Горцы спешили и поднимали пыль, которая столбом виднелась на многие километры.

— Интересно, — Вадим повел повозку к аулу. Отряд разделился как и до этого. Охотники засели на гребне, им оставили трубу для наблюдения.

В этот раз никто не спешил встречать гостей, а на башне мелькал наблюдатель. Не мальчишка или старик, а мужчина с ружьем. И крутился он около медной пушечки, ствол которой поблескивал в тени амбразуры.

— Открывайте! — Егерь огрел ворота тяжелым кулаком.

Ворота открылись не сразу. Заскрипели через пару минут, требуя смазки ржавыми петлями. На пришедших выглянул посмотреть подросток с жиденькими усиками, загорелым лицом и грязной папахой.

— На почетный караул не тянет, — заметил Вадим, когда подросток перестал прятаться

за воротами и показался полностью. Мешковатая рубаша в заплатках, подпоясанная простеньким куском материи, и босые ноги — все это выдавало в подростке чуть ли не беспризорника по местным меркам.

— Что надо, Урус? — уточнил подросток.

— Постоя. Видишь, с дальней дороги идем, устали, — Егерь говорил на местном, не переводя, чтобы не тратить время. Из всех его понимал Вадим, и чуть-чуть начал Лермонтов.

— Вижу, что с дороги, вижу, что устали, а стучали зачем?

Егерь не отличался вспыльчивостью, но нагайку в руке сжал. Парень это заметил и вжал голову в плечи, но за ворота не пустил.

— Пойдем, в этом ауле усталому путнику не подадут хлеба, — Вадим натянул вожжи, разворачивая повозку, — наверное, здесь все настолько бедны и несчастны, что не хотят пускать торговца с украшениями.

На последнем предложении у юноши дрогнули уши, но не от слов Вадима, а от тихих голосов за воротами.

Заскрипели петли, и ставни открылись. Из-за ворот вышел высокий чеченец с острой бородкой и колючими глазами. На его загорелом лице вместе с маленькими шрамами заела хищная полуулыбка.

— А ну, брысь! Кто заставляет гостей ждать! — подростка подвинули с дороги, — меня зовут Ахмет, старейшина, и я рад приветствовать гостей в Ачхой-Мартана. Пойдемте, найдете приют в моем скромном доме, — Ахмед обращался к гостям на сносном русском. Его черкеска из хорошей шерсти, дорогая шашка в ножнах и пара новых сапог не сочетались с образом деревенского старейшины.

Когда отряд прошел ворота, то оказался посреди генеральной уборки. Иначе назвать женщин, которые подметали главную дорогу, Вадим не мог. Рядом с повозкой ехал Лермонтов, он осторожно толкнул Вадима и кивком показал на следы от подков.

— Друг мой, здесь такой запах, что никакой уборкой не спрячешь табун, — перешел на французский Вадим.

— Вы говорите слишком спокойно, — Лермонтов тихо щелкнул кремниевым замком на пистолете.

— Спокойнее, — Вадим только улыбнулся, — сначала посмотрим, что к чему.

— Чего здесь смотреть? Горцы далеко уйти не могли. Налет готовят. А это перевалочный лагерь, вот.

— Готовят, — согласился Вадим.

Они остановились рядом с широким каменным домом в один этаж, прямо под амбразурами сторожевой башни. Кованая дверь в башню была закрыта.

— Дорогой Ахмет, у меня не так много осталось украшений, давайте быстро все обсудим, и я поеду? — обратился Вадим к старейшине.

— Прощу, заходите, — Ахмет открыл дверь в дом.

— Секунду, — Вадим повернулся к товарищам, — пойду я и Михаил, а вы смотрите, чтобы любопытные в повозку не лазили.

— А переводить, вашблагородие? — удивился Егерь.

— Идем, идем, Вадим Борисович знает, что говорит, — Ефим привязал коней у стойлу.

У входа в дом стояла сгорбленная женщина в платке. Мозолистыми руками она держала дымящийся глиняный горшок.

— Гостям чачу, и стол накрой — приказал Ахмед и прошел за стол.

В углах комнаты и под тумбочкой лежали осколки посуды. Все выглядело как-то неряшливо, как если бы недавно все переворачивали с ног на голову.

Женщина молча принесла приборы, поставила горшок с бешбармаком, тарелки с огурцами и помидорами. Ахмед ждал, жуя петрушку, пока женщина накроет и уйдет.

— Сколько у вас с собой? — спросил Ахмет Вадима, когда они остались одни. Старейшина поставил перед гостями кубки и налил чачи.

— Немного, но на пару десятков хороших шашек и ружей хватит, — Вадим принялся и поморщил нос, — Я давно в дороге и почти все уже обменял.

— Как это? Не боишься с собой столько драгоценностей возить? Вдруг ограбят.

Михаил Юрьевич порывался что-то сказать, но Вадим его больно ущипнул под столом и ответил:

— Так, а чего боятся? Я оружие почти сразу казакам продаю.

— Каким казакам? Вас же всего десяток ходит, — не понял Ахмет.

У Лермонтова дернулась щека от оговорки старосты. В ауле они показались вчетвером.

— Так это по деревням да аулам, а так идет отряд в триста голов, а с ним и касса. Чего маленькому торговцу рисковать?

— Триста, — попробовал Ахмет на вкус цифру, — маленькому не надо рисковать. В горах беспокойно.

— Беспокойно.

Лермонтов потянулся за вином, но Вадим остановил руку с кубком.

— Если тебе нечего менять, то мы поедem. Дорога извилистая, а если будем пьяными, то и упасть можем.

— Подожди, как это поедете? Оставайтесь, вас никто не гонит! — спохватился Ахмет. Крупная капля пота скатилась у него по лбу.

— Честно, не можем, начальник во Владивостоке шкуру спустит, если вовремя не придем, — вмешался Лермонтов, понявший Вадима.

— Орудия для торговли нет, но, может, возьмешь воском? Шерстью! Пшеницей, — перебирал предложения растерянный Ахмет.

— Спасибо, но нет, пойдem, — Вадим встал из-за стола, поклонился и зацепил Лермонтова за руку.

На ухо лейб-гвардейцу он зашептал:

— Идем быстрее, а то нас здесь закопают.

— Что за Владивосток? — также шепотом спросил Лермонтов, но ответа не получил.

Они вышли на улицу, где у повозки Ефим нагайкой отгонял любопытного подростка, который до этого открывал им ворота.

— А ну, пшел прочь!

При этом парень тер ушибленную руку и лепетал что-то на местном. Егерь же стоял у коней и держал руку на чехле от ружья.

— Мы уезжаем! — Вадим крикнул погромче, чтобы его все слышали.

На башне в амбразуре шевельнулись. Вадим прицелился, куда бы ударить, чтобы свалить каменную постройку, но в дверях дома появился Ахмет.

— Жаль, что торговли не состоялось, пожалуйста, передайте своим друзьям, что мы в Ачхой-Мартана рады путникам!

Он говорил громко, чтобы его слышали на башне.

— Спасибо, прощайте, — Вадим сел за вожжи.

Отряд уезжал в спешке, под пристальными взглядами местных. Лермонтов поежился и почесал спину между лопаток.

— Вадим... Борисович, а что это было? — захотел узнать лейб-гвардеец, когда они уехали подальше.

— Со смертью мы разминулись дважды, — Вадим вертел головой, чтобы увести отряд с дороги.

— Как это дважды?

— Первый раз, когда разминулись с конными, ты пыль видел?

— Да, — Лермонтов тяжело сглотнул. Вся ситуация вызывала слишком много вопросов, — налет же готовят.

— Это раз. А второй раз в ауле. Ты заметил, что пахло чесноком? — Вадим выбрал путь и повел туда отряд. К ним ехали охотники, которые до этого ждали в укрытии.

— Вашблогородь, мы видели, куда уехали горцы, — начал отчет охотник, но Лермонтов его прервал.

— Потом. Вадим, причем здесь чеснок?

— Притом что нас хотели отравить. Так пахнет мышьяк, яд такой, — Вадим спустился с повозки и повел коней за узду через крутой склон. Охотники последовали его примеру и спешили. Дорога как таковая уходила в другую сторону, откуда отряд изначально пришел, Вадим же повел по бездорожью. Они шли на свой страх и риск, огибая гору.

— Вашблогородь, это сказки! Ну не будут чеченцы травить гостя! — в разговор вмешался Егерь.

— А вот представь себе. Как иначе объяснить чачу, от которой разило чесноком? Я не знаю.

— А что за отряд казаков в триста человек ты выдумал? — нога Лермонтова скользнула по мокрому от росы камню, но лейб-гвардеец удержался.

— Обманул, напугал. Иначе бы нас вообще не выпустили, а так дождутся конных и пойдут за нами в погоню. Здесь намечается что-то большое и я должен узнать, что именно.

— Мне кажется, что ты перегибаешь. Со всем, — выдохнул Лермонтов.

— А давай проверим? Оставайся здесь и жди горцев, а мы пока уйдем подальше, — предложил Вадим.

У повозки заскользило колесо, и кони заржали, врываясь копытами в рыхлую землю. Повозка продолжила скользить, задняя ось повисла в воздухе над уходящим вниз склоном. Вадим заскрежетал зубами от напряжения и потащил коней за упряжку дальше. Ближе к закату отряд обошел гору и вышел на дорогу.

— Что теперь? — спросил Ефим, вычесывая щеткой бока взмыленному коню.

— Ждем Захарченко, — Вадим отпил из фляги. Охотники от усталости падали на землю.

— А долго это? — уточнил плюхнувшийся рядом Лермонтов.

— Есть у меня впечатление, что не так долго, — Вадим прикрыл глаза от заходящего солнца и повернулся на запад, где вопреки восточному ветру к ним плыло одинокое облако.

Отряд Захарченко шел по старой грунтовой дороге в сумерках. Капитан с постным лицом всматривался в каждый куст и большой камень в поисках знака. За прошедшие полтора месяца он не раз уже проклял Вадима с его задумкой о секретных метках.

— Капитан, а нам еще долго? — уточнил молодой Студент.

— Наслаждайтесь видом, — Захарченко наклонился в седле и достал свернутую карту из-за голенища. На ней подробно изображался весь Кавказ? разбитый на квадраты. Особенности местности отмечались так, если бы человек ее рисовавший облетел все горы с неба и линейкой замерил высоты. Михаил очень берег карту и в случае плена был готов ее съесть.

— Во-от за тем поворотом, должен быть сигнал, — Захарченко рукой указал на дорогу и взгляделся вдаль. В тени горы стояли силуэты людей, — братцы, к бою.

Он выхватил револьвер, на котором появились потертости и нагар после частого использования. Отряд спешил и пошел к неизвестным, прикрываясь дорогой, с лошадьми оставили пару человек, чтобы животные не шумели.

Захарченко почти на брюхе подполз к большому камню, за которым сидели неизвестные и разговаривали.

— Ну вот и говорю я Захарченко: хватит, любезнейший, так себя духами поливать, лучше сходим в баньку, там вам красавицы Петербургские спинку потрут. Так нет бы согласиться, а он что?

— Что? — спросил молодой голос.

— Позвал в одно заведение сомнительного...

— Врешь! Врешь, гад проклятый! — Захарченко вскочил и помчался с кулаками на Вадима, который травил байки охотника и Лермонтову.

— О, явился! Я думал, что мы здесь старость успеем встретить, — Вадим поднырнул под крепкий кулак Захарченко, уворачиваясь от удара, но скорее спасая друга от ненужного перелома.

— А ну, стой! Да за такие истории я тебе сейчас такие фонари поставлю, факела в горах не нужны будут! — Захарченко замахнулся для нового удара, но Вадим его только легонько ткнул пальцем в живот. Может, и выглядело со стороны легонько, но воздух вышел весь, и капитан как-то сжался.

— А что ты хочешь? Долго я тебя змея Кавказского буду ждать? Сколько ты еще ползать на пузе? собирался вокруг лагеря? — Вадим показал на испачканные в пыли ноги и черкеску капитана.

К лагерю расслабленно вышли ветераны с оружием в руках. Может, всего разговора они не слышали, но со змеем Вадим попал в точку.

— Вадим Борисович, а какой змей? — хохотнул Студент, — Наверное, удав, мы уже дышать не можем, сколько пыли наглотались. Душит-сь.

По отряду пошел смешок.

— А ну, цыц разговорчики, — Вадим прервал смешки, — Присоединяйтесь к позднему ужину, умывайтесь, вытираетесь и через час в дорогу.

— Какую еще дорогу? — не понял Захарченко. Он погрозил Студенту кулаком и потер живот.

— Нашли мы передовой лагерь, здесь разбойники, — обрадовал всех Вадим.

— Сколько человек? — Захарченко сел рядом с Лермонтовым, который протянул капитану флягу с водой.

— В ауле отряд из двух сотен, за стенами есть башенка с пушкой.

Захарченко перестал пить и пальцем медленно пересчитал людей.

— Вадим, а нас не маловато?

— Ну не на стены же мы полезем. Применим военную хитрость! — Вадим многозначительно поднял палец.

— Вадим Борисович, это же аул — считай маленькая крепость, — пояснил всеобщее недоумение Егерь, — а у нас ни пушек, ни пехоты.

— Это вы не слышали о троянском коне, — в свете луны улыбка Вадима показалось кроваво-красной, и по спине Лермонтова побежали мурашки.

Послышался шум, со склона горы к маленькому лагерю бежал запыхавшийся дозорный из числа охотников.

— Ваш благородия, идут. Десять! — говорил он с акцентом и сбивался от пересохшей глотки.

— Вадим, а это что? — Захарченко встал. За ним встали все в лагере.

— А это наш троянский конь. К оружию, братцы, пойдем встречать врага, — Вадим уже развернулся в сторону склона, но его за руку поймал Захарченко.

— Я понимаю, что ты себе голову не свернешь, но хоть людей побереги.

— Обижаешь.

— И еще, — Захарченко встал вплотную, и одними глазами посмотрел в небо, — оно не отстаёт. Привязалось после перестрелки на переправе.

Капитан говорил с долей горечи и бессилия.

— Я надеюсь, что ты в него не стрелял?

— Ты меня за кого держишь? Нет, хотелось конечно, но как бы это выглядело, — он опустил плечи.

— Разберемся, но потом, сначала встретим и порадуем жадного Ахмета.

— Вадим, да пойми ты, это какая-то нечисть, — Захарченко достал из черески карманные часы на цепочке. По белому циферблату стрелки бешено нарезали круги против обычного своего хода. Вадим полез за своими часами, только чтобы увидеть подобное поведение и у них.

— Беда, — он почесал подбородок, — теперь не узнаем, когда обед.

— Да мать твою! Шутник, — сплюнул Захарченко и пошел возглавлять засаду.

Вадим немного отстал от отряда, наблюдая, как огибая гору, проплывает тяжелое облако вслед за капитаном.

По склону горы в темноте шел отряд горцев. Их вел Ахмед, который тихо матерился, пока держал коня под узду. Из-за скользких камней горцы спешили и в полутьме искали следы. Слава Алаху тяжелая телега русских оставляла за собой глубокие борозды, по которым легко читался их путь.

В тишине ночи хрустнула ветка. Ахмет повернулся к горцам, чтобы отчитать за шум, но понял, что ветка хрустнула с другой стороны.

— Господа, а что это мы по ночам не спим? — Вадим вышел из-за большого камня навстречу. В руках у него блестело дуло револьвера.

— Гуляем, — выдал Ахмет первое, что пришло в голову, и потянулся за пистолетом.

— А вдруг кто нехороший подкрадется? Ограбит, — Вадим щелкнул пальцами, и воздух пробил выстрел. Папаха на голове Ахмата подпрыгнула.

— Ахаха, глупый урус, теперь я знаю, что у тебя нет выстрела! — Ахмет дрожащей рукой направил пистолет на Вадима, глаза которого в ночи странно блестели.

— Да ну? — Вадим снова щелкнул пальцами, и папаха на голове Ахмета подпрыгнула во второй раз. Во тьме послышался лязг металла, — сложите оружие. Повторять не буду.

— Да ты шакал! — вскинул ружье горец за спиной у Ахмета. Одновременно со щелчком пальцев прозвучал выстрел, и тело чеченца покатилося вниз. Приученный к стрельбе конь только испуганно фыркнул, потеряв хозяина.

— Еще желающие? — Вадим вытянул рукой и растопырил пальцы, изобразив пистолет, — Паф!

Именно в такие моменты максимальной напряженности Вадим отдыхал душой. Или тем, что у него душой считалось. Тяжелая работа стачивала струей стресса даже таких фанатичных Вестников.

К горцам вышли охотники с винтовками. Это стало последней каплей, чтобы чеченцы сдались.

— Воин живет, чтобы завтра пойти в бой, — прокомментировал на местном Вадим, когда забирал шапку с пояса Ахмета.

Староста молча наблюдал, как его людей отводили от коней и ставили в линию. Он же стоял напротив Вадима.

— Вот он, — Вадим кивнул в сторону упавшего на склон подстреленного, — был воином, а вы, собаки. Огонь!

Ахмет обернулся на выстрелы. Ему вбок уткнулось дуло револьвера.

— Теперь твоя очередь, — Вадим взвел курок.

— Подожди, урус подожди, я полезен, — из-за волнения у Ахмета усилился акцент, — Я знаю сколько людей в ауле.

— Это и я знаю, — Вадим посильнее надавил револьвером, — думай еще.

— Я, я скажу, где остановились люди Шамиля!

— Хорошо, я тебя не убью сейчас, — Вадим снял револьвер со взвода и убрал в набедренную кобуру, — Мы отойдем пообщаться с товарищем, вы пока приберитесь здесь.

— Хорошо, — кивнул Егерь.

Оба Михаила молча наблюдали за разыгравшейся сценой с выступа над склоном.

— Вы где его нашли? — не выдержал Лермонтов.

— Он сам меня нашел, — с долей горечи вздохнул Захарченко.

— А сбежать не пробовали?

— Да куда там, — Захарченко махнул рукой и полез за трубкой, — мне же нравится, по большому счету.

— Это нравится? — Лермонтов указал на склон, куда упали расстрелянные горцы.

— Не это, конечно, вернее, не так. Мы же пока до вас добирались, разбили две шайки, — пояснил Захарченко и чиркнул спичкой, — считай, кому-то жизни спасли. Да, есть перегибы, но куда без них?

— А в плен взять?

— И кто этих пленных будет сторожить? Ты, поручик? А если кто-то сбежит и аул предупредит? Будем мы по горам от трехсот человек убегать.

Захарченко затянулся, распаяя табак в трубке. Дурманящий никотин легкой мглой окутал сознание.

— Пошли, спросим у нашего Македонского, что дальше.

Они подошли, когда Вадим с Ахметом громко спорили, стоя за высокими кустами.

— Я тебе говорю, глотай! Жить хочешь, глотай, — говорил Вадим.

— Урус, ну что ты делаешь? Ну куда? — был в ответ Ахмет, — ну что мне эту гадость в рот тянуть?!

— Так, либо ты глотаешь и идешь с нами, либо я тебя пристрелю. Раз, два!

— Ладно, ладно, шайтан проклятый. Безээ, ну и гадость.

Лермонтов обменялся с Захарченко взглядами.

— Это у вас инициация принятия в отряд такая?

— Ты не поверишь, я сам в шоке, — Захарченко приложил руку к груди.

Они заглянули за куст и увидели, как горец закидывает в рот белую таблетку. Вадим протянул ему флягу, чтобы запить.

— Ух, — Захарченко рукой с трубкой вытер испарину на лбу, — мы честно, уже чего недоброе подумали.

— Меньше думать надо, брррр, — Вадим затряс головой, — то есть меньше подслушивать надо. Теперь, когда мы разобрались с преследователями, перейдем ко второй части нашего Троянского коня. Конь, а ну, подай голос.

Вадим тыкнул Ахмета пальцем вбок, на что тот попытался изобразить ржание, но получилось скорее бляение.

— Это не конь, а осел какой-то, — заметил Лермонтов.

— Прекрасно! Зачем воровать у греков, если можем придумать сами! — Вадим пристально рассмотрел Ахмета, — Кавказский осел! Гениальный план, о котором напишут в учебниках.

— Каких учебниках? — не понял Лермонтов.

— Бумажных конечно. Все, по коням. — Вадим пошел помогать разгружать телегу от ненужного барахла. Они должны успеть до того, как взойдет солнце.

— А у вас еще воды не будет, а то в горле першит, — попросил Ахмет.

По грунтовой дороге под яркой луной ехала пятерка всадников, повозка и с десятков свободных лошадей.

— Эй, кто идет? — крикнули с каменных стен аула.

— Свои, Паша.

— А, это ты Ахмет. А где еще люди? Вас уезжало десятеро? — любопытствовал на местном дозорный.

— Полегли, где же еще. Урусы отбивались, но теперь все на дне оврага лежат.

— Туда им и дорога.

Повозка подъехала ближе, почти дошла до света факелов.

— Пришли людей, нужно отнести тела наших Джигитов, — скомандовал Ахмет дозорному, который вглядывался в закрытые лица всадников.

— Так нет никого. Ты уехал, Нурлан еще не приехал, я здесь с Назирскими остался.

Ахмет цокнул языком. В глубине души он, конечно, надеялся, что заведет русских в ловушку, но не вышло. В ауле сидел десяток дежурных. Основной отряд еще не вернулся.

— Где же шляется Нурлан ночью?

— Да я, откуда знаю, — дозорный спустился и открыл ворота. Ахмет стоял прямо в проходе и не дал дозорному рассмотреть всадников.

— Иди за всеми, пусть помогут. Мы пока начнем разгружать.

— Но Ахмет, подржди, я должен стоять на посту.

— Живо, или не получишь долю, — скривился Ахмет от тычка в спину, но молодой дозорный, воспринял это как раздражение.

— Хорошо, сейчас.

Ахмет закашлялся и отошел от ворот. Ветераны в черкесках спешили, делая вид, что приводят в порядок лошадей, когда из-за ворот вышли вооруженные горцы.

— Ахмет, ради чего нас разбудили? Чего не заходите? — возмутился широкоплечий чеченец в кольчуге.

— Назир, возьми да посмотри. Или хочешь всему аулу показать? — ехидно ответил Ахмет, указав рукой на повозку. Горцы заглянули в кузов, где ткань накрывала собранное оружие. Ветераны же медленно отходили подальше. Вадим дернул Ахмета,

— Где остальные?

— Еще не приехали, — прохрипел Ахмет.

— Ты сказал, что здесь триста голов.

— Ошибся, честно, — он закрылся руками, ожидая удара.

— Эй вы не отряд Ахмета! — закричал Назир с золотой шашкой в руках.

— Не стрелять! — крикнул Вадим, но было поздно.

Под трофейным оружием лежало три ящика взрывчатки. Егерь ждал и выстрелил по торчащему из ящика взрывателю, когда их раскрыли. Огонь как выпущенный джигит накинута на людей и землю. Столб иск озарил округу, пока осколки мечей, сабель, кинжалов и ружей, как горящая картечь засвистели в воздухе. Кусок лезвия пролетел между Вадимом и Ахметом. Он снес голову ветерану, начисто срезав ее с шеи.

По земле ударил толчок, который разошелся по долине громахая далеким эхо. На дороге показался конный отряд во главе с Захарченко, который что-то яростно орал, пока размахивал шашкой. Сразу за капитаном мчался поручик Лермонтов и его охотники. Они как стадо буйволов пронеслись через полыхающие останки горцев и выбитые ворота в тесные улочки аула.

— Да я тебя сейчас задушу, — прошипел Вадим и потянулся к шее Ахмета.

— Не губи, — выдавил из себя горец и упал на колени. Он держался за горло и открывал рот, как выброшенная на берег рыба, — воды...

— Собака, — выплюнул Вадим и бросил на землю противоядие.

Таблетка упала в пыль, но Ахмет, не запивая, затолкал ее себе в горло.

— Отряд, живо внутрь, — скомандовал Вадим, но его голос почти потонул в выстреле медной пушечки из башни. И либо стрелок опытный попался, либо ему повезло, но первая же картечь сбила двух охотников с седел.

Ветераны забрались на лошадей и поскакали внутрь аула, чтобы поддержать Михаила. Вадим поймал за руку Егеря, который отправился с ним. Охотник выдержал тяжелый взгляд, ничего не сказав. Вадим только указал рукой на башню, с которой стреляла пушечка.

— Понял, — Егерь оставил коня и побежал на стену аула с ружьем в руках.

Вадим оглянулся на грунтовую дорогу и то, что осталось от его повозки. Вадим закатал рукава и потащил разбитую деревянную конструкцию, в которой из целого осталось разве что одно колесо. Руки от тлеющего дерева покрылись серой коркой, от которой шел белый

пар.

Закончив баррикаду, Вадим наклонился и приложил ухо к земле, чтобы услышать топот трех сотен лошадей. Во дворе разразился одинокий выстрел и из башни выпал подстреленный горец.

— Быстро на стены! — Захарченко разбивал людей на отряды. Он опасливо посматривал на дома, где сидели местные. Пусть старики и дети, но много сил, чтобы выстрелить в спину не нужно. План с кавказским ослом шел по одному известному месту.

— Вадим, что будем делать с местными?

— Стрелять, что же еще.

Вадим нашел Егеря и отправил его на башню, чтобы он занял пушку, ну или помогать точным огнем. Раненых положили рядом, Студент проверял бинты и следил, чтобы люди выжили.

— Идут! — закричал ветеран со стены.

— Миша, носи гранаты, — Вадим проверил револьвер. Собственно в повозке оставили часть взрывчатки для подрыва, гранаты, ружья, порох и патроны везли отдельно на лошадях.

Аул находился на возвышенности с единственным входом через разбитые ворота, который сейчас закрывали остатки повозки. Укрепленные каменные стены выдерживали осады конных отрядов не один десяток лет.

Горцы шли клином. Луна скрылась за облаками и иногда подсвечивала массу переливающуюся как чешуйчатая спина змеи, ползущая по дороге. Горцы резко закричали боевой клич, похожий на плач сотен рожающих и страдающих запором шакалов. У бойцов на стене он вызывал оторопь, у Вадима же раздражение. Вадим выдернул револьверную винтовку у застывшего рядом Захарченко и пальнул в толпу. Выстрел за выстрелом он отправлял пули Уманского в несущуюся на аул стену, пока к стрельбе не присоединились хлопки ружей. Барабан закончился, Захарченко протянул Вадиму новый, чтобы перезарядиться, но к аулу подступили первые всадники. Они прыгали с коней на стены, стараясь быстро забраться к защитникам. В свете луны блестели кольчуги и обнаженные пашки. Чеченцы брали стены кинжальным боем, предпочитая теснить врага врукопашную.

Вадим с размаху заехал прикладом ружья в лицо карабкающемуся горцу, вдавив нос в череп. Приклад жалобно хрустнул, но не разлетелся. Рядом орудовал Захарченко парой револьверов. Он расстреливал тяжелыми пулями вражеские головы так, что только куски черепов сыпались на спины наступающих.

— Давят! — на другой половине ворот закричал Лермонтов. Он одной рукой рубил пашкой, другой стрелял из револьвера. Количество горцев на стенах росло слишком быстро, не помогало даже то, что Вадим бросил ружье и точными ударами кулаков ломал лица.

Вдруг в рядах горцев засветила новая звезда. Еще и еще. Взрывы под стенами создавали островки пронзенных чугунными осколками тел и залитой кровью землей. Запахло горелым мясом.

— Пушечка, Вадим! Пушечка! — обрадовался Захарченко, ногой столкнув горцы с стены.

— Гранаты, — Вадим передал ему свой револьвер. Михаил не успевал перезаряжать свои и уже орудовал ими как дубинками.

Пока на стенах шла беспощадная схватка, Ефим стоял у ящика с гранатами, который он снял с коня.

— Выдернуть кольцо, бросить, — повторял денщик, забрасывая гранаты за стены так,

чтобы не ранить защитников. Результаты бросков он не видел, но слышал истошные крики, ржание лошадей и громкие хлопки.

От ближайшего дома отделилась тщедушная тень. Старик-горец подошел к Ефиму, пригнувшись к земле и с поднятыми руками. Денщик хотел огреть наглеца кулаком, но передумал, заметив, как осторожно и медленно старик достает из ящика гранату и повторяет за Ефимом. Из дворов потянулись другие жители аула. Женщины с рогатинами пошли к стенам, чтобы сталкивать чеченцев на ту сторону, пока дети поднимали с земли камни и бросали в атакующих. Один мальчуган с криками бросил гранату, не выдержав чеку, за что получил от Ефима по спине.

Егерь на башне видел, как русских давят числом и вскинул винтовку к плечу. Лизнув большой палец, он протер мушку и выстрелил. Чеченец, который тянул Лермонтова за ногу, чтобы сбросить, упал сам с дыркой на месте глаза. В гуще боя и ночной тьме приходилось долго целиться, легче стало, когда за стеной появились вспышки взрывов. Они подсвечивали силуэты атакующих, к сожалению, отличить горцев в черкесках от русских в черкесках выходило только по оружию и отборному мату.

У Захарченко закончились патроны во всех револьверах и ему пришлось перейти на шашку. Простая деревянная рукоять удобно сидела в руке. Он сам заказал оружие со смещенным центром тяжести ближе к руке, чтобы лучше фехтовать, так как не любил рубить с коня. Перед Захарченко встал скалящийся чеченец с густой бородой и демоническим огнем в глазах. Он ловко подловил выпад Михаила и наотмашь рубанул по животу. Металл ударил о металл. Под распоротой черкесской у Михаила блеснула кольчуга. Удар болью прошелся по всему телу. Захарченко не удержался и упал во внутренний двор аула. Вадим не видел, выжил ли друг, поэтому схватил горца, подняв его над головой, и закричал.

— Ааааа! — Вадим как экскаватор с ковшом в виде чеченца разгребал, утрамбовывал и валил со стены всех, кого не знал в лицо. За что получил несколько ударов, но сталь не оставляла порезов на серой, дымящейся коже.

Ржание коней смешалось с людскими криками. Очередной взрыв гранаты поставил точку на атаке. Не сразу, но горцы отступили. Измазанный чужой кровью Вадим стоял на стене и тяжело дышал. Эта самая кровь испарялась на нем, образуя красноватый пар, пахнущий железом.

По грунтовой дороге отступали выжившие, оставив под стенами аула больше ста братьев. Больше всего людей в эту ночь погибло под копытами коней, которые впали в бешенство от острых осколков гранат, которые впивались в бока и морды.

У Михаила Юрьевича Лермонтова дергался глаз. В какой-то момент его повалил на землю толстый чеченец, который уже занес кинжал над грудью поэта, но дернулся от пули в ухо, да так и упал. Теперь они были лицом к лицу. Лермонтов обессилел и не мог поднять с себя тяжелое тело, чеченец же не мог собрать мозги в кучу и додуматься встать, вот и лежали так.

— Кто живой? — Студент с забинтованной рукой ходил и проверял выживших.

— Я! Яяя! — выдавил хриплым голосом Лермонтов. Его губы слиплись и потрескались но он продолжал кричать несмотря на боль.

— Сейчас вашблогородие, — Студент скривился от боли, навалившись на горца плечом, но бесполезно. Туша не поддавалась.

— Иди другим помогай, — пришел Вадим и одной рукой скинул тело. Целой одежды на нем не осталось. Изрезанный в локуты мундир просвечивал чистую кожу. Весь пепельный

налет сошел и пар больше не шел. Местами остались следы от высохшей крови, но они больше впитались в когда-то белую рубашку. На носу у Вадима висело разбитое и погнутое пенсне, которое больше не прятало по рыбьему обтянутые пленкой глаза и безразличный взгляд.

— Здесь еще Михаил, живой! — обрадовался Студент, отойдя в сторону.

— Вставай, — Вадим протянул руку Лермонтову, чтобы помочь подняться. Вместе они подошли к Захарченко, который лежал на спине и неморгающим взглядом уставился в небо.

— Его по голове ударили? — спросил Вадим у Студента.

— Не похоже, может, устал, — Студент проверил ребра и живот Захарченко. Там набухал приличный синяк, — жить будет, я думаю.

За стенами послышался боевой плач шакалов. Вадим только устало вздохнул, а вот его товарищи посерели в лицах. Даже безразличный ко всему Захарченко сел и повернул голову.

— Ну, приплыли...

Глава 6

2 августа 1841 года

— Чтоб меня черти... гладили, — запнулся Захарченко под строгим взглядом Ефима.

Ефим подавал заряженное оружие офицерам и охотникам, способным стоять. С башни спустился Егерь и встал вместе со всеми на стену. Студент закончил перевязь и схватился за винтовку. Стоять могло восемь человек, не считая местных, которые скорее с ужасом прятались.

Небо пробили первые лучи солнца. На дороге показались всадники, пока слишком далеко, чтобы кто-нибудь, кроме Вадима их мог разглядеть. У Захарченко вспотели руки и шею давил воротник, как он нервничал. Лермонтов крутил у глаз разбитую подзорную трубу, но тщетно. Ефим же спокойно рассовал по карманам оставшиеся две гранаты.

— Тьфу, — Михаил Юрьевич выбросил сломанную игрушку.

— Мда, — Вадим же покачал головой, поставил ружье на землю и достал табак, чтобы закурить, — Есть у кого трубка?

Он вопросительно покрутил головой.

— Хех, — нервно хохотнул Егерь.

— Вадим, мать твою, возьми оружие, — Захарченко напряженно всматривался в улюлюкающий отряд, — без тебя шансов нет.

— Миша, выдохни и дай мне трубку, свои это.

Захарченко зажмурился и прикусил язык, чтобы не ударить одного шутника. После ночи боев на рукояти револьвера и так осталась трещина, удара об каменную голову она точно не переживет.

— Возьмите, вашблагородие, — протянул Ефим трубку Вадиму.

— Ты разве куришь?

— Курить может и бросил, но я же с пониманием, — объяснил денщик и зажег спичку, прикурить, — может вам понадобится или еще кому из господ офицеров.

— Спасибо, — Вадим выпустил колечко дыма и долго-долго так посмотрел на Захарченко, — Миша, ты так дождешься, что нас казаки штурмом возьмут.

Захарченко вышел из задумчивости и закричал:

— Свои! Свои, мать вашу!

Для острастки он пару раз выстрелил в воздух. Разогнавшийся отряд казаков с боевым кличем сначала замедлился, а потом и вовсе перешел на прогулочный шаг. На дороге лежали тела людей и лошадей, измятые под копытами сначала атакующих, а потом отступающих горцев. С каждым пройденным шагом картина вокруг аула становилась только хуже: недобитые животные лежали не в силах подняться и жалобно смотрели на лежащих рядом горцев. То здесь, то там проглядывала подпаленная от взрывов земля испещренная блестящими на солнце осколками.

Казаков вел статный мужчина в черкеске цвета хаки с круглой седой бородой и горбатым носом. На загорелой коже, как жилки на мраморе белели тонкие линии шрамов.

— Полковник Лев Львович Амбрант, лабинский казачий полк, с кем имею честь? — спросил казак.

— Капитан Михаил Степанович Захарченко, седьмой гусарский.

— Это Нестерова?

— Все верно, Петра Петровича.

— Господа? — рявкнул Лев Львович.

— Виноват, — Вадим отдал честь, — поручик Беркутов Вадим Борисович.

Полковник Амбрант перевел взгляд на Лермонтова, который вытянулся и приложил руку без пальца ко лбу.

— Поручик лейб-гвардии Лермонтов Михаил Юрьевич.

— Лев Львович, простите, а что Лабиновские в Чечне делают? — встрял Вадим, — Сами понимаете у нас обстановка сложная, а вы по идее на Лабе должны быть.

Вадим кивнул на тела вокруг стен.

— Справедливо, — согласился полковник и погладил бороду, — мы сейчас под Грозным стоим, дозорные слышали взрывы и выстрелы, когда мы шли по дороге. Вот мы и поехали посмотреть, на развилке с горами пересеклись, они убегали как собаки побитые. Я посчитал мало ли, нужно помочь нашим, отправился вперед.

— Очень вы с кличем на черкесов похожи, — пожаловался Захарченко.

— Испугались? — засмеялся полковник.

— Обасрался, — шепотом ответил Михаил и спустился к воротам. Ему явно хватило впечатлений от прошлой ночи и того, что он успел увидеть, пока лежал на спине.

— Хорунжий, помоги господам гусарам убрать баррикаду, — Лев Львович обратился к юному казаку с серыми задумчивыми глазами и тонкими юношескими усиками и бородкой.

Хорунжий молча подъехал к сгоревшей повозке, накинул аркан на торчащую ось и пришпорил коня, но чуть сам не слетел с седла. С лошадей спешила тройка крепких казаков, которые решили ему помочь.

— Не ушиблись вашблогородие? — казак в серой черкеске схватился поднять повозку, но выдал громкое, — Ох.

Вместе они только шатали сгоревшую конструкцию.

— Лев Львович, ваши казаки с дороги, наверное, устали? — подошел с другой стороны Вадим и поднял баррикаду.

Наблюдающий со стены Лермонтов улыбнулся, когда заметил, как Вадим убрал подпорку, которая впиалась в ворота и не давала конструкции сдвинуться.

Полковник с офицерами зашли в аул. Простые же казаки остались добивать раненых или брать выживших пленных перед стенами.

— Лев Львович, мы будем рады, если вы сможете довести раненных до крепости, — подошел Захарченко.

— Вы не поедете? — удивился полковник, отвернувшись от охотников, за которыми ухаживал Студент.

— Хотелось бы, но я должен передать аул новому коменданту, — Захарченко посмотрел на местных, которые с любопытством выглядывали из окон.

— Михаил Степанович, какие вопросы, мои люди присмотрят за всем, а мы с вами поедем в Грозный.

— Вас мало, я предполагаю, что рядом опшивается большой отряд, — Захарченко огляделся по сторонам. Полковник подцепил его под локоть и повел в сторону.

Пока старшие офицеры отвлеклись, хорунжий подошел к Егерю, который чистил винтовку и говорил с раненым ветераном.

— Господа, не мог пройти мимо, у вас необычное оружие, — он запнулся.

— Вашблогородие, да если бы не эти, как их там? — уточнил ветеран у Егеря.

— Винтовки, Вадим Борисович называет винтовками.

— Точно, если бы не винтовки, то мы бы точно померли, — он показал патрон с папковой гильзой, центральным капсюлем и утопленной в гильзу пулей Уманцева, — а заряжается это чудо сюда.

Он легко открыл и закрыл продольно-скользящий затвор. Хорунжий как маленький ребенок потянул руки к новой игрушке и не мог успокоиться, пока проверял вес, прикладывал к плечу, нюхал затвор.

— Вы в ствол посмотрите, — порекомендовал улыбнувшийся Егерь.

— Прям штуцер!

— О, да вы знаток. Но нет, винтовка лучше штуцера, — ветеран хохотнул и скривился от боли, перевязанная рана заныла.

— Винтовка, — зачарованно повторил хорунжий.

Вадим же отошел к щуплому горцу, который помогал во время боя Ефиму бросать гранаты.

— Где ваш староста? — на черкесском спросил он у старика.

— Он не наш староста, ставленник Шамиля. До их прихода я был старостой, — старик показал между дворов, — там, в колодце сидит.

Вадим кивнул и пошел к колодцу. Он засунул руку в темную шахту и вытащил за чуб волос Ахмета.

— Пусти урус, пусти, больно же.

— Тихо. Мы уезжаем, ты с нами. Запомни, говорить можешь только, если я скажу, понял?!

— Да урус, — Ахмет затряс головой. Его губы посинели, пока он сидел в колодце, не хватало, чтобы он простыл.

Когда Вадим возвращался к воротам, казаки уже погрузили раненых. Лермонтов стоял с полковником и его офицерами, рассказывая как все произошло.

— Вот поручик Беркутов и говорит, "ну не могут местные отравить гостя". А потом родился план Кавказский осел, — Лермонтов развел руками как фокусники на ярмарках.

Вадим проходил мимо него и шепнул на ухо:

— Только про провожатого не говори.

Михаил Юрьевич даже не поменялся в лице, когда продолжил рассказ:

— Наш капитан, которого за любовь ползать по горам на животе уже прозвали змеем, — Лермонтов осмотрелся нет ли рядом Захарченко, — так вот мы переоделись и пошли к аулу...

Дослушивать Вадим не стал. Он успел найти пару хороших коней в дорогу, когда пришел основной отряд казаков. Они даже притащили с собой горную артиллерию.

Аул Ачхой-Мартан находился чуть южнее Грозного, можно сказать — рукой подать. Оставалось загадкой, как горцы так близко подобрались и для чего собирают силы. Несчастный Ахмет на эти вопросы ответа не знал. Он рассказал, что готовится большое собрание с главами банд. Шамиль — духовный лидер горцев и предводитель сопротивления русским на Кавказе прятался в труднодоступном ауле на Лысой горе. Прямо под носом у генералов, Шамиль наблюдал за Владикавказом. Ахмет рассмеялся на этих словах, сказав, что Аллах бережет горцев и послал духовному лидеру защитника, который и придумал такое надежное укрытие.

Вадим в Аллаха не верил, он точно знал, какие боги есть, и какие могут вмешаться.

Участившиеся за год успешные вылазки горцев на крепости, логово прямо у главной артерии Кавказа — говорили о подтекающем штабе армии. И это тревожило сильнее всего.

В Грозном отряд оставил раненых и по главным дорогам отправился во Владикавказ, отчитаться об успешной вылазке. Отряд застал Нестрова Петра Петровича прежде, чем он ушел в другую крепость. После небольшого ужина офицеры собрались в кабинете Нестрова. Собирались без казаков.

— Ну что, орлы? Знал я, Миша, что с вами будет интересно, но чтобы настолько! — полковник расхаживал от одного платяного шкафа к другому, — да за такое, дырочке на мундире делают! Я уже написал прошение к государю, и жду, что ответ из Петербурга будет положительный. Для каждого.

— Спасибо, Петр Петрович, но это вы еще не знаете, что будет, — Захарченко робко улыбнулся.

Вадим и Лермонтов стояли молча, изображая предметы мебели. Михаил Юрьевич скептически оценивал свои шансы снова вырваться с фронта Кавказской войны.

— А что будет? — насторожился полковник Нестров.

— Мы знаем, где сидит Шамиль, и хотим схватить его.

Полковник подошел к столу и забарабанил пальцами по пресс-папье.

— Возьмем пару отрядов пехоты и пушечек горных, — принялся объяснять Михаил, — у меня после захвата аула раненые все, только младшие офицеры считай и остались.

— Пушечки, пушечки, — полковник загладил реденеющие волосы, — Миша, а откуда узнали?

— Понимаете...

— Удалось перехватить сообщение, — Вадим перебил Захарченко.

Полковник поморщился от нарушения субординации, но взмахом руки разрешил продолжить.

— В послании говорилось о месте и времени, где Шамиль появится.

— Я могу посмотреть на послание?

— Простите, Петр Петрович, но послание я уничтожил, — заявил Вадим.

— Это как?

— Мы когда первую атаку горцев отбили, еле живы остались. Но тут новая волна к стенам пошла. Я, честно говоря, испугался, что сообщение попадет к врагу и они предупредят Шамиля. А так был шанс, что хоть кто-то из нас доберется до Грозного.

Вадим говорил самоотверженно, будто снова присягу давал.

— Мда, — полковник сел за стол и достал папку, — и далеко вы с артиллерией хотите пойти?

— Петр Петрович, пара пушечек, — Захарченко руками показал куличик.

— Для горцев и пара пушечек — подарок! — Несторов поднял руку, — знаю, что ты хочешь сказать, Михаил, но подожди. Вот если бы разрешение из Петербурга пришло, то я бы тебя спокойно в чине майора отправил, а так дело серьезное. Пусть мне вы все, что нужно доказали, и конвой отбили и банды в горах погоняли, но и ты меня пойми. Не могу я просто так вас отпустить гулять не пойми где.

Выходили офицеры в задумчивости. Полковник обещал подумать и отпросить в "маленький дозор" не абы кого, а пластунов! Правда, для этого Несторову придется идти на поклон к генералу.

Обдумать все решили в приличном, на первый взгляд кабаке, где обычно отдыхали

офицеры среднего звена. Спокойное место по сравнению с солдатскими притонами и скромное в сравнении с генеральскими ресторанами.

— Вадим, это что было? — Захарченко, заказал мяса с чечевицей и вина.

— Необходимость, Михаил. Ты не думаешь, что горцы зачастили с вылазками? А так близко засесть? — Вадим достал новую трубку и закурил.

— Господа, я не знаю как вы, а мне не хочется сложить голову в горах Кавказа, — Лермонтов, как бывалый, но все же молодой, сильно нервничал.

— Михаил Юрьевич, так вас никто не заставляет идти. Скажитесь больным, а мы глянем, может, там и нет Шамиля, — спокойно предложил Вадим и выпустил колечко дыма в потолок.

— Как ты столько куришь? — Захарченко сел поудобнее на диван с подушками, — Риск — дело добровольное, Михаил Юрьевич. Я был с вами в бою и знаю, что вы не подведете.

Лермонтов задумался. Он мог дождаться решения из Петербурга, пара жалобных писем его знакомых или бабушки и действительно впечатляющие заслуги могли размягчить государя. Поэт нервно стучал ногой и в голову приходили только мрачные строки.

— Я с вами, — он хлопнул по столу, чем напугал хозяина, который нес тарелки. Обошлось без эксцессов, но армянин ушел икая.

— Другой разговор! — Захарченко хлопнул подпоручика по плечу, — Тогда решено!

Они подняли кружки с вином.

Утро началось с ведра холодной воды. Захарченко даже не пискнул, только шмыгнул носом и устоялся на пожелтевший потолок. Через дырку в шторе прорывался луч света, который упал прямо на лицо Лермонтова. Поэт кривился, но просыпаться не спешил. От ведра холодной колодезной воды его спасал только разыгравшийся у Ефима ревматизм спины. Старый денщик оперся позвоночником на спинку табурета и смачно хрустнул.

— Знаешь Вадим, я даже не удивлен, — Захарченко остался лежать в промокшей кушетке. У него затекла рука, но Михаил чувствовал, что день выйдет на редкость паршивым и не спешил вставать, — я все не могу выбросить из головы лицо.

— Какое лицо? — Вадим сидел над стопкой писем из Питерского университета и не спешил отвлекаться.

— Ты не поверишь, но женское. Я увидел его в одном приставучем облаке.

Вадим прекратил писать извинения для университета, что не сможет прочитать лекцию этим летом.

— А если поподробнее?

— А чего подробнее? Милое такое, загорелое. Она что-то говорила, но я не понял.

— Может тебе Студенту показаться? — Вадим отложил ручку и потянулся, — Ефим, оставь поручика, пусть поспит.

— Ох, вашблгородь.

В дверь постучали. Вадим открыл дверь, встретив на пороге майора Мартынова в черкеске и папахе. Он встретился с Вадимом глазами и замер. Щека майора дернулась как от пощечины.

— Николай Соломонович? Рад вас видеть, — Вадим пожал вялую руку майора.

— Я тоже, — он побледнел и прошел в зал, — Мишель, хватит валяться.

Он прошел мимо Захарченко прямо к Лермонтову.

— Майор? Чем можем помочь? — Захарченко сел и принялся застегивать верхнюю

пуговицу мокрой рубашки.

— Да я по военным вопросам, — Николай Соломонович скинул сапоги с кресла и сел.

Заскрипела дверь спальни, из которой в зал выглянула смуглая красавица с черными волосами.

— Это не мое, — удивился Захарченко.

— Мое! — вскочил Лермонтов и выпроводил девушку из квартиры, задержавшись расплачиваясь.

— Хкем, — майор откашлялся, привлекая внимание, — больше посторонних нет?

Он бросил взгляд на Ефима, который наливал господам чай из самовара.

— Лишних нет, Никола, — Михаил Юрьевич сел за стол и зевнул, — говори что хотел.

— Меня послал к вам Несторов, сказал прихватить артиллерию. Формально вы под моим началом, — Николай посмотрел на Мишель, — не формально, вы ведете меня и три взвода пластунов на дозор.

— Ну, должен сказать старику спасибо и на это, — Захарченко пожал Николаю руку, — буду рад вашей помощи.

— Куда мы пойдём, вы не скажете?

— Недалеко, через день вернемся уже, — вмешался Вадим, прежде чем Захарченко ответил, — господа, собирайтесь, буду ждать вас во дворе. Не спешите.

Он поднялся и вышел во двор, где уже ждали груженные повозки в окружении из громко спорящих казаков и ветеранов Вадима. У въезда во двор остановилась карета, но казаки оцепили квартал и никого не пускали.

— Господа?

— А, это вы, — к Вадиму повернулся знакомый хорунжий, — эти господа, не пускают нас досмотреть повозки, говорят что все собственность некоего Беркутова.

— Верно, повозки, их груз и люди — моя собственность, чем могу помочь? — улыбнулся Вадим, но как-то холодно, отчего казаки неосознанно потянулись к оружию.

— Так, город военный, должны досмотреть, — нашелся хорунжий.

— Так и я не мальчик с улицы. Представьтесь!

— Хорунжий Лев Львович.

— Лев Львович, а у вас всех мужчин по отцу называют?

— Только первенцев, — хорунжий не понимал в чем проблема.

— Так вот, когда покажите разрешение патрулировать улицы, тогда и поговорим. А пока вы гости, которых могу досмотреть я, ведь у меня есть разрешение, — Вадим похлопал себя по нагрудному карману, где зашелестели конверты с письмами.

— Вадим? Вадим! Да пропусти, черт вас дери! — от остановленной кареты послышался знакомый голос Василия Германовича, — ухх.

Последнее прозвучало как удар по животу.

— Наших бьют!

Вадим не столько видел, сколько услышал, что Василия сопровождал Щербатый. Щербатый только успел дать зуботрещину ретивому казаку, который повалил Василия, как его огрели нагайкой по руке. Лев Львович дернулся от чувствительного толчка дулом револьвера под ребра от Вадима. Машинальным движением ветераны достали револьверы, а казаки шашки. Повисшую тишину прервали раскрывшийся двери балкона. Захарченко, стоя в одних брюках, держал два револьвера. Он побежал на крик и теперь стоял, щурясь от яркого света.

— Капитан Захарченко, всем стоять!

— Вадим, Михаил, да что за безумие? У меня документы о проведении испытаний от ГАУ! — Василий поднялся с земли. Его белый костюм испачкался в пыли и не подлежал восстановлению.

ГАУ знали все, главное артиллерийское управление уважали и боялись. Император создал управление для контроля качества казенных заводов и принятия на вооружение стрелкового, холодного и артиллерийского вооружения. Раньше ходили проверяющие, или управляющие заводов отчитывались лично императору, с тысяча восемьсот сорокового года этим занималось управление.

— Лев Львович, вы зачем пришли? — спросил Вадим, не убирая револьвер.

— Я услышал, что в город привезли новое оружие, хотел посмотреть.

— От кого слышали? — заинтересовался Вадим.

— От дозорных, ах, — Лев Львович взвизгнул от сильного толчка в почку, — честно. Отец просил узнать, где вы покупаете такие винтовки.

— Мы их не покупаем, мы их делаем, — Вадим убрал револьвер, — а он, продает.

Вадим показал на отряхивающегося от пыли Василия.

— Все господа, вольно! — скомандовал Вадим и пошел здороваться с Василием.

Захарченко на балконе убрал револьверы и отодвинул Лермонтова с дороги, чтобы зайти в квартиру. Ветераны молча убрали оружие. Щербатый в аккуратном костюме и парике потер ушибленную руку и пошел помогать разгружать карету.

— Рад, что ты пришел, — поздоровался Вадим.

— А я, вот что-то не очень. Мне и в столице хорошо жилось, там такииие дамы, — Василий улыбнулся своим мыслям.

— Здесь не хуже. Видишь вон того сопляка? — Вадим показал на Льва Львовича.

— С тоненькими усиками?

— Да. Это сын казачьего полковника, и они интересуются купить оружие. Казаки люди — простые — живут с набегов или казенной зарплаты. Если денег не дадут, то придумай что-нибудь, хорошо?

Василий сначала кивнул, а потом, как одумался:

— Подожди, а ты?

— А я в поход. Как вернусь, поговорим.

Пластуны, или же пешие казаки редко появлялись во Владикавказе, больше служа на кордонной линии вместе с конными частями черноморских войск. Вооружались пластуны нарезными штуцерами. На вылазку Вадим раздал винтовки.

На тренировки ушел весь день. В поход вышли ближе к вечеру, прихватив Ахмета. Он служил проводником к аулу.

— Слушай, я тебе мамой клянусь, там тупик. Некуда Шамилю бежааааааааать, — завопил Ахмет, когда Вадим схватил его за кожу на животе и потянул так, чтобы горец встал на носочки от боли, — все, все, все, понял! Понял! Есть, есть там тропинка, над обрывом, только отпусти.

Вадим отпустил и пошел к майору Мартынову в главу отряда, который вытянулся змеей по узкой горной дороге.

Николай Соломонович, к вам просьба, — отвлек Вадим майора, — для вас и ваших артиллеристов есть задача.

Он развернул на повозке карту и показал дорогу до небольшой площадки, через которую проходила тропинка от аула.

— Вот здесь сядете вы с орудием.

— С одним? Мы удержим? — засомневался Мартынов, — сколько пойдут горцев?

— Вы встанете так, чтобы испугать, а не перегородить полностью дорогу. Там пойдут только выжившие. Крыса, загнанная в угол, может укусить. Остальные орудия нам понадобятся для штурма.

— Ну хорошо, кого хоть ловить будем? Зачем вся секретность? И так близко к Владикавказу.

— Я не уверен, мы должны поймать двух полевых командиров, — пространно объяснил Вадим, — Ахмет пойдет с вами, он покажет тропинку.

К аулу выслали отряд пластунов, а майора с орудием и прикрытием отправили в засаду. Офицеры устроили совет на привале. Вадим открыл ящики с гранатами и похожие на чашки устройства. Разведчики описали дома, которые заняли вооруженные горцы и дом. Где сидел кто-то важный судя по суете вокруг. Его решили не трогать, дать сбежать в ловушку, схватив после боя.

— Это братцы, чтобы гранаты в окна забрасывать, — пояснил Вадим оставшимся пластунам. У них главными служили опытные сержанты-урядники. Лермонтов держался со своими охотниками, которых стало правда даже больше после похода. Новые лица присоединились за наживой или славой. Егерь же попросился и был принят к ветеранам Вадима.

— Вашблогородие, а зачем тогда пушки? — Ефим засунул пару гранат за пояс и кивнул в сторону двух горных орудий.

— Гранатой дверь не выбить, — пояснил Вадим, — сейчас покажу, как стрелять.

Гранаты и гранатометы он придержал до последнего, чтобы лишнего не дошло до руководства раньше времени. Так-то казаки и так уже всю выпрашивали гранаты, но их у Вадима не было в достаточном для армии количестве. Это же расходник, грубо говоря, а цена кусалась.

Для стрельбы из гранатомета пластуны прикручивали к винтовкам ствол нарезной

мортирке, в которую помещалась граната без чеки.

— Гранат много, если подойдем на триста шагов, то можно стрелять чуть задрав, — Вадим откинул на-mortирке простой механический прицел, — успеете в бою попрактиковаться.

— Вашблогородь, разведчики вернулись, — доложил Егерь.

— Хорошо, значит, начинаем.

Аул состоял из крепких каменных домов, похожих на башни крепости с маленькими окнами-амбразурами. Никакой общей стены или ворот. Подул прохладный ночной ветер, поднявший облако пыли и понесший мусор над головами залегших пластунов. Пушки толкали вручную, кони могли поднять шум, поэтому их оставили раньше по дороге. На небе показалась луна, лучом пройдясь по хмурым лицам пластунов. Вадим стоял у ствола дерева, слившись с ним, и не дышал. Он вглядывался в свет в окнах, в мелькающих фигурах, вслушивался в доносившиеся с ветром одинокие фразы.

— Огонь, — прошептал Вадим и тронул за плечо командира орудия.

Дерево трянуло от выстрела. Рядом выстрелила вторая пушка, захлопали гранатометы.

Фугасный снаряд врезался в каменную стену дома, пробив ее, и взорвался внутри, повалив все здание. Второй снаряд залетел во двор и угодил в конюшню. Гранаты бились об оконные рамы, падали на крыши и взрывались. Больше всех повезло двум гранатометчикам, их снаряды залетели прямо в окна с горящим светом. Женские крики, мужская брань и разгорающийся пожар смешался в единую какофонию шумов. Ветер принес запах горящего дерева и соломы.

— Захарченко, на тебе штурм, — Вадим достал револьвер и поманил Лермонтова, — Мы с Михаилом Юрьевичем пойдем закрывать ловушку.

Пластуны под прикрытием орудий стреляли из винтовок во всех, кто выходил из домов с оружием. Разгорающийся огонь подсвечивал узкие улицы, на которых промелькнул отряд горцев. Они прикрывали собой мужчину в черном ночном халате.

— Вадим, вон они! — Лермонтов с револьвером и шашкой в руках повел людей в обход, чтобы не попасть под огонь своих же пушек. Вадим бежал следом, петляя между каменных улочек.

— Вашблогородие, подождите, — запыхтел Ефим с винтовкой в руках, он сразу отстал, потеряв Вадима из виду.

Сбоку раздалось ржание коня, из горящего сарая верхом выскочил горец. Он несся на Вадима, животное от боли не разбирало дороги и норовило наскочить на Вадима, который вжался в стену. Горец взмахнул шашкой, чтобы рубануть голову беспечному русскому, но металл наткнулся на руку и только порезал рукав. Вадимы выстрелил трижды, пока горец камнем не повис на беснующимся коне.

Вадим отстал от отряда Лермонтова и шел по следам во тьме. Хотя он знал, где горная тропинка, но идти до нее пришлось больше десяти минут. После резкого поворота показалась площадка, с одиноким сараем на самом краю обрыва и людьми в центре.

Высокий горец в белой черкеске бросил на землю тело молодого подпоручика лейб-гвардии Лермонтова с вывернутой вбок головой. Дыры от пуль на белой черкеске, горящие белым глаза у горца и тела охотников, заставили Вадим скрежетнуть зубами.

— И зачем? — Вадим сделал шаг, и его глаза тоже засветились.

Горец молча смерил незнакомца взглядом и не ответил. За его спиной стоял раненый в руку мужчина в ночном халате и молился.

— Что молчишь? — Вадим перешел на местный.

Тишина. Оппонент выжидал.

— Кто тебя послал? — Вадим подходил осторожно, спрашивая уже на турецком.

— Это не важно, — ответил горец и прыгнул, стараясь поймать Вадима в смертельные объятия. Прогремели выстрелы, Вадим высаживал выстрел за выстрелом врагу в живот. Анвар обнял Вадима, сжав руки в замок, и надавил со всей силы, пытаясь переломить врагу позвоночник. Его глаза загорелись ярким светом а по рукам пошли молнии. Вадим до хруста сжал зубы и улыбнулся. Боль, настоящая. Волосы встали дыбом и запахло жареным. Мундир обуглился, покрываясь дырами.

— Врешь, сабака, — Вадим схватил горца за уши и со всей силы долбанул лбом по носу. Влажный хруст, и лицо горца покрывается серой коркой. Стоило ему только на секунду ослабить хватку, как Вадим вырвался и со всей силы ударил по животу, в место, куда разрядил револьвер. Серая корочка чешуйками осыпалась, открыв рану, похожую на треснувший панцирь.

Горец пнул Вадима, разрывая дистанцию и выигрывая время. Пока Вадим перекатывался, он заметил блеск ствола оружия, спрятанного в кустах. На краю площадки притаился майор Мартынов и медленно наводил пушку на дерущихся.

— Я его держу, а ты стреляй! — по-русски заорал Вадим и набросился на горца, за что сразу получил удар кулаком по скуле.

Горец поднял с земли камень и разбил его о подставленный локоть в пыль. Вадим заманивал врага под выстрел, пока не увидел взгляд Мартынова. Майор поймал его на прицел и поднес запал. Круглое ядро просвистело по воздуху быстрее, чем прогремел выстрел, и сбilo Вадима с ног. Он пролетел с десятков метров, спиной разбив стену сарая. Когда облако пыли осело, показался Вадим, который лежал в обломках стены. На сером лице проступали черные вздутые вены, а изо рта шла вода и пар. Металлическое ядро всмятку раздавило живот и сломало нижние ребра. Вадим попытался что-то сказать, но только выплюнул больше воды, которая, комом застревала у него в горле.

— Мертвецам не нужны слова, — горец поднял Вадима за грудки и удар за ударом выбивал защитную оболочку с лица.

Мир вокруг закружился, Вадим чувствовал, как вкус дейтерия оседает на языке, пока его голову бьют наковальней. Ему в лицо доходило частое дыхание, упивающегося насилием человека. Через звон в ушах до Вадима донеслось:

— Простите, вашблагородие, не уберег! — горца со спины обхватил Ефим.

Тело старика затряслось от разряда. Маленькие молнии прошли от седых волос до морщинистых рук, и он выронил две чеки.

Парные взрывы слились в один. Сарай обвалился полностью, утягивая Вадима вместе с обломками на дно ущелья. Падая, Вадим увидел, что от места битвы в небо поднялся полупрозрачный силуэт одного денщика. А дальше тьма.

— Ты уверен, что этот монстр умер? — Шамиль подошел к Анвару, который стоял на краю обрыва и смотрел на горную речушку, впадающую в Терек. Лицо Анвара покрывали застрявшие в коже осколки от гранат, его руки бесконтрольно тряслись, как после шока.

— Должен, — Анвар развернулся в сторону Мартынова, который вышел из-за кустов, — что будем делать с ним?

— С собой заберем. Русские его точно раскроют.

Михаил вынес дверь ногой и ворвался в маленькую комнату. За перевернутым столом пряталась женщина в большом платке, она обхватила мальчика и плакала. Захарченко повел револьвером, проверяя нет ли еще кого, и тут у женщины из-под одежды блеснул металл. Она поняла, что Михаил заметил это, и закричала, вставая, но пуля в голову и грудь, опракинули женщину. Михаил выстрелил еще раз и вышел, оставив в комнате два тела.

На улицах аула затихла пальба. Пластуны зачищали дом за домом, закидывая гранаты или вступая врукопашную. Кровь смешивалась с пылью на улице, превращаясь в грязь.

К Захарченко подошел Егерь.

— Михаил Степанович, почти закончили.

— Отлично, но где черт возьми Вадим?

Егерь не смог ему ответить. Только как провидение с небес ударил луч луны и целенаправленно пошел от Михаила в сторону тропинки. Захарченко даже не стал поднимать голову, чтобы понять “кто” указывает ему путь, только отдал команду:

— Все за мной!

То, что они опоздали, стало понятно по количеству тел, которые лежали на площадке и по разрушенному сараю, большая часть которого обвалилась в ущелье.

Михаил закрыл лицо рукой. Он стоял над телом Ефима, у которого не было рук, а лицо покрывали следы как после удара молнией. На щеке старика осталась одинокая слеза, застрявшая в морщинках у глаз.

— Найдите Вадима! Живо! — закричал Захарченко и отвернулся. Ему пришлось закусить палец, чтобы не завывать от подступающего горя.

Совсем рядом лежал Лермонтов, в окружении мертвых охотников. Молодой офицер встретил смерть с кровожадным оскалом, разрядив револьвер во врага.

— Вашблогородие, нет Вадима, майора и проводника, — доложил Егерь.

— А еще, нет горцев, за которыми мы пришли, — Захарченко взял себя в руки. Чувства говорили ему броситься в погоню, но здравый смысл предупреждал этого не делать. То, что смогло справиться с засадой и Вадимом легко справится с пластунами.

— Пошли самого тихого человека, может он сможет, что найти, — скомандовал Захарченко и закурил, — какой же говённый день.

Вадим лежал на деревянной балке от крыши и его несло течением. Из-за тяжести он постоянно цеплялся ногами за дно и разворачивался головой в сторону течения, пока очередной камень не бил по балке.

Его долго несло на юг параллельно военной — грузинской дороге. Сколько точно Вадим так проплыл, сказать было сложно. Сил не хватало, чтобы одновременно восстанавливаться и думать, поэтому он впадал в своеобразную кому, выключаясь из реального мира.

В какой-то момент брусочек застрял между двумя камнями, и Вадим просто лежал, омываемый бурным течением. Его рваный мундир промок, с ноги пропал сапог и где-то потерялся один из револьверов. В таком состоянии его нашла девочка, которая пошла к реке набрать воды.

— Мама! Мама! Здесь солдат! — грузинское наречие, вспомнил Вадиму и понял, что видит солнечное небо Земли. Он выжил.

10 августа 1841 года, село Паншети, грузинские княжества.

Вадим сидел на кровати в простой рубахе и льняных брюках. Его щеки опали, сквозь

рубашу просматривались острые углы ребер. Под рубашу было страшно смотреть. Тонкий слой кожи закрыл рану на животе, проблемой стала просвечивающая мешанина из внутренних органов. Когда его нашли в таком состоянии, то позвали батюшку, чтобы бедняга причастился, но к удивлению местных, Вадим пошел на поправку, и через неделю смог ходить.

— Я ухажу, — Вадим обратился к хозяину дома. Рослому мужчине с густыми бровями, плоским лицом и огромными руками крестьянина, — Спасибо.

— Ты же ничего не ел, а собираешься уходить, — грузин говорил на хорошем русском.

— Пора, — Вадим забрал из сундука в углу комнаты мундир, сломанные часы, револьвер и шашку. Одинокий сапог он выкинул и пошел босиком, оставив на сундуке железную монету.

Деревня стояла у военной — грузинской дороге, по которой каждый день ходили вооруженные караваны в обе стороны. Везли все, начиная от вин, заканчивая пушками, поэтому конвоиры внимательно осматривали любого, кто путешествовал в одиночку. Дезертиров, шпионов, да и простых бандитов хватало. Поэтому пара нанятых кавказцев, встретив на дороге одинокого мужчину с оружием и мундиром гвардейца под мышкой, решила задать вопросы. Для чего в одиночку отвели подальше, в кусты, чтобы он не поднял шум.

— Я вам по-русски сказал, — Вадим вышел из кустов в обычной серой черкеске, простых сапогах, папахе и немного нелепых шароварах. Пустую кобуру Вадим убрал с ремня, оставил шашку и запасные патроны. В караване если и заметили пропажу двух охранников, то не сразу, подняв шум, только через пять верст. Но к этому времени одиночка уже скрылся, уйдя от дороги с парой коней.

Князь Захарий Давидович Сараджишвили гулял по винограднику и любовался милыми девушками-крестьянками, которые трудолюбиво готовили землю к осенней посадке. На границе участка стояли большие амбары, подготовленные для новой продукции.

— Ваше светлость, у ворот стоит гость, честно сказать, неприглядного вида, — к Захарию пришел слуга, прервав прогулку, — он представился как Вадим Беркутов и сказал...

Князь уже не слушал, он, подпрыгивая от радости, пошел к воротам поместья, где пара сторожей караулила спокойно разгуливающего Вадима.

— Мой дорогой друг! Как же я рад тебя видеть! — Захарий шел, раскрыв объятия.

— И я рад, Захарий, — грустно улыбнулся Вадим.

— Очень печальная история, — покачал головой Захарий, — переодевайся и пойдём погуляем, постараюсь облегчить твою печаль. Я напишу генералам, что нашел тебя еле живым, выиграем пару недель отдыха.

— Спасибо, — Вадим осмотрел гостевую комнату, которую ему выдал князь. Слуги оставили на большой кровати свежий костюм, сапоги и белую рубашку. Дверь закрылась, и Вадим остался один. Сначала он держал маску печали, но постепенно мышцы расслабились, он выдохнул. Он не впал в безразличие, о нет, Вадим оскалился, из-зо рта пошел пар, в груди бушевала такая ненависть, что ковер под ногами потемнел и норовил вспыхнуть в любой момент.

— Сын собаки, — процедил Вадим.

Он встретил Вестника. Равного себе, но с неизвестными намерениями.

— Кто же тебя послал? Сколько вас еще? — Вадим ходил по кругу, обдумывая сложившуюся ситуацию. Обычно их посылали группами, но посылали в одну страну, чтобы было легче взаимодействовать. Все вестники обладали одинаковыми способностями; улучшенное тело и вычислитель. Этот же горец оказался другим, враждебным, не знающим языков. Вадим перебирал все известные ему возможности, чтобы выстроить гипотезу. И пока не складывалось, ведь кроме горца, оставался еще Живой на Дальнем Востоке. Явно дружелюбный, но. Теперь появилось “но”. Вадим хлопнул себя по лбу. Он не проверил Живого, не было нужды, раньше враждебных Вестников просто не существовало.

— И что же вам нужно? — Вадим переоделся и вышел из комнаты.

Они приехали на территорию строящегося завода к кирпичному цеху. Аккуратному зданию, похожему на вытянутый склад, внутри которого стояли большие соединяющиеся медные акратофоры. Специальные бочки для брожения игристого вина. В них под давлением нагнетался углекислый газ. Температуру внутри регулировали подачей хладагента в специальные рубашки.

— Мне сейчас стеклодувы готовят прочные бутылки, — хвастался Захарий, пока показывал новое производство, — как ты предлагал, мы отобрали несколько сортов винограда.

— Друг мой, уверен, что в этом ты понимаешь больше меня, — посмеялся Вадим.

— Виноград — самое важное, кисленький и сладкий.

Они прошли ко второму зданию. Там рабочие выставляли большие дубовые бочки на триста литров.

— После двойной перегонки доводим сырец до шестидесяти градусов, сохраняем эфирные масла, как делают французы, а потом дозревать. Первая партия нескоро, — Захарий погладил бочку. Их для коньяка поставлял Изеслав, — самое приятное, что виноград наш. С западной Грузии Цицка и Цоликоури, с восточной Ркацители. Я выкупил несколько источников с родниковой водой, думаю наладить четыре марки.

— Нужны ещё дистилляционные аппараты?

— Буду благодарен.

— Хорошо, тогда как договаривались, — напомнил Вадим.

— Дорогой мой, все уже строят, с азербайджанцами было трудно договориться, больше

скажу: я дрался как лев. И все не зря! Будет у нас академия с химиками, я сейчас и сам от почвоведов не откажусь.

— Ты потом поделиться не забудь, а то запрешь всех на плантациях, — посмеялся Вадим.

— Даже больше тебе скажу, я нашёл несколько заинтересованных в маленьком химическом заводе, но пока без подробностей.

Захарий улыбнулся в густые усы. Он выглядел как счастливый ребёнок, воплотивший детскую мечту.

— Значит, начну готовить оборудование.

Они закончили прогулку по заводу и отправились ужинать в Тбилиси. Князь выбрал очень простой ресторанчик с видом на горы с открытого балкона. На прогулку Захарий надел новый костюм с фиолетовой вышивкой и серебряными пуговицами. Видимо, он так переживал о худобе Вадима, что решил закормить его до смерти.

— От переедания вестники ещё не умирали, — вздохнул Вадим, глядя на ломящейся от еды стол.

— Что Вадим? — Захарий повернулся от официанта.

— Приятного аппетита.

— И тебе дорогой!

Главным блюдом выступал мцвади в сливочном соусе, сдобренном луком и зёрнами граната. Дальше шла нежная телятина, тушенная с луком и перцем в глиняных горшках, повар заботливо посыпал все петрушкой.

— Попробуй сулугуни, только с вином! — посоветовал Захарий, показывая на сыр, по текстуре похожий на моцареллу. Солёный и тягучий, — на хачапури его, пока горячее.

После того как село солнце, принесли свечи. На веранду подтянулись гости, пришли местные музыканты.

— Захарий, а где ваша супруга Лиза?

— Эх, у мамы. Помогает с лечением отца, у старика болит голова, мигрени, — князь тоскливо отщипнул кусочек хачапури.

— И никак нельзя помочь?

— Дорогой, а что поделать? Врачи разводят руками и говорят — возраст. А знаешь, я даже рад.

Вадим удивленно поднял бровь.

— Она постоянно тащит меня на балы, вечера литературы или ещё какой болтовни. А я работать хочу, — Захарий разлил по бокалам вино, — просто по-человечески поработать, вот в Петербург съездил, пока Лиза с дочками нянчилась. Я их конечно люблю, но ещё один вечер с каким-нибудь генералом и я честно, полезу на стены!

— Ну, ну. Главная роль жены — не дать нам пустить корни в рабочий стол, — успокоил друга Вадим, — у меня тост! Давай выпьем за то, чтобы семья была отдушиной, а не удушливым болотом.

— Это хорошо! Хороший тост, дорогой! — они чокнулись бокалами, — А сам то когда? Или узник Заводского решил остаться холостяком?

— Это меня так называли? Знаешь, был один вариант, но не то, душа не лежала, — поделился Вадим, — Я ищу человека, который не сломится под трудностями.

— Вадим, муж — атлант, который прикрывает семью от непогоды, это какие трудности ты собираешься оставить избраннице?

— Собираюсь или нет, иногда все происходит не так, как мы задумываем, — Вадим замолчал на пару мгновений, растягивая спокойный момент, — иногда ответственность за наши поступки затрагивает наших близких.

Захарий кивнул. Выпили не чокаясь. В ресторане играла спокойная восточная мелодия, навевающая чувство перемен и холод приближающейся осени.

На следующий день Вадим отправился в знаменитые грузинские оружейные мастерские. Горцы годами изготавливали утонченное оружие на заказ для великих князей. Правда, Вадим пришел, чтобы сделать что-то более ужасное и громоздкое — орудие для убийства вестников.

Производить бездымный порох Вадим не стал, чтобы не будоражить общественность. Остановился на дымном в полноценных патронах с бумажной гильзой. Труднее всего оказалось найти гремучую ртуть для капсулей, в России промышленная химия еще не успела зародиться, что же говорить о грузинских княжествах, считай периферии.

Он делал ружье калибром в восемнадцать миллиметров с тяжелой вытянутой пулей Уманского на шестьдесят грамм. Пуля набирала шестьсот метров в секунду и могла остановить слона, собственно где-нибудь в Африке такое ружье назвали бы слобойным. Восемь килограммов, два вертикальных ствола и переломная конструкция.

Отдача сбила с ног бедного мастера-оружейника, мастерскую которого Вадим занял на неделю, но результат того стоил. Захарий приходил несколько раз, чтобы проверить, чем занят друг, но уходил полный беспокойства. Вадим работал, как одна из новомодных паровых машин без перерыва на сон и еду.

— Вы безумец! — орал мастер на грузинском, целясь Вадиму в выставленную руку, — я не хочу в этом участвовать!

— Я плачу тебе не за нытье, а чтобы ты стрелял!

Прогремел выстрел. В мастерской повисла короткая тишина, которую прервал вопль.

— Аааах, ну вот, а столько разговоров было! — Вадим лежал на полу и обнимал ногами руку. На ране осталась серая корочка и испаряющаяся вода.

— Безумец! — седобородый старичок, который передвигался сильно хромя, вышел на улицу, где ждал князь в компании русского офицера с эполетами гусарского майора.

— Мастер Хачатур Бебуров, рад вас видеть, я пришел забрать у вас Вадима, — Захарий низко поклонился.

— Ооо, я слишком стар, чтобы воспитывать высокомерных сопляков! Чтобы какой-то безусый молец, указывал мне! — мастер поднял палец, — Мне! Как делать оружие! Ну хорошо, забирайте, чтобы мои глаза больше не видели этого безумца. Ох.

Старик уходил с улыбкой на лице, вот как хорошо ему было. Лет двадцать как он не выходил из затворничества и доживал свой век, но хоть напоследок еще поработал, аж кости ломило.

Вадим вышел с забинтованной рукой. Лицо за время отдыха восстановилось, чего нельзя было сказать о коже на животе. Глаза же так и остались как у мертвой рыбы.

— Живой, — Захарченко покачнулся, но удержал себя в руках. Он приехал в звании майора забрать новоиспеченного штабс-капитана Вадима Беркутова во Владикавказ.

— Миша! — Вадим подошел и обнял друга.

— Оо, а это что за бандурина? — Захарченко показал на огромный чехол.

— Ружьишко, на крупную дичь.

— Захарий, я забираю у тебя Вадима, отчизна зовет.

— Я уже понял, — Захарий вдруг почувствовал, что в мире все сдвинулось, сделало шаг, но пока не понял куда. Он проводил гостей и вернулся к работе над заводом.

Сначала ехали молча. Вадим разглядывал деревни и городки вдоль военной — грузинской дороги, а Захарченко дремал. Вадим не знал, так на Михаила сказывался жаркий день августа или выработанная привычка спать в дороге, но мешать не спешил, ждал, когда друг заговорит первым.

— Вадим, что там случилось?

Захарченко решил заговорить на остановке у почтового отделения. Они сели перекусить в небольшом трактире, заняв крайний столик на свежем воздухе.

— Тебе короткую версию или длинную?

— Короткую, не надо, — Захарченко быстро предоставил слово из шести букв, — давай кратко, но не одним словом.

— Там был кто-то вроде меня, — Вадим развел руками.

— Вредный, с глупыми шутками, — Михаил загибал пальцы, — жестокий, без чувства стиля...

— Стоп! У меня отлично с чувством стиля, — не согласился Вадим.

— Ты в столице только фиолетовое на людях носил.

— Это называется реклама! Сначала я, потом полгорода.

— Ладно, — не стал спорить Захарченко и закатил глаза, — в итоге кто это был?

— Думаю, что турок, я так подумал из-за языка и внешности. И еще Мартынов, чертов предатель выстрелил в меня из пушки.

Михаил несколько раз открыл рот, пытаясь что-то сказать, пока не собрался с мыслями:

— Я даже не знаю, что меня больше поразило, то что ты знаешь турецкий или то, что ты выжил после попадания пушки.

— А ты не знаешь турецкий? — передразнил его Вадим, — Миша, у нас предатель в штабе!

— Нет его в штабе, после боя Мартынов нигде не появлялся. Но! — он поднял палец, — я знаю, где этот гаденыш. Ко мне три дня назад приполз Ахмет, умолял спасти его, просил какие-то таблетки.

— О, он еще живой? У него еще недели две есть, что он такой нервный-то, — Вадим достал трубку, чтобы закурить.

— Не знаю какие недели у него есть, но нервничал он так сильно, что пришлось запереть, — Михаил строго погрозил Вадиму, — прекращай издеваться над людьми. Тебе мало загубленных?

Кого именно Михаил имел в виду, уточнять не пришлось.

— Захарченко, ты пойми, что дальше будет только хуже. Все это, — Вадим провел пальцем круг в воздухе, — это игра. Офицерчики устраивают балы, отдыхают в ресторанчиках, иногда о Кавказе вспоминают в Петербурге и так далее. Только солдатики сидят по крепостям и перестреливаются с горцами.

— Нет, ты не прав, — возмутился Захарченко.

— Миша, тебе напомнить двенадцатый? А ну, мы же его не застали, но родители тебе должны были рассказывать, как Наполеон дошел до Москвы.

— Вадим, сейчас никто не дойдет до Москвы! — Захарченко говорил так, что казался истиной в последней инстанции.

— Сегодня, нет, сегодня никто не дойдет. А через десять лет? Пока мы палками в земле ковыряемся, британцы куют сталь, покоряют Индию, Африку! Французы не отстают и постоянно ускоряются. Мы оглянуться не успеем, как за Пруссией будем пыль глотать.

— Не смейся, вон твои же револьверы у нас появились. Винтовки на испытания отправили. Гранаты те же.

— Мало. Я пока в Тбилиси был, искал гремучую ртуть для патронов и что? Вся привозная, нет заводов в России. И так будет во всем, пока ярмо рабства с народа не сбросим, пока люди не начнут в наших университетах учиться.

Вот здесь Михаил переполошился и перешел на громкий шепот.

— Ты что! А ну, цыц! Какое ярмо рабства? В декабристы заделался?

— Миша, не путай кота и мышь, — Вадим раздраженно потряс трубкой, — мне глубоко фиолетово Николай у власти или президент республики. Ты не о себе думай и о своем дворянстве, а о людях. Если для меня будет эффективнее рабство, то я и до этого дойду, но пока станков хватает.

— Я тебя не понимаю, ты чего хочешь? Народ освободить или власть сменить?

— Промышленность я хочу. Промышленность. И если мне будет мешать гнилой чиновник, то буду топить, если длинными руками полезут англичане, то буду рубить, если же поднимется восстание, то буду давить, — Вадим сжал забинтованный кулак до хруста костей, — мы не в игрушки играем, не медали и звания зарабатываем, а проверяем механизм Российской Империи на прочность, и без всяких Мартыновых, он будет работать лучше.

— Вадим, ты себя давно в зеркале видел? — Захарченко вжал голову в плечи и руками изобразил крылья, — индюк! Давить буду, рубить буду! Вот, думается мне, что твой Ефим не за смену царя умирал.

Хлопок. Вадим ударил не сильно, но Захарченко упал со стула. Люди в кабаке замолчали, уставившись на угловой столик. Михаил отряхнулся и сел обратно, уставившись в глаза озверевшего Вадима.

— Вадим, я не посмотрю на то, что ты раненый. Есть вещи и темы, о которых офицеры Российской империи не говорят. А приличные, даже не думают!

— Михаил, я не посмотрю на то, что ты дурак. Я не монстр, я разумный человек, который ценит и прежде всего опирается на людей вокруг. Иногда, даже на таких дураков, как ты. Ефим же умер потому, что верил в меня, верил, что я сделаю лучше чем есть.

— А ты сделаешь?

— А вот и посмотрим, — Вадим оставил рубль на столе за обед и пошел к карете.

Владикавказ шумел как растревоженный женский туалет. Шамиль нанес удар, болезненный и кровавый. Крупный отряд горцев ударил по Архонскому шоссе, прервав связь с большой землей. Маленькие банды продолжали устраивать набеги на караваны, пользуясь созданной неразберихой. Генералы же собирали во Владикавказе казаков для погони на север за отрядом горцев.

Шамиль стал камнем преткновения для русской армии на Кавказе. Сильный лидер, который смог под железной рукой собрать разрозненные племена и банды. Собрал и направлял удар за ударом по крепостям, дорогам и деревням, получая снабжение из Османской Империи от британцев.

Не успел Захарченко с Вадимом приехать в город, как их вызвали в ставку. В резиденции генерала Фези Карпа Карповича проходило совещание. Захарченко взял Вадима скорее как своего помощника, так как штабс-капитан Беркутов пока званием не вышел,

чтобы присутствовать на таких встречах сам по себе. А собрались птицы действительно высокого полета, начиная теперь от генерал-майора Несторова до генерала Лева Львовича Альбранта.

— Миш, а я разве не должен быть штабс-ротмистром? — спросил Вадим, пока офицеры собирались.

— Государь два года назад, как реформу провел, все молчок, начинается, — цыкнул Захарченко.

— Господа, мы в... — в чем именно оказались господа, генерал Фези объяснял больше двадцати минут. Он стоял с красными от недосыпа глазами и матерился, посылая горцев и в степи Казахстана за рыбой и на Северный полюс за бананами и в Африку за шерстяными носками.

— Во завернул, — шепотом отметил Вадим, но слишком громко.

— Штабс-капитан, у вас есть что добавить? — прервал ругательства генерал.

— Честно говоря, есть, — Вадим вышел вперед.

— Ой дурак, — Захарченко рукой лицо прикрыл и тоже шагнул к генералу, чтобы спасти друга, — ваше высокоблагородие, простите, пожалуйста, штабс-капитана, он еще не оправился от травмы.

— Ааа, так это благодаря вам, Шамиль сбежал.

— Благодаря мне, пластуны выбили Шамиля из-под носа Владикавказа, где он прятался и плевал нам на головы, — Вадим вытянулся, подставляя грудь, под гневные взгляды, — если бы не предатель, то мы бы взяли не только гору, но и Шамиля с его прихвостнями.

— Несторов, — Фези обратился к генералу, — майор Мартынов ваш подчиненный.

— Сначала я был в смятении, не ожидал от Николая, но после обысков в квартире майора нашли письмо от Петербургского служаки, который настойчиво просил Мартынова “позаботиться” о штабс-капитане. Вадим, вам что-нибудь известно?

— Догадываюсь, что письмо от Щедрина. По милости этого бесчестного человека я и попал на Кавказ, — пожаловался Вадим.

— Генерал умер, давайте без резких слов, — попросил Фези.

— Туда собаке и дорога.

— Беркутов! Вон! — генерал не выдержал и указал на дверь.

— Да и подумаешь, — Вадим вышел из резиденции, под настырные толчки Захарченко, которому еще придется выслушать за своего подчиненного.

Чтобы не терять время, Вадим отправился проведать заключенного. Ахмета держали в карцере. Пара караульных пустила Вадима после предъявления документов, оставили их наедине.

— Урус! — Ахмет бросился к решетке, как разглядел гостя, — урус, не губи, я не убегал от тебя, меня забрали, честно.

— Как ты сбежал от Шамиля?

— О, это была захватывающая история, на которую у меня нет времени, — Ахмет схватился за горло и высунул язык, как будто задыхаясь, — дай таблетку! Не видишь, я умираю!

Вадим взял со стены горящую свечу и поднес ближе, чтобы разглядеть умирающего.

— Ты простыл, от этого, конечно умирают, но не такие сволочи, как ты Ахмет. Соберись и скажи что-нибудь полезное, иначе останешься здесь.

— Ну почему ты такой жестокий Урус? Никакого христианского сострадания, — он

прекратил притворяться и прижался к прутьям камеры, — есть одна новость, я знаю о следующем нападении Шамиля, он пойдет на...

— Он уже напал на Архонское шоссе, знаем, — прервал его Вадим, — если это все, то я пошел.

— Э, уже? Как напал, — если Ахмет потерял надежду, то не надолго, — подожди, урус! Если он напал на шоссе, то я знаю, куда Шамиль пойдет дальше.

Вадим окинул пленника скептическим взглядом.

— Военно-грузинская дорога!

— Снова? Ради чего? — Вадим устало покачал головой, — в том году уже отбивали налет.

— Ты не понимаешь, на этот раз он уничтожит дорогу, закрыв сообщение с грузинскими княжествами.

Чего-чего, а юмористического концерта от горца Вадим не ожидал, поэтому громко засмеялся.

— И как же он ее уничтожит? — сквозь смех спросил Вадим.

— Я не уверен, но во время обсуждения главы кланов говорили о взрывчатке в деревянных ящиках, которую должны привезти во Владикавказ.

— Вот сука! — Вадим побежал из карцера.

— А как же лекарство? — крикнул Ахмет, но ответа не дождался. Мощное каменное здание трянуло от взрыва в городе.

На месте старого склада осталась воронка и выжженные куски камня. Отряды пожарных пробирались через задымленные улицы района, пока с неба падала горящая солома. Вадим бежал, расталкивая любопытных прохожих. Они вышли посмотреть на источник шума.

Пожарные разворачивали шланги от бочек с водой, чтобы затушить бушующее пламя, прохожие выносили раненых. Вадим подбежал в тот момент, когда на носилках вынесли Егеря. Он выглядел целым, только из ушей и носа у него шла кровь.

— Егерь? Что случилось? — Вадим взял его за руку, чем вызвал гневные возгласы добровольцев.

— Вадим Борисович! — Егерь кричал, его контузило, — Я видел майора! Не помню имя...

— Я понял, отдыхай, — Вадим отпустил Егеря, и его унесли в полковой лазарет.

В городе подняли тревогу и гарнизон. Казаки разошлись сетью патрулей по округе, но не смогли найти Мартынова. Пока прибежали большие люди из штаба, Вадим успел проверить то, что осталось от склада. Следы взрыва указывали на стабилизированный нитроглицерин или же в простонародье — динамит. Пока военные разбирали завалы, Вадим считал не только осколки от ящиков, в которых привезли динамит, но и мощность взрыва.

— Вадим, если ты не объяснишься, то нам головы снимут, — зашептал Захарченко, отведя друга в сторону.

— Мы должны выступить, Ахмет рассказал, что горцы хотят подорвать военную дорогу.

— Это же сколько пороха нужно! И потом, зачем было взрывать твой склад?

— Так, все легко, если понимать разницу между порохом и динамитом, — Вадим показал обгоревший уголок от ящика, — мой динамит на порядки мощнее пороха. Нескольких ящиков хватит, чтобы устроить обвал.

Захарченко снял фуражку и платком протер выступившую испарину.

— Дай угадаю, здесь взорвался не весь динамит?

Вадим оглянулся, осматривая окружающие дома.

— Если бы взорвали все, то Владикавказ решил бы нескольких кварталов.

— Вадим! — Захарченко схватил его за рукав, — на кой черт ты притащил в город столько взрывчатки?

— Ты же видел, что можно сделать одним ящиком? Взорвать стены аула, устроить засаду на горцев, обрушить дорогу или ущелье...

— Значит, что не только я один видел, Мартынов как-то узнал обо всем.

— Что значит как-то? На дороге весь караван видел, пусть и издалека, Лермонтов, он же был другом майора. Никто секрета не делал, — Вадим пожал плечами, — я же хотел показать мощь оружия. Чтобы у генералов челюсти отпали.

— Они и отпали, — в разговор вмешался Василий, незаметно подкравшийся, — только я успел показать винтовки и гранатометы. Пластуны у генералов, конечно выпрашивали новинку... Но все тяжело.

— Денег нет? — понял Вадим.

— Не-а, они, конечно пообещали написать в Петербург и все такое, — расстроился Вася и принялся тереть запонку на рукаве, — а, точно! Еще Михаил показывал казакам

револьверный карабин, по тыквам стрелял на скаку и все такое.

Захарченко скривился, вспомнив, что его снова привлекли для торговли и в отместку спросил:

— А тебя как сюда пустили после взрыва?

— Склад же я покупал.

Вадим и Михаил переглянулись.

— Василий Гермонович, а вы случаем никому не говорили, что будете хранить на складе? — поинтересовался Вадим, тихим, вкрадчивым.

— Вадим ну что ты, так был один майоришка, — Василий посмотрел на погоны Захарченко и откашлялся, прежде чем продолжить, — тёмненький такой, интересовался неопасное ли я чего храню.

Захарченко сплюнул.

— Давно интересовался?

— Часа три назад, при нем еще пара казаков была, или местных, черт их знает, а потом меня вызвали в штаб, — Василий задумчиво почесал острый подбородок, а Михаил рядом жалобно завыл.

— Ты бы хоть документы спрашивал...

— Миш, подожди с документами, что сказали в штабе?

— Да ничего, ошиблись, наверное. Никто не звал.

— Вадим, и этому человеку ты доверяешь караваны с оружием? Винтовки и ружья хоть не пропали? — устало спросил Захарченко.

— Все на месте, я несколько складов купил, только что их проверил, — заверил насупившийся Василий. Он если и обиделся на замечание, то поставил дело на первый план.

К оцеплению из солдат вокруг склада подбежала пара запыхавшихся казаков. Младший Лев Львович спрыгнул на землю, весь взмокший, он тяжело дышал, вытирая пот с бровей.

— Ушли, — он сорвал бурдюк с седла, чтобы напиться.

— На север? — уточнил Вадим.

— Все так, на север, к Пятигорску.

Вадим повернулся к Михаилу.

— Собирай людей, командир. Пойдем в горы.

— Вадим, в которые?

— Вдоль военной, в сторону Грузии, — прежде чем казак и Захарченко начали задавать вопросы, он продолжил, — не просто так Шамиль прятался у Владикавказа. Он готовил удар по дороге. Сейчас горцы украли взрывчатку и убежали якобы на север, чтобы обмануть преследователей. Заматают следы.

Про наводку Ахмета Вадим решил умолчать в присутствии малознакомых лиц.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Раны... — Михаил указал рукой на впалые щеки Вадима, — только приехал и сразу в погоню.

— Иначе никак.

По узкой горной тропинке поднимался отряд горцев. Они зашли в тень вершины, чтобы устроить привал.

Среди загорелых, суровых лиц горцев затесалось две аномалии: русский майор с бледной кожей на тонкой шее и широком лбу, и тихий турок в белой черкеске и белых брюках.

С приближением сумерек к стоянке потянулись банды черкесов и чеченцев. Беки первым делом шли здороваться с Шамилем, пока простые бойцы собирались группками для обсуждения последних слухов.

Николай сидел с краю и жевал горький табак. Он чувствовал себя чужим, одиноким. Прямо как сидевший напротив Анвар. Турок не спешил сближаться с горцами, сидел, сложив руки на коленях. За время, которое Мартынов провел с горцами он так, и не увидел, чтобы Анвар присоединился к намазу или прочел молитву. Тот скорее всегда оставался наготове, спокойный снаружи, но натянутый как тетива внутри.

— Урус, а расскажи, как ты взорвал дома во Владикавказе! — один из беков Шамиля подошел к Мартынову, чтобы забрать его в круг приближенных.

— Сарай, только. И может, несколько человек, — неохотно ответил Николай, скривившись от воспоминания. Мартынов уже не раз проклял себя, сначала за деревней на горе, когда на глазах погиб Лермонтов. Мишель. Старый злосычный друг. Николай сжал кулаки до хруста в костяшках. Поэта он бы и сам придушил, было за что, а вот поручика Беркутова, солдат, артиллеристов. Что ж, здесь Вадиму не повезло попасть в прицел старому "доброму" знакомому Николая. Если бы не треклятое письмо из Петербурга, то все пошло бы по-другому.

— Урус, Шамиль зовет тебя, — напомнил о себе бек.

— Иду, — поднялся Николай.

Имам Северокавказского имамата сидел в окружении беков и ханов. Шамиль пил турецкий кофе, пока слушал доклады. Высокий, широкоплечий мужчина выделялся крепостью даже среди закаленных воинов.

— А, Николай, — Шамиль жестом остановил докладчика и подозвал к себе Мартынова, — дорогой, расскажи, что ты забрал из Владикавказа.

— Мощную взрывчатку, ее хватит, чтобы завалить дорогу. Десять ящиков и три активатора, — Николай не знал название взрывателей, поэтому использовал пришедшее на ум слово.

— Отлично! Отлично! Завтра утром, мы отправляемся. Ты отвечаешь за взрыв склона.

Николай кивнул. Говорить ему не хотелось. Побыстрее все закончить и... И спрятаться в каком-нибудь ауле.

К имаму подошел бек с перевязанной рукой, его отряд черкесов выглядел побитым и пришел на стоянку в числе последних. Если Николай не ошибается, то именно они уводили патрули казаков на север.

— Ты ранен? — Шамиль повернулся к горцу, чем показал Николаю, что тот свободен.

— Не сильно. Мы сначала обменялись выстрелами с шакалами, чтобы броситься с холодным оружием, но они стреляли, стреляли и стреляли не прекращая. Я потерял десять человек!

У бека недобро блеснули глазки, когда он посмотрел на Николая. Дальше Мартынов не стал слушать, вернувшись на лежак.

Спал он плохо, постоянно просыпался от кошмаров, шума в лагере и нестерпимого запаха конского пота.

Николая разбудили еще до рассвета. Горцы выдвинулись в темноте, ведомые опытными стариками, они шли горными тропинками, чтобы пройти незаметно для патрулей Русских. Войско, а именно так Мартынов назвал бы не меньше тысячи собравшихся, останавливалось, чтобы подтянулись замыкающие, и отдохнули кони, прежде чем двинуться дальше.

К концу недели войско подошло к поселению Ларс. Укрепленной деревни с редутом. Русские обменяли земли у владельца на деревни рядом с Владикавказом, чтобы построить новое укрепление. В тени отвесных скал виднелись старые башни, оставшиеся с древних времен, но пришедшие в негодность сейчас.

— Николай, сколько тебе нужно ящиков? — к Мартынову подошел Шамиль и показал на склон горы, которая возвышалась над дорогой и поселением.

— Думаю все, здесь сплошная порода, — пожал плечами Николай и закрыл рукой глаза от заходящего солнца.

— А ты подумай. У меня с собой есть порох, много пороха, мы на ослах тридцать пудов принесли.

— Ну, можно попробовать и четырьмя, но Шамиль, твоим людям придется капать и много, — Мартынов лучше всего оценил не саму взрывчатку, а активаторы и кабель, по которому проходил сигнал для взрыва, — если подорвем в тех расщелинах, то обрушим склон прямо на дорогу. Крупные осколки русские солдаты будут разбирать месяцы, даже со взрывчаткой.

Он указал на пласт покрытой мхом земли с открытыми прожилками серого гранита. Там порода годами вымывалась дождями и ветром, образуя естественные трещины.

— Хорошо, хорошо, — имам отошел, чтобы отправить горцев с одним из ящиков взрывчатки. Куда они пойдут Николай не знал, но догадывался, не зря же к Шамилю уже несколько раз подходил Анвар. Этот турок присоединился к Кавказским бойцам не из душевных побуждений и не по религиозному зову. Прагматизм и политика привели его на южную границу России.

Два человека и осел поднимались по склону, чтобы уйти на запад, в сторону черного моря, где их должен встретить уважаемый человек с кораблем до Османской империи.

Николай и дальше бы смотрел на склон, если бы не выстрел. Выстрел дрожащим эхом прошелся по зеленым склонам и над станицей горцев. Осел со взрывчаткой дрогнул и кубарем покатился, утаскивая за собой горца-погонщика. Они подняли облако пыли и ошарашенные взгляды, когда рухнули на камни, подняв облако серой пыли. Николай тяжело сглотнул, в горле резко пересохло.

— Атака! — завопил бек в расписной черкеске, запрыгивая на коня. Но не успел он натянуть вожжи, как дернул головой, выплюнув кусок гортани на загривок коню.

В этот раз одиночный выстрел потонул в оркестре горных орудий российской армии, которым аккомпанировали дымные щелчки линейных ружей из-за камней. Вокальную же часть ужасной композиции императорские войска отдали боевому кличу казаков, которые заходили темной тучей во фланг горцев.

Линейные казаки неслись с воплями шакалов. Они врезались в разворачивающиеся порядки горцев, чтобы рубить, колоть и резать врага сталью.

Осколок шрапнельные гранаты резанул Николаю кожу на виске. Он и сам не раз держал в руках пятикилограммовые смертельные снаряды. Они распускались огненными бутонами, чтобы тут же завянуть на холодном ветру, забрав с собой жизни.

Николай зажал рану и осмотрелся. Среди ужасного танца из тел и взрывов он увидел, как Анвар за руку тащит Шамиля. Имам упирался ногами, хватался за людей, только чтобы остаться и привести войско в порядок, спасти кого сможет. Здесь гибли самые верные.

Мартынов схватил под уздцы коня, загруженного взрывчаткой, и пошел за имамом. Если Шамилю не показать выход, то он упрется и погибнет, как гибло войско. А так,

страшный и могучий Анвар защитит избранного духовного лидера, уведет, чтобы зализать раны.

Мартынов приложился к немецкому штуцеру, ружью которое привезли по морю контрабандой. На прицел попался солдат, один из многих в тонкой цепи пехоты, что сжимала горцев в огненном мешке. Выстрел ударил в плечо, и Мартынов не стал проверять, попал ли он.

— Анвар! — Николай позвал турка. Зная, что Анвар не понимает по-русски, Мартынов просто указал на единственную тропинку между скалами, которую еще не занял враг. Из-за царящего безумия схватки больше никто не смог заметить пути побега из ловушки.

— Николай, мы не можем нести взрывчатку с собой! Слишком тяжелая, — опомнился Шамиль, говоря почти без акцента, — оставим ящик, остальное взорвем!

Он повернулся и перевел Анвару. Турок молча кивнул и показал Николаю на ящики. Мартынов достал из внутреннего кармана завернутые в бархатные платки чувствительные активаторы. Из рассказа одного охотника Николай знал, как Вадим уничтожил засаду подобным ящиком. Только в этот раз не было столь хорошего стрелка, чтобы подорвать взрывчатку. Но Анвар только фыркнул, размахнувшись одной из двух снаряженных бомб. Ящик не успел приземлиться перед строем выскочивших казаков, как глаза Анвара засияли, а в руках появилась дуга из молнии.

Как летящая паутина на ветру, молния окутала ящик. Взрыв сотряс землю, заглушая дрожь от топота сотен коней и выстрелов пушек. Ведущий строй казакский командир испарился вместе с двумя десятками человек и коней, оставив после себя почерневший кратер.

Анвар кровожадно улыбнулся и протянул руку, за второй бомбой. Николай испугался. Упал на спину, отшатнувшись от турка, чем и спас себе жизнь. Бомба взорвалась еще в руках Анвара, чуть не погубив и Шамиля.

Свист в голове смешался с помутневшим миром перед глазами Николая. Из носа шла кровь, а из лица торчали острые кусочки гранита.

Мартынов пошел к единственной дороге. Он шел медленно, пошатываясь и не обращая внимание на сражение. В голове звенело так сильно, что он не заметил тела горцев, лежавших прямо на обманчиво безопасной дороге между скалами.

Из глубокого шока к сознанию Николая вернула вывернутая картина мира: Анвар без одной руки нес на плече Шамиля. Имам висел, не двигаясь, одежда у него промокла кровью, но чей именно, Николай не понял. Хуже всего, что их уже ждали.

Вадим Беркутов, который должен был сгинуть в горном ручье, стоял на склоне с ружьем.

Прежде чем Анвар успел призвать страшные силы, его с ног сбила тяжелая пуля из слобойного ружья. Вадим сказал что-то на турецком, отчего Анвар засмеялся и снова дернулся, получив второй выстрел. На груди у турка зияла дыра в черной блестящей как панцирь коже. Николай только сейчас заметил, что с лица и тела турка кожа полностью пропала, обнажив черные кости и выгоревшее мясо.

— Собаке, собачья смерть, — сказал Вадим, перезаряжая ружье. Он спрыгнул на дорогу, чтобы подойти к Анвару.

За спиной Беркутова показалось лицо майора Захарченко. Мартынов зажал рукой рот, чтобы стоном не выдать себя. Тело не вовремя отошло от шока и припомнило все застрявшие под кожей осколки. Его не слышали. Липкий ужас вперемежку с кровью застрял в горле.

Турок лежал на спине, задрав голову к небу. Вадим стоял над ним как палач с картинок из старых книг. Только вместо топора он зарядил ружье. Анвар засмеялся и вытянул руки, выпуская белые молнии. От столь яркой вспышки у Николая пошли круги перед глазами и он пополз спиной к выходу из ущелья, но упал в небольшой овраг у дороги. Сквозь шипение разрядов молний пробилось два выстрела, а потом упала тишина. Николай открыл глаза, на краю зрения еще плавали белые пятна, но они не мешали видеть. Видеть такое, от чего у Мартынова встали волосы. Беркутов сел над телом Анвара и раздвинул грудную клетку. Из черной, обожжённой взрывом плоти Вадим достал сердце, черное со следами порезов.

— Вадим? — забеспокоился Захарченко, который пытался проморгаться после вспышки.

— Так надо, Миша, — с этими словами Вадим впился в сердце зубами. С подбородка на землю закапали тяжелые капли воды. Вадим менялся на глазах: от него пошел пар, исчезли синяки под глазами и худоба на лице. Ребра больше не торчали из-под рубашки.

— Антихрист! — Захарченко вынул револьвер и наставил на Вадима дрожащей рукой.

— Нет, Миша, ангел, — засмеялся Беркутов, — Хочешь немного? Никакой человечины, чистый дейтерий и тритий!

Над долиной повисло черное облако, казалось, что оно спускается, чтобы коснуться земли, но нет. Облако остановилось, повиснув как крыша огромного зала.

— Тоже хочешь? — Беркутов поднял сердце над головой, — кто не работает, тот не ест! Миша, пошли, там еще бой идет.

Он бросил сердце Захарченко и поднял с земли огромное ружье и Шамиля, чтобы закинуть его на плечо. Михаил на рефлексах поймал сердце, но майора чуть не вывернуло наизнанку.

Мартынов сидел в таком шоке, что засыпал себя землей, собирая ее руками вокруг. Его не заметили, никто не заглянул в овражек у дороги. Сколько он так просидел, Николай не знал. Но в какой-то момент все звуки пропали. Исчезли залпы горных единорогов, ушло эхо от криков и выстрелов. Николай поднялся, разгладил мундир и вышел из чертова ущелья.

На поле боя ходили отдельные отряды пехоты и казаков, они собирали раненых и убитых. Следы от ядер и разрывных гранат остались высечены на скалах. Когда-то зеленый склон почернел от вспаханного артиллерией и конницей слоя земли. Только серый гранит зубьями торчал, хотя сейчас как надгробья армии Шамиля.

Николай шел быстро, но не бежал. На него если и бросали взгляды, то мимолетные. Мало ли сейчас над Верхним Ларсом ходило перепачканных солдат и офицеров. Мартынов спустился к дороге, застав там одинокого казака у коня. Юный хорунжий рассматривал тонкий кинжал в украшенных камнями ножнах.

— Братец, а табаку не найдется? — обратился к нему Николай.

— Конечно, вашблагородие! Ух, как вас осколками посекло, — хорунжий засуетился, хлопая по карманам черкески.

— Симпатичный трофей, дашь посмотреть? — Николай вытер испарину со лба и показал на кинжал.

— Конечно, держите, я пока табак найду, добыл, сам! — хорунжий протянул трофей и светящийся от радости принялся проверять сумке у седла.

Николай обнажил кинжал, рассматривая лезвие.

— Нашел, вашблагородие, — казак повернулся и замер, встретив печальную улыбку.

— Спасибо, братец.

Тонкое лезвие прошло через черкеску прямо в сердце. У хорунжия дрогнули черные усики. Он упал на землю с широко раскрытыми глазами, смотря на проплывающее небо.

Николай проверил кобуру со странным револьверным карабином у седла, но предпочел старый кремневый пистолет из сумки. Его Мартынов спрятал в распахнутом мундире. Беспокойный конь не хотел оставлять казака и пришлось его пришпорить, чтобы поскорее убежать с проклятых гор Кавказа.

5 сентября 1841 года. Кронштадт

На причале Кронштадта под серым дождем ровными шеренгами выстроились моряки российского флота. Несмотря на сильный ветер и бушующее в заливе море, команды балтийского флота принимали смотр Николая Павловича. Они встречали императора в черных шинелях сшитых на талию и с высокими воротниками.

Николай Павлович остановился рядом с адмиралом Горыниным, который в этом году принял командование над новейшим пароходом. На груди у адмирала, как и у всех офицеров флота поверх шинели крепилась кобура из лакированного дерева с выжженным двуглавым орлом.

Император стоял в форме генерал-инженера, которую он очень любил, и даже под дождем не променял бы на непромокаемый плащ. Адьютант с французским зонтиком старался прикрыть государя от непогоды, но тщетно.

— Идемте, адмирал, — Николай Павлович позволил себе улыбку, — Вольно!

— Вольно! — повторил команду Горынин и повел высокое начальство на борт военного парового фрегата. Нового флагмана Балтийского флота, который стоял под парами и ждал гостей.

“Метеор” построили в честь первого военного парохода российского флота, который успел поучаствовать в Русско-Турецкой войне тридцатых годов, брал Анапу и закончил службу в тридцать девятом. Новый Метеор решили построить в англии, со всеми техническими новинками. На корабль англичане поставили четыре собственных котла, гребные колеса и двадцать орудий. На пару фрегат набирал пятнадцать узлов, что позволяло бороться с непогодой. В ветреную же погоду поднимали парусное вооружение.

Чтобы не отставать от англичан, хотя бы на словах, Николай повелел заложить корабли схожего проекта в Новой Адмиралтейской верфи в Петербурге и в Николаеве на юге страны.

— Давайте поднимем бокалы, за новый флагман Балтийского флота! — предложил Горынин, для себя он прежде всего морской офицер, но для большинства собравшихся князь.

Николай Павлович поправил парик и кивнул, давая согласие.

Приемку корабля императором совместили со смотром флота, но из-за плохой погоды парадный строй решили отложить, чтобы народ смог посмотреть на парад и не мокнуть под дождем.

— Мы входим в новую эру! Эру пара! — вещал светлейший князь Александр Иванович Чернышёв, — все мы помним недавний прискорбный случай, когда бандиты ушли от нашего корабля во время бури, с паром же такого больше не повторится, верно, Владлен Иоанович?

Военный министр отправил шпильку в адмирала, за выходку Горынина с приемом пистолетов для офицеров в обход него.

— Конечно, особенно если министерство не будет заниматься ретроградством и уже откроет инженерное направление! — Горынин посмотрел на государя, поддержкой которого так нагло пользовался.

— А у вас уже и кандидатура есть? — ехидно поинтересовался Чернышёв.

— Конечно есть, светлая голова, и если бы не прискорбная ошибка третьего отделения, то он бы не на Кавказе воевал, а дальше на благо родины заводы строил!

Вот теперь, временно исполняющий обязанности начальника жандармерии Месечкин

Алексей Игнатьевич понял, зачем его позвали на прием корабля в состав флота.

— Я уже доложил государю, что только из-за гнусных слухов и откровенной клеветы до Николая Павловича вообще дошла эта жалоба.

Все выжидательно посмотрели на государя Всероссийского.

— Бравый офицер уже доказал на Кавказе, что его оклеветали. Я подписал приказ о его повышении и разрешение на возвращение в столицу, для ведения предпринимательской и промышленной деятельности. Мы не разбрасываемся достойными людьми.

Адмирал и военный министр выдохнули одновременно и переглянулись. Все представление со ссорой задумывалось для государя и возвращения из ссылки Беркутова, где тот отлично себя показал.

— А чтобы уважаемые члены министерства не сомневались, мастерская принадлежащая Беркутову подготовила продукции, на пробу, — Горынин подал сигнал мотрису и в офицерскую столовую внесли коробочки с выжженными орлами на крышках. Для Николая Павловича Горынин сам принес и вручил лично дорогой чехол с серебряным двуглавым орлом. Внутри лежал тяжелый десяти миллиметровый револьвер с верхней скобой для унитарных патронов.

В окружении Николая почти все чиновники прошли жернова армии и носили старшие офицерские звания. Каждый мог оценить качество и новаторство револьверов.

— Тяжесть, тяжесть — это хорошо, это надежно, — взвесил в руке револьвер Чернышёв.

Николай Павлович хмыкнул и достал из коробки патрон с пулей уманского, а потом обратился к военному министру:

— Вы только Петру Александровичу не говорите, а то он мне уже жаловался на студентов.

Месечкин наострил уши и осторожно поинтересовался:

— Что-то политическое?

— Нет, Алексей Игнатьевич, — посмеялся император, — с этим, все спокойно. Жалуются, что разленились, паршивцы, не хотят учиться. Ну ничего, наведем там дисциплину.

Николай Павлович любил воинские порядки и старался продвигать их повсеместно, делая из страны механизм с шестеренками из фабрикантов, пружинами из армии и смазкой из чиновников.

5 сентября 1841 года. Владикавказ

У дверей в штаб армии стоял караул из пары солдат и силой ружей вот уже три дня не пускал никого, кроме лавочников с новыми закусками и винами. Высоки господа праздновали успех операции по поимке Шамиля. Сперва несколько недель ушло на подсчет потерь как среди горцев, так и среди императорской армии, потом бумажная работа, письма государю и вот, наконец заслуженный отдых. С пленением Шамиля у горцев схлопнулся весь восточный фланг у берегов Каспийского моря. Только силы черкесов отказались сдаться и бросить оружие, воодушевленные обещаниями из Османской империи.

Даже до такой глухомани, как Владикавказ, дошли слухи о том, что Англичане собирают добровольцев для борьбы с кровожадными Русскими, но это должно быть потом, сейчас же, офицеры и солдаты праздновали. Почти.

Вадим сидел на большом диване с распахнутым мундиром. На коленях у него лежала золотая шашка — награда за смелость и поимку имама. В центре комнаты накрыли большой

стол, за которым остались самые крепкие духом и телом люди, которые пили грузинское вино и местную чачу три дня подряд. Но не о начальниках думал Вадим, он смотрел на молчаливого Льва Львовича. Казацкий генерал сидел мрачнее тучи и пил в одиночку водку. На столе у него стоял стакан с черной корочкой хлеба. Уже после боя, какой-то хитрый горец подобрался к сыну Льва Львовича у дороги. Хорунжию просто не повезло, но генерал думал иначе. Вадим долго за ним наблюдал и дождался момента, чтобы подойти.

— Я присяду? — Вадим указал на свободное место за столом.

— Конечно, — Лев Львович откашлялся и протер рукой уставшее лицо. Выглядел он печально: синяки под глазами, слипшиеся волосы, перегар, — хотите поговорить о сделке по карабинам?

— Нет, мне, конечно интересно, как вы смогли обещать земли черкесов в обмен на оружие, чтобы эти самые земли захватить, но я не об этом, — Вадим мысленно послал несколько "ласковых" в сторону Василия, который отвечал за сделку, — Я хотел спросить, вы нашли убийцу?

Генерал утер рукой бороду.

— Ты что-то знаешь?

— Есть одна мысль. А что, если убийца не горец? Вы же за прошедшие недели всех в округе выловили.

— Кто-то из своих?! — Лев Львович сжал кулаки и оскалился.

— Не совсем свой. Я долго искал среди тел одного перебежчика...

— Мартынов, — отрезал генерал.

— Да, бывший майор, у меня с ним личные счеты и за Михаила Юрьевича и за, ну есть за что.

— Но его никто не видел, — Лев Львович выпрямился, дымка алкоголя сошла с разума, и он застучал пальцами по навершию шашки.

— У него, наверное, остался мундир, — Вадим не собирался оставлять живых врагов за спиной, — дальше я вижу два варианта, куда бы он мог отправиться: к османам или к черкесам. Если учесть любовь Мартынова к горцам, то ответ только один.

Лев Львович ответил не сразу. Он перебирал доклады патрулей и теории, пока не пришел к выводу.

— А если все-таки к Османам?

Вадим улыбнулся. Генерал если и не поверил, то убедил себя, что в гибели сына виноват сбежавший предатель.

— Тогда нам его не достать, пока. Войны с турками были, есть и будут, — Вадим откинулся на стуле и расслабился, — но если, и скорее всего так и есть, он у черкесов, то я не вижу ни одной причины, почему вы еще здесь. Правда не представляю, как вы в таком виде поведете людей в бой, — Вадим показал на распахнутый мундир генерала, — без обид.

— Без обид, — кивнул Лев Львович и отодвинул от себя рюмку с водкой, — вы поедете со мной?

— К сожалению, не могу. Меня сослали на Кавказ несмотря на мои старые раны. После новых боев, ранений меньше не стало. На коне не держусь вообще.

— Понимаю.

— Но это не значит, что я не буду вам помогать. Из Петербурга это сделать будет проще.

— Присылайте ваше оружие, мои казаки дали высочайшие оценки вашим револьверным

карабинам, — генерал старательно выговорил новое название, — со своей же стороны обещаю, что мы отобьем обещанное, и я сквозь землю провалюсь, но найду золото на уплату остатка. Вы же не будете против крепостных черкесов?

— Совершенно нет, — улыбнулся Вадим, ведь рабочие руки ему должны пригодиться.

— А теперь простите, Вадим Борисович. Дела.

Они пожали руки, и генерал ушел, приводить себя в порядок. Вадим остался один за столом с бутылкой водки. Вчера он получил письмо из Петербурга с поздравлениями и разрешением возвращаться. Собственно все дела на Кавказе он пока завершил. С остальным должен разобраться Василий, чья удача перевешивала все глупости. Он, сам того не подозревая, договорился обменять не самые дорогие поставки оружия на земельный участок, ценою в много. Если Вадим не ошибался в том, что этот мир отличался от Земли, куда его изначально посылали, только событиями и неожиданными вестниками, то мир еще услышит о Худесском месторождении. Формально территория южнее Пятигорска входила в состав империи, но вести там, какие либо разработки, пока банды горцев терроризируют торговые дороги, было невозможно. Остальные земли Вадим выбирал сам, оторвав под Кубанью перспективные нефтяные месторождения.

В Российской империи действовала программа для заселения офицеров с семьями на территории северного Кавказа, и Вадим договорился, чтобы за заслуги перед отечеством и хвалебные речи в сторону начальства перед императором, ему выделили несколько деревенок. Он ущипнул себя, чтобы вернуться к реальности. Сами по себе земли стоили немного. Уйдут миллионы на то, чтобы появились и заработали шахты и скважины.

Он встал и размялся. Сидеть в душном зале не осталось сил, остатки от человеческого тела просили воздуха и движения.

У дверей штаба терся один интересный горец, который и на день не уходил, чуть ли не скуля о встречи с Беркутовым. Ахмет выглядел блекло и нервно.

— О, Вадим Борисович! Как же я рад вас видеть. Эти, не хотели пускать меня к вам, — горец бросил злобный взгляд на караул.

— Это военный штаб. Конечно, тебя не пустили, у нас было важное военное собрание, — Вадим понюхал мундир, не сильно ли от него разило водкой.

— Я понимаю, военные собрания это дело ответственное! — вот и Ахмет, похоже, учуял нотки чачи, которые повеяли из большого зала.

— Зачем ждал?

— Ну как же, горло болит, — он многозначительно прокашлялся.

— Значит так, Ахмет, я уезжаю, — на этих словах на лице горца отобразился первородный ужас, — но оставляю в городе своего человека. Он парень смысленый, ответственный, хотя немного простофиля. Будет давать тебе лекарство в обмен на службу.

— Какую службу? — замогильным голосом поинтересовался Ахмет.

— Верную, конечно же. Ты останешься при Шамиле и будешь его самым верным человеком, с которым имам будет делиться всеми планами, — Вадим достал трубку и закурил, — донесения будешь приносить моему человеку. Ты ему донесение, он тебе лекарство. Только не тащи всякую мелочь, лекарства дорогие, тратить их на новости о том, кто, кого украл из аула — не надо.

Ахмет понимающе кивнул.

— Будешь говорить, с кем имам встречается, что говорит о России, императоре, кто из военных с ним слишком мягок или слишком строг. Но главное, ты узнаешь, через кого

Шамиль общается с Османами и британцами. Понял?

— Понял.

— Тогда почему, ты еще здесь, а не приносишь свежий кофе Шамилю перед сном?

Ахмет намек понял и низко поклонившись скрылся в переулках Владикавказа.

Вадим же остался на улице, смотря вдаль, на окраину города, где имаму выделили отдельный дом со слугами и баловали не хуже, чем настоящего князя. Такое высокое отношение к человеку, который выпил столько крови у империи.

— Нет, врагов нужно уничтожать.

20 октября 1841 года.

Вадим ехал в Петербург не один. Напротив в карете сидел скучающий Михаил и тяжело вздыхал. Он горевал, что его оторвали от любимого дела и тянули в столицу, где ждала светская жизнь, серое небо и жена. Последняя так вообще наводила тоску на майора похлеще стопок отсчетов и прошений перед адъютантами русской императорской армии. Половые проблемы одного Захарченко, Вадима волновали мало, а вот количество верных и компетентных людей — чрезвычайно. Поэтому он отпросил бравого Захарченко, в качестве испытателя, который должен лично доложить военному министру о ходе испытаний нового оружия.

Кучером подрабатывал Егерь, который согласился поехать в столицу и дальше служить Беркутову. Меткий стрелок отлично показал себя на Кавказе и рвался в новые приключения. К сожалению, после взрыва во Владивостоке, он оглох на одно ухо, но сам отшучивался: хорошо, что не ослеп, а то бы не поучаствовал в захвате Шамиля. С одной стороны наемник, но со стороны, которую Вадим описал штабу — доброволец и патриот.

Карету трянуло. Они остановились около вокзала. Пока еще единственная ветка железной дороги вела от Москвы до Петербурга. Да, вагоны трясло, продувало и иногда непонятно чем пованивало даже в первом классе, но все лучше, чем днями трястись в карете, чтобы добраться до столицы. Почти. Они вышли в пригороде, на остановке “Заводское”. Кирпичный домик с кассой и одинокая дорога, уложенная бревнами, вот и все чем была остановка. Ну еще пара колышков, чтобы привязать лошадей, у которых стояла запряженная карета. Встречать Вадима и компанию приехали бывшие жандармы: Микола и Алексей. Гладковыбритые в костюмах тройках и при тростях.

— Двое из ларца, — заметил Вадим, отдавая чемодан Миколу.

— С приездом, Вадим Борисович, очень соскучились, заждались, — Микола низко поклонился, улыбаясь пожелтевшими зубами.

Карету взяли открытую с четверкой лошадей и на рессорах.

— Карета хорошая, — заметил Михаил, погладив подлокотник из кожи.

— О, я так и знал, что вам понравится, — Алексей сел напротив Вадима и Михаила пока Егерь ехал с Миколой, чтобы не тесниться в салоне, — это наша.

Михаил вопросительно поднял бровь.

— В смысле мы сами начали делать, — принялся пояснять Алексей, — в прошлом году Вадим Борисович сделал себе закрытую карету, да еще и на этих, как его...

— Рессорах, — подсказал повернувшийся Микола.

— Ну да. Мы подумали, подумали, а чего бы еще таких не сделать? Нашли мастеров в Заводском, у которых вы заказывали, договорились и сейчас открыли мастерскую, — Алексей сиял, как начищенный пятак пока рассказывал.

— Вижу, без дела вы не сидели, только мастеров от дел не сильно отвлекли? — уточнил Вадим.

— Да мы же с пониманием. С тех пор как Максим Петрович пригласил немцев в Заводское, свободных рук стало больше. Вот мастеров и пригласили поработать.

— Вадим Борисович, вы не подумайте, мы, правда, с пониманием, половина мастерской записана на вас и деньги идут в банк, на ваш счет, — снова повернулся Микола, прерывая Алексея.

Алексей кивнул. Захарченко усмехнулся, разглаживая усы, и локтем ткнул в бок задумчивого Вадима.

— А как мастерскую называли? — все же уточнил Вадим.

— Так, Нева. Наша речушка слишком мелкая, а Неву в Петербурге все знают! — принялся объяснять Алексей, — Мы сначала и так и сяк крутились, а потом Василий Германович посоветовал назвать как-нибудь зычно. Ну назвали, дело и пошло. И как далеко пошло!

— Подожди, не рассказывай, лучше покажем, — Микола развернулся, чтобы шукнуть на Алексея, из-за чего чуть не наехал на женщину с ведрами.

— Ты за дорогой-то следи! — выругался Ермак и спрятал шею в высокий воротник шинели. Осень в Петербурге стояла противно холодная и ветреная, человеку с юга так вообще морозная.

Дорога от железнодорожной стоянки упиралась в бок главной площади поселка. Заводской сильно изменился за прошедший год, он все больше тянулся к Петербургу, постепенно перерастая в пригород. Над крышами кирпичных двухэтажек возвышались трубы заводов и дымили в серое небо. По аккуратным улицам прогуливались молодые парочки и детвора. Железнодорожная улица пересекала площадь и упиралась в отстраиваемый храм. Там рабочие готовили позолоченные купола. Они закончили работы с барабанами для пяти куполов, строение выходило масштабным.

— Подождите, мы же должны были строить храм, а это уже собор какой-то, — Вадим привстал в карете, чтобы разглядеть весь размах аппетитов духовенства.

— Простите Вадим Борисович, но об этом вам лучше поговорить с Максимос Петровичем, — Микола остановил карету рядом с усадьбой Вадима, которая в окружении кирпичных домов выглядела одиноко.

Большинство крестьянских и рабочих домов пропали с главной улицы, а их место заняли кирпичные здания с большими витринами на первом этаже. За ними шли гостиницы и общежития для рабочих, и уже на окраинах поселка строили простенькие избы из деревянного сруба. Вторая площадь, где проводили осеннюю ярмарку, лежала на главной улице, но ближе к Петербургу. Ее местные так и называли — Ярмарочная.

— Вот я и дома, — Вадим снял пиджак, проходя в зал, где прислуга накрыла стол со сладостями к чаю, — теперь, будем работать.

21 октября 1841 года.

Подчиненных и друзей Вадим принимал в кабинете в кабинете усадьбы в Заводском. Прошло больше полугода с того момента, как он уехал из столицы, оставив дела на управляющих. Несмотря на постоянную переписку и с Максимом, и с Василием и с остальными, требовалось войти в курс дел, прежде чем идти на прием к императору.

Вадим еще раз пробежался по ровным строчкам и отложил лист бумаги. Напротив за рабочим столом с чашкой чая в руках сидел задумчивый Максим и долго-долго смотрел в большое окно.

— Пять, — вдруг заговорил Максим, — пять кольцевых печей для производства кирпича должно хватить.

Вадим молчал не перебивая.

— Сейчас строим четвертую здесь, вторую в Москве, даже фины попросили у них поставить. Эх, а еще ресторан...

— А что с ним? — встрепнулся Вадим.

— Ты китайского повара посылал?

— Посылал.

— Рис где?

Они встретились взглядами.

— Какой рис?

— Ну, ты же китайского повара прислал?

— Прислал, — Вадим задумался о других мастерах, которых обменял у Ли Си Цина.

— А переводчика и рис — забыл, — Максим тяжело вздохнул, — мы его на кухню привели, а он нам только два слова и талдычит: шуни и неньсяо. Свинину попробовал, говядину нашу попробовал, курицу и продолжает талдычить шуни и неньсяо. Я уже хотел звать за доктором, пока в порту не встретил одного человека, который объяснил, что это значит. Но это не важно. Нужен рис.

— Он фо-хо, что ли, делать хочет? — Вадим почесал макушку.

— Вадим, я тебя ударю. Какую к черту, фо-хо? Лапшу и рис он хочет! Без них отказывается готовить! Только по кухне ходит как индюк надутый, — Максим аж покраснелся, за время в столице он так и остался кругленьким, но смог набрать организационного веса, некой солидности, — а выгонять жалко. Старенький же, седой, с длинной бородой.

— Ты хотел сказать — надутый как пекинская утка.

Максим подозрительно сощурился.

— Это блюдо такое, — последнее слово Вадиму пришлось выкрикивать из-под стола, уворачиваясь от пущенного в него пресс-папье, — ладно, великий питерский джигит, я знаю как тебе помочь.

Вадим осторожно выглянул из-за стола, проверяя, чтобы в него больше ничего не летело.

— Перемирие, — кивнул Максим, но со стола подозрительно пропала чернильница.

— Нужно предложить ему собу, — в руках Максима мелькнула та самая чернильница, поэтому Вадим поспешил объяснить, — Гречишная лапша. Очень популярно в Китае.

Делается из гречишной муки.

— Что за дикари, — скривился Максим.

— Зря ты так, очень продвинутый народ. Спокойно живут по сто лет.

— Я, может, сто лет и не проживу, но зато не буду есть собак!

— Это, — здесь Вадим не нашел что ответить. Очень редко, но китайцы и корейцы действительно ели мясо собак, — часть культуры. А что сейчас с рестораном?

— В зале в основном сидят люди из “охраны” — здесь Максим наградил Вадима долгим-долгим взглядом, — Посетители, а это наши же работники, да служащие ближайших зданий, покупают с собой. На манер обжорных рядов на рынке, повара накошеварят блинчиков или чего-то еще. Я тоже иногда балую себя, когда в “Вестнике” работаю. Обожаю масляные с творогом.

— Блинчики с творогом? — у Вадима появилась идея.

— Ну да, начинку добавляют за дополнительную копейку.

Мода на быстрО пошла из Франции и успешно оккупировала всю европу. Помимо обжорных рядов на рынках по праздникам ходили лоточники и коробейники, считай дети с едой на подносах. Городская ребятня обожала мятные пряники, но из-за редкости и дороговизны, за сладким угощением шла настоящая охота.

— Ладно, хватит о делах. Пошли погуляем, — Вадим встал, чтобы размяться.

— Ха, как ты хочешь легко отделаться, пошли погуляем, но о делах еще поговорим, — Максим встал кряхтя.

Шли в промышленную зону. Рабочие как муравьи раскинулись в кирпичных цехах по цепочке, доводя оружие, предметы быта и одежду.

— Полторы тысячи человек, двадцать крупных паровых машин! — Максим хвастался перед Вадимом.

— И ни одного училища.

— Будет и училище. Здание строим, я в Питерский университет заходил, обещали прислать пару человек. Всех инженеров либо новые Адмиралтейские верфи забирают, либо различные оружейные заводы.

Они зашли в новый цех с большой вывеской: "Нева". У входа дежурил сторож, он же дворник, грузчик и вообще как прикажут — седобородый крестьянин с дубинкой на поясе.

— Здравствуйте, вашблагородь, сейчас начальников позову, — он поднялся по лестнице в каморку, которая возвышалась над цехом с производством карет.

К Вадиму и Максиму спустился Микола. Улыбчивый, в аккуратном пиджаке он сбежал по лестнице.

— Идемте быстрее! Мы как раз готовим новый образец! — Микола поправил бабочку и повел высокое начальство во двор цеха, где стояли собранные кареты. Среди обычных экипажей выделялось что-то необычное. Мир давно знал о “самобеглых колясках”, даже в Российской империи успел отметить Кулибин с "Самокаткой Кулибина". Экспериментальная машина работавшая от вращения педалями. В Неве же поставили малый паровой двигатель из продукции Заводского. Ничего сверхъестественного, кроме легкой, но прочной ходовой и компактного в размерах самого котла, который поставили горизонтально.

— Это наше изобретение с Алексеем и Дмитрием Павловичем. Волович, который, — Пояснил Микола и обошел вокруг аппарата, — Приходит к нам как-то ваш сторож Вестника и видит как тяжелые тележки с углем в печи чугунные поднимаются, ну и говорит: такую бы

машину нашим строителям, вмиг бы рестораны закончили. Ну мы с Алексеем пообщались, подумали и решили попробовать. Построили пару “Мулов”, название такое. Отдали строителям, они хоб, хоб и кирпичи на храм затащили, потом еще и еще. Там вообще несложно оказалось, главное на муле верёвку для груза хорошо закрепить.

Вадим переглянулся с Максимумом и решил лучше изучить этого мула.

— Подожди, а как вы доставляете мула на стройку? — уточнил Вадим.

— Ну, как обычно, конями, — не понял Микола, потом у нас вон, — он показал на маховик, — привязываем к нему веревку, и машина поднимает грузы.

— А что вы маховик сразу с осью не соединили, тогда бы устройство без коней ехало.

Микола завис. На простом лице отображалась работа мысли. Он силился представить, как именно и с чем нужно соединить, а потом выдал:

— А как поворачивать?

— Никак пока, ты слышал про омнибусы?

— Это те, в которых сорокомученники парятся? Каждый день вижу на улицах, — хохотнул Микола, вспомнив огромные многоместные повозки на конной тяге, которые ходили по столице с начала тридцатых годов.

— Они самые, а теперь думай дальше: уже есть железная дорога от Москвы до Петербурга, а что мешает проложить железную дорогу по улицам города? — предложил подумать Вадим, — того и гляди когда я в следующий раз уеду, вы башенные краны начнете строить.

Ни Максим, ни Микола Вадима не поняли, но переспрашивать не стали, погрузившись в мысли об омнибусах на паровых машинах.

— Нет, не выйдет, — заявил Максим, — Николай Павлович скорее тебя снова на Кавказ отправит, чем разрешит уродовать наши мостовые.

— Всего год в столице, а уже “наши мостовые”, — передразнил его Вадим, — ладно, поехали.

Над Заводским висело одинокое, холодное облако. Оно прошло тысячи километров в поисках мести. Мести, за уничтоженный дом, разорённый дом, куда пришли “белые люди” в красных мундирах. Захватчики разорили ее людей, захватили страну. Она долго наблюдала, искала помощь по миру, пока не нашла почти бескрайнюю страну на севере. Здесь люди в зеленых мундирах гоняли по горам дикарей, так же, как люди в красных охотились за ее соплеменниками. Даже иронично, что эта Россия поможет ей отомстить.

В один день на пыльной дороге появились любопытные люди. Дальнейшие наблюдения только утвердили ее наблюдения. Смешной Захарченко и подобный ей Беркутов.

В зале Эльбруса стоял тяжелый воздух, пропитанный дымом табака и веселой болтовней побитых головорезов. Суровые люди сидели группами и запивали алкоголем боль от свежих ран.

За барной стойкой устроился понурый мужчина со свежим шрамом через щеку до брови. Под красными глазами у головореза наслаивалась потемневшая кожа.

— Ты знаешь, — головорез повернулся к погребщику, — я уже по горло сыт кровью.

Погребщик остановился, протирая деревянную кружку, и громко хмыкнул, бросив ироничный взгляд на сбитые костяшки головореза.

— Что? Думаешь, я какой-то мясник? Упырь, что упивается кровью? Э, не-е-ет, я

люблю жизнь, — головорез покачал головой.

— Ты любишь деньги и Легкую жизнь, — заметил погребщик.

— Туфта! — головорез полез во внутренний карман пиджака с фиолетовой подкладкой за табаком и трубкой, только внутри фиолетовый смешался с застывшим коричневым пятном, — черт, кровью заляпал.

— Если бы я был не прав, то ты содрал бы со стены объявление о найме рабочих на фабрику, а не уходил в походы на московских, — погребщик указал на кусок кирпичной стены, которая осталась еще от старого ресторана, ее не стали сносить при ремонте, там висели листовки с работой для мастеров, грузчиков, конюхов, в общем, для любого.

Разговоры затихли в ресторане, и головорез громко откашлялся в кулак, прежде чем обратился к погребщику хриплым голосом:

— Да в аду я это все видел! Душно мне с вами! Напиться нельзя, женщин лапать нельзя... В общем, Воли нет! — головорез втянул носом воздух и сплюнул на пол.

И только после этого заметил тишину. Бойцы в зале тихо сидели, смотря на фигуры в дверях ресторана. Первым стоял высокий мужчина с редящими черными волосами с кожей бледной и как натертой воском, глаза затянуты пеленой как у мертвеца, но прикрыты пенсне с черным стеклом. На плечи, поверх костюма тройки он накинул черную шубу. Вадим Борисович Беркутов, так же известный как Призрак. За его спиной стоял стройный и загорелый Захарченко с прилизанной копной волос и широкими усами. За расстегнутым пиджаком над пряжкой ремня у него висела кобура с револьвером.

— Ну, вы здесь сами разберётесь, — сказал грузный Максим Петрович, поправил воротник и развернулся от входа.

Призрак медленно, под напряженными взглядами бойцов прошел к барной стойке, и спросил, как бы не обращаясь к кому-то конкретно:

— Я же оставлял тебе закалённых бойцов?

— Тебя долго не было, а у нас война, — из тени прохода, ведущего в подвал, вышел Кондрат.

— Вас, — поправил его Захарченко.

— Вас, долго не было.

— Этот уже получил зарплату? — Вадим Борисович остановился прямо рядом с головорезом, который забыл, как дышать.

— Еще нет, — Кондрат потер шею.

Призрак протянул открытую руку. Кондрат достал из кармана перевязанную пачку ассигнаций и отсчитал пять купюр.

— Здесь за три недели, — посчитал Кондрат, передавая деньги.

— Бери и катись, — Вадим протянул купюры, но как только головорез потянулся за деньгами, Призрак бросил ассигнации на пол, — Только сначала подними.

Погребщик тихо отошел подальше от звереющего бандита, который шмыгнул носом и нагнулся поднять деньги.

Вадим пнул барный стул, и головорез щекой уткнулся в ассигнации, упав на пол. Встать ему не позволила тяжелая нога, которая каблуком сапога прижимала его к полу.

— Я плачу честные деньги за честную работу Людям, готовым следовать правилам. Если вам надоело, то забирайте деньги и катитесь стирать вещи в бедном районе, мне здесь неблагодарные свиньи не нужны! — Вадим Борисович внимательно осмотрел каждого в зале. Тишину нарушил скрип, протираемого головорезом пола. Щека у него разорвалась в

кровь об торчащую щепку, — Я не собираюсь терпеть животных, которые срут там же, где и едят!

Вадим надавил ногой и в ресторане раздался хруст сломанного позвоночника.

— И уж точно, я не собираюсь терпеть неуважение! — с этими словами он пошел на кухню.

— Уберитесь здесь, — добавил Захарченко, переступая через тело головореза.

— У тебя проблемы с моим поваром? — Уточнил Вадим, пропуская Кондрата.

— Пошлите, покажу.

На кухне кипела работа в ритме, который отбивал стук ножа о деревянную доску. Это работал новый повар из империи Цин. В ресторане китайца с белой бородой все звали Старый Чан, действительно ли повар был старым или его звали Чаном — никто не знал, а он недостаточно владел русским, чтобы поспорить.

— Старый Чан! Начальник пришел, — Кондрат отвлек шеф-повара от нарезки редиски.

Китаец медленно развернулся с острым ножом в дрожащих от раздражения руках. Старый Чан носом доходил до нагрудного креста Кондрата.

— По-русски ни черта не понимает, поэтому мы его иногда называем полупрофессионалом, — заржал Кондрат.

— А я-то начал гадать, чем так запахло на моей кухне, — оказывается, Старый Чан знал русский, пусть и говорил проглатывая гласные, — от тебя так воняет, что мне написала мать из Кореи и спросила “а чем это так воняет?”

— Я удивлен, что тебе не нравится запах мужчины, — Кондрат перестал смеяться, — большинство женщин, вроде тебя, его любят!

— Я ставлю десять рублей на китайца, — прошептал Захарченко Вадиму на ухо.

Кондрат почувствовал вдохновение и продолжил:

— Твой русский ужасен!

— Мой русский не ужаснее твоего крестьянского!

— Что? Я не понял ни слова!

— Что? Я не понял ни слова! — передразнил Кондрата Старый Чан.

Кондрат надул ноздри и повернулся к Вадиму и Захарченко:

— Простите люди нормального роста, но я пошел на перерыв, пока он не извинится!

Кондрат вышел с кухни, хлопнув на прощание дверью. Вадим перевел взгляд на китайца, или все же корейца.

— Мы будем менять ресторан, но сначала я заменю рецептуру на собу, — Вадим заговорил на корейском, проверяя догадку.

— Как скажете, господин, — ответил Старый Чан и поклонился.

Прежде чем уйти, Захарченко бросил напоследок:

— Пожалуйста не переживайте за слова Кондрата, я слышал, что женщинам не так важен размер.

Старый Чан так и остался смотреть на дверь из кухни с открытым ртом.

Тяжелая дверь в подвал осталась открытой, и Вадим спокойно спустился по плохо освещенной лестнице в укрепленный кабинет, где хранилась теневая бухгалтерия и часть выручки. Кондрат сидел за широким деревянным столом и делал вид, что разбирает бумаги, но стоило только Вадиму переступить порог, как он вскочил с места.

— Этот получеловек не уважает меня! Максима! Вообще никого! Он все лето доставал нас с продуктами, тихо хихикая на своей кухне. Зачем ты его притащил? — Кондрат ходил

вокруг стола.

— Мне пожалеть тебя? Обнять? — Вадим добавил в голос притворной заботы.

— Прости, те, — Кондрат успокоился и сел за стол, пригласив Вадим и Захарченко жестом, — все на взводе. Все началось два месяца назад и свелось к столкновению в Новгороде.

Два месяца назад, пригород Новгорода.

У одинокой усадьбы остановилось три кареты. Солнце зашло, и вооруженные люди стали разгружаться, заноса ящики с боеприпасом в здание. Ровное поле раскинулось на два километра вокруг усадьбы, дальше шел редкий лес и деревни.

Кондрат обходил устроившихся на ночь бойцов, когда дозорный спустился с чердака и зашептал:

— Идут.

Новгород не просто так стал точкой первого крупного столкновения. До этого здесь проходил товар в сторону Москвы, но несколько недель назад начались проблемы. Сначала околоточные засуетились, потом груз стали останавливать и даже штрафовать. Кондрат не стал выжидать ухудшения ситуации, а сразу отправился в город, чтобы поговорить с чиновниками и выяснить, кто решил вмешаться. До чиновника не доехал и, он умер от апокалиптического удара подсвечником. Но Кондрат не растерялся и решил выманить врага на живца, пустив слух, что нашел доказательства в спальне чиновника.

И вот как итог, к одинокой усадьбе в стороне от города, полукругом шли люди. Тридцать пять человек с мушкетами, дульно-зарядными пистолетами и войсковыми палашами.

— Дезертиры что ли? — задумался Кондрат, выслушав доклад дозорного. Бойцы в доме уже проснулись и расходились разбирать карабины. Хорошее оружие в банде любили, уважали и заботились как о родственниках.

— Бери еще троих и обходите по широкой дуге через лес, а мы здесь повеселимся, — приказал Кондрат дозорному, и полез на чердак, чтобы лучше следить за боем. Маленькие окошки выходили на каждую сторону света, ближе к стене стояла крепкая труба печки, за которой можно было бы спрятаться.

Враг шел смело, в полный рост, сминая высокую траву. Они вытянулись цепью, медленно окружая поместье.

— Смело, — Кондрат открыл окошко и прильнул к карабину. Врагов они решили пустить поближе.

Первые силуэты вышли к редкому забору и остановились, разглядывая темные окна. Кондрат улыбнулся и поймал на мушку здоровяка с причудливым короткоствольным мушкетом в руках. Первый же выстрел заполнил дымом чердак. Кондрат откашлялся, перешел к другому окну, под свист вражеских пуль. Разбилось и зазвенело стекло с первого этажа, бойцы в здании открыли огонь. Крики с улицы разлились подобно огню под окнами. Кондрат быстро выглянул, в него даже никто не стрельнул.

Крики затихли, и бойцы в усадьбе стали прислушиваться к болезненным стонам на улице.

— Проще, чем я думал, — хмыкнул Кондрат и пошел к лестнице, но не успел он спуститься, как в лесу загремела стрельба. Через маленькое окно чердака ничего кроме вспышек он разглядеть не смог. Темные силуэты деревьев медленно покачивались на ветру,

пока из-за них доносились истошные вопли.

Кондрат перекрестился. Наступила тишина, и она пробирала до мурашек. Даже раненые под окнами затихли прислушиваясь.

Как по щелчку пальцев, в усадьбу ударила волна свинца. Лес засветился от выстрелов. Кондрату пришлось прятаться за трубой печки, пока над головой свистели пули. Стены не спасали от плотного огня, доски осыпалась крупными кусками. Кондрат вздрагивал каждый раз, как свинец царапал кирпич трубы, выбивая тяжелую пыль.

В какой-то момент все затихло. Снова. Кондрат стряхнул пыль с головы и плеч. В окна он заглядывать даже не стал, осторожно спустился на первый этаж с револьвером в руках, оставив карабин наверху. Внизу царил бардак. Разбитая посуда, мебель, перья от диванов, все смешалось на полу. В центре комнаты на боку лежал комод, за которым прятались его бойцы.

На улице захрустела галька. В окне появилось любопытное лицо. Кондрат выстрелил прямо с лестницы, и не рассматривая результат, упал на пол. Враг перешел на залпы, плотно расстреливая то, что осталось от усадьбы. Над Кондратом подпрыгнул глиняный горшок с засохшим цветком и гулко разлетелся от второго попадания прямо в воздухе.

Старенькая усадьба заскрипела и покосилась. Бойцы, которые выглядывали, чтобы отстреливаться, сейчас пригнулись, озираясь на потолок.

— А что потом? — не стерпел куривший Захарченко.

— А потом на нас упала крыша, — развел руками Кондрат и налил себе еще коньяку, — за тот вечер мы потеряли семерых. Четверых у леса и троих в доме. Там, за деревьями... Я такого не видел раньше, но по рассказам напомнило хижину, которую нашли Микола с Алексеем на окраине Петербурга.

— Это там, где людей словно ели? — неуверенно спросил Захарченко, и получил утвердительный кивок от Кондрата.

Заходить в Вестникъ Вадим не стал. Его ждали в СЕИВКе, в простонародии третье отделение. А туда было не принято опаздывать, особенно если звал сам государь.

Именно с этими словами Вадим попрощался с Кондратом и поехал навстречу. Правда, до канцелярии пришлось высадить Захарченко у дома, а то бывалый вояка наотрез отказывался навещать супругу.

— Вадим, ты пойми, вдруг этот, как его, супружеский долг придется исполнять, — замялся Захарченко.

— А как его исполнять, если она страшная? — поддел его Вадим, и как ребенок остался сидеть с широко открытым ртом, ожидая реакции на шутку.

— Ты же меня понял! — смутился Захарченко и даже впал в краску.

— Я, может, и понял, но и ты пойми, — Вадим перешел на строгий тон, — шепотки за спиной, при общем нашем багаже, — он обвел потолок кареты пальцем, — не то внимание, которое стоит привлекать. Так что, будь добор, делай что должен. Хоть мешок ей на голову натяни, может понравится даже. А потом хоть на могилку своего друга иди и цветочки там нюхай.

Михаил вспыхнул, но под тяжелым взглядом ограничился поигрыванием желваков на бритых скулах.

— Твоя остановка, выходи, а то соплей мне здесь напустил, — Вадим открыл дверь кареты, под прожигающим взглядом Михаила, даже не моргнув.

По нормам времени Вадим бы давно уже словил в лицо кулаком или перчаткой. Не так важно чем именно, ведь Михаил знал, что ни то ни другое не испугает Призрака, а главное, не изменит истины. Захарченко тяжело вздохнул, приводя мысли в порядок, прежде чем подняться в свою квартиру. Вадим знал, что у этого человека достаточно выдержки и смекалки, чтобы, наконец, вылечить раны, по которым так легко плясать.

С вылеченными ранами Михаил приближался к высоким стандартам Вадима на роль полноправного товарища, а не солдата на побегушках.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии сосредоточило в себе политический центр страны и заменяло несколько министерств. С сорок второго года к корпусу управления жандармерией прибавилась экспедиция, отвечающая за цензуру. Вадим зашел через парадный вход, показал консьержу приглашение и поднялся на третий этаж. По коридору сновали адъютанты высокоплодородных чиновников, пока в приемных кабинетах ожидали очереди чиновники всевозможных рангов. Вадим миновал три караула, прежде чем осторожно постучался в огромную дверь из красного дерева и заглянул внутрь.

— Извините, а кто последний? — улыбнулся он пятерке генералов, которые сидели рядом с кабинетом его Величества.

— А вы кто? — поинтересовался секретарь, наверное, его Величества. Низенький такой человек, почти сросшийся с рабочим столом. Только для кабинетной должности у него отросло непомерное эго, как естественный механизм защиты от всяких высоких гостей.

— Ну, я собственно, это, — Вадим прошел к секретарю и показал приглашение.

— Штабс-капитан, вы чего мямлите? И где ваш мундир? Его императорское Величество

не любит, когда... — похоже, секретарь нашел, на ком можно было отыграться за годы пренебрежения и завел пластинку.

— А я не при исполнении, комиссован после кровавых боев на Кавказе, — ответил Вадим, и прошелся взглядом по столу, пока не наткнулся на мраморного белого мишку. Вадим схватил статуэтку и откусил мишке голову, пережевывая под ошарашенным взглядом секретаря. Генералы и караул не увидели, что именно произошло, поэтому только удивленно прислушались.

— Но, но он же казенный, — секретарь шмыгнул носом. То ли он очень любил мишку, то ли секретарю светил нагоняй от начальства.

— Что за шум? — в прихожую заглянул статный мужчина, в черном мундире генерала от кавалерии. Человек обладал тяжелым взглядом и громким голосом, который тут же поднял ожидающих военных и заставил вытянуться караул. Вадим проникся моментом и вытянулся по стойке смирно.

— Александр Иванович, штабс-капитан Беркутов, явился по приказу его Величества, — Вадим отдал честь.

За его спиной скрипнул стулом секретарь государя вставая.

Вадим стойко выдержал тяжелый взгляд военного министра князя Чернышёва.

— Идемте со мной, — Чернышёв прошел в дверь напротив кабинета Николая Первого, а Вадим поспешил за ним в большой зал с длинным столом. На стенах висели портреты императоров и видных военных деятелей. В убранстве сказывалась фанатичность Николая к всему военному.

Министр показал Вадиму на кресло и сел рядом, почти в панибратской обстановке.

— Ваше высокопревосходительство? — Вадим вопросительно поднял бровь.

— Я пришел по просьбе его императорского величества, по вопросам требующих личной договоренности, — Чернышёв продолжал изучать штабс-капитана, — прежде всего, вы должны принести кое-какие документы.

— Все так, — Вадим достал из внутреннего кармана стопку перевязанных писем, скрепленных сургучом. Официальные донесения штаб Кавказа отправил через военных посыльных. Часть же с личными впечатлениями офицеров отправили с Вадимом.

Чернышёв проверил печати, прежде чем вскрыл письма и погрузился в чтение. Лицо военного министра не выражало эмоций, пока он не отложил последнее письмо.

— Что вы скажете?

— По какому из поводов, ваше высокопревосходительство?

— По поводу человека, который выпустил молнии из рук, — вот здесь Чернышёв скривился так, как если бы съел целиком лимон.

— А-а-а, про турка, — кивнул Вадим.

— Почему вы уверены, что турка?

— Он говорил на турецком, не понимал ни на русском, ни на черкесском, — объяснил Вадим, — я полиглот, быстро учу языки.

— И как же вы с такими способностями попали в обычную кавалерию, а не к дипломатам? — Чернышёв наклонился ближе, стараясь нависнуть над Вадимом.

— По юношеской глупости хотел доказать отцу, что способен жить самостоятельно.

— Четыре года назад, была еще юношеская глупость? Вам сейчас сколько? Двадцать два?

— Двадцать три, — заметил Вадим и изобразил смущение, прежде чем продолжил, —

чувство холодной стали у сердца, — сказочно меняют людей.

— Ну да, и пробуждают коммерческую жилку, — снисходительно улыбнулся Чернышёв.

Потомственный дворянин и военный недолюбливал коммерсантов, считая дело торгашей недостойным.

— А что поделаться? Вот когда из-за сломанного кремневого замка, чуть не отрубают голову, то приходится браться за дело самому! — разгорячился Вадим, — и без поддержки любимого Отечества, я смог запустить производство оружия! Дворянский банк отказал мне в кредите, ну ничего, я заработал сам! Меня оклеветали и сослали на Кавказ, так я вернулся с победой!

Вадим говорил громко, плюясь слюной, придавая наглядности своему возмущению и праведности гнева.

— Штабс-капитан, — Чернышёв ударил рукой по столу, — знаю я твои печали.

Он встал из-за стола и заглянул в дверь, громко прокричав:

— Иванов! Найди и приведи моего адъютанта, он в коридоре. И что-нибудь к чаю нам придумай.

Дальше беседа пошла по другому руслу, приняв доверительную атмосферу. По крайней мере, такую пытался показать военный министр, по совместительству глава разведки Российской империи.

Адъютант министра принес поднос с горячим чайником и оставил кожаную папочку.

— Мы оценили ваши карабины и винтовки, Вадим Борисович, и остались довольны качеством оружия, но не его ценой, — Чернышёв похлопал по папке с документами, — большие головы все подсчитали, и мы не потянем. Казна у государства не бездонная.

Вадим понимающе кивнул, сдувая пар с чая, прежде чем спросил:

— Я слышал, что в этом году проходил конкурс на новое линейное ружье...

Александр Иванович хохотнул.

— После вашего образца конкурс отменили, за ненужностью. Сразу отправили вашу винтовку на испытания.

— Не мою, а мастера Уманского. Я только произвожу, продаю и слежу, чтобы никто не нарушил патент. А то маленького оружейного мастера может обидеть каждый, а вот Вестника... — Вадим многозначительно поднял палец.

— В общем, несмотря на все замечания, — Чернышёв указал на письма от офицеров с Кавказа, — мы бы хотели перекупить патент.

— Только на винтовку?

— Да, карабины и револьверы, пока приняли только на флоте, с ними мы согласны по цене, хотя и будем рады скидке.

— Это обсуждаемо, например, с выделением рабочих к моим заводам и помощи при постройке училищ мы сможем понизить цену.

— Здесь должен решать его императорское Величество, — взял паузу Чернышёв.

— Конечно. И допустим, мы продадим вам патент на винтовки, как вы будете делать для них стволы и патроны? Сколько сейчас нарезных стволов выпускают в Сестрорецке? Сто? Двести?

Военный министр не ответил, ожидая предложения от Вадима.

— В силах моей компании поставить не только станки, но и паровые машины, для оружейных заводов империи. Тысячи нарезных стволов, сотни тысяч. Можно даже расточить имеющиеся. С новой пулей пойдет.

— Это только нарезные стволы, остались патроны, — заметил Александр Иванович.

— Верно, но здесь либо полностью делать гильзу из цинка, — Вади заметил, как министр сжал кулаки, — либо доньшко с капсюлем из цинка, а гильзу папковую, как мы сейчас делаем. Заводы под гремучую ртуть так и так придется строить. Вы же рассматривали другие ружья уже с капсюлями для армии.

— Вы хорошо осведомлены, для человека, который последние полгода был на Кавказе, — заметил Чернышёв.

— Дела компании обязывают.

— Хорошо, я уговорю его императорское величество, — Чернышёв налил себе коньяку, — чтобы вы хотели для себя?

— Помимо денег? — Вадим мокнул пряник в чай, — право на продажу оружия и строительство оружейных заводов. И еще, пока я был далеко, мои мастера придумали новый револьвер. Думаю, что он будет интересен нашим дипломатам и, может, еще полицейским.

— Вы принесли с собой оружие? На встречу с его императорским величеством?

— Что вы, ваше высокопревосходительство, только рисунок, — Вадим достал из нагрудного кармана чертеж короткоствольного револьвера, который помещался в кармане сюртука.

Чернышёв рассмотрел новый револьвер и заметил:

— Интересно, большего пока сказать не могу. И по поводу разрешения, насколько я знаю, вы и так можете продавать оружие.

— Ваше высокопревосходительство, с документом от министерства за вашей подписью, мне откроется больше возможностей в продвижении отечественной оружейной школы. Вы же назовете новую винтовку Уманской?

— Верно, винтовка уманского сорок второго года, хотя может и сорок третьего, если до конца года не успеем принять на вооружение.

— Отлично, — Вадим постучал пальцами по столу, и многозначительно посмотрел на дверь.

— Подождите, — остановил его Чернышев, — как вы убили того турка?

— Слонобойное ружье. Первый раз мы с этим, хм, человеком встретились, при погоне за Шамилем турок разбил отряд преследования. Если бы не пара надежных револьверов и товарищи, то я бы сгинул, — Вадим приложил руку к груди, — от него отскакивали пули, а кожа в месте попадания покрывалась корочкой. Когда у меня закончились патроны, я прыгнул в реку, чуть не разбившись.

— Это слобойное ружье, у вас с собой? — Чернышёв спросил просто, как будто из любопытства.

— Сломалось, мне его изготовил известный грузинский мастер перед смертью, теперь даже не знаю, как починить. Может быть, мастер Уманский сможет. А что, армия заинтересована в слобойных ружьях? Не думаю, что у османов много таких специалистов.

— Ну, это уже заботы штаба, Вадим Борисович, вам как гражданскому лицу, нечего бояться, — оба обменялись взглядами, говорящими: “ах, ты ж сука мстительная”, “сам сука торгашня”.

За Вадимом закрылась дверь в коридор. Военный министр пошел на разговор с его императорским величеством.

— Ну ничего, солдафон, еще посмотрим кто кого.

Вадим спустился на второй этаж. На улице стоял поздний вечер, через окна шел желтый

свет фонарей. Около кабинета начальника жандармерии не осталось посетителей, поэтому Вадим обратился к секретарю Месечкина Алексея Игнатьевича:

— Беркутов к Алексею Игнатьевичу.

Секретарь лениво оценил юношу перед собой, прежде чем осведомиться:

— Вам назначено?

— Больше того, Алексей Игнатьевич поругает вас, за то, что заставляете его и меня ждать.

Может угроза и не надавила на секретаря в должной мере, но из-за стола поднялся и заглянул к начальнику, прежде чем буркнуть, — проходите.

Кабинет Местечкина изменился не сильно, он не стал переезжать в кабинет бывшего начальника, только обновили все платяные на новые картотеки с замками на дверцах.

— Вот он, источник моей головной боли и вечного недосыпа, — Месечкин отложил газету и встал из-за рабочего места.

— Полковник? Еще не генерал? — удивился Вадим, здороваясь с начальником жандармерии.

— Государь ПОКА не миловал, — пожал плечами Месечкин и отпер дверцу шкафа, там у него стояла бутылка водки и закрытая банка огурцов.

Вадим взглянул на газету, которую читал Месечкин. На первой полосе красовалось рекламное объявление: “В Петербурге открыли средство, которое поможет избавиться от бродячих собак!”

— И куда смотрит цензура?

— А, ты про рекламу, так это губернатор лично просил у государя. Он подумал, что нашел золотую жилу для столицы. Чай, кофе не предлагаю, но угостить — угощу.

— Думаешь, что от водки, я быстрее помру? — улыбнулся Вадим, — Зря!

— Попытка не пытка, — они чокнулись.

— Я заметил, что в третьем отделении стало как-то много народу, даже целые военные министры захаживают, — Вадим закусил хрустящим огурчиком.

— Ну вот не надо, ну вот не делайте вид, Вадим Борисович, что вы ни при чём. Только вчера государь проводил собрание по поводу борьбы в стране с организованной преступностью! И на меня так посмотрел, — Месечкин потер уставшие глаза и уставился в стенку, — а я ему, вот в столице преступлений меньше стало, теперь на очереди Москва, вот и шумно.

— Порекомендуйте государю в газетах писать о пойманных преступниках и отличившихся полицейских.

— Вадим Борисович, вы не понимаете, у нас в стране преступности нет, ну или так должен думать народ. Вообще, если бы ваши люди работали аккуратнее, то мне не пришлось бы убирать кучу тел из-под Новгорода, — Месечкин развернулся к Вадиму и с вызовом надул щёки.

— Я смотрю, Алексей Игнатьевич, у вас новый секретарь, — Вадим замолчал, пережевывая огурец.

— Старый задохнулся от работы, — сквозь зубы проговорил Алексей Игнатьевич и поставил на стол табакерку. Только на месте табака там лежала пара белых таблеток.

— Подайте нищим, — Месечкин потряс табакеркой.

Вадим ухмыльнулся и протянул коробку с противоядием.

— Я же говорил, что хватит с запасом. Только водкой не запивайте.

— А я их под язык, как карамельки, — оскалился Месечкин.

— Можно и так. Я к вам Алексей Игнатьевич с делом пришел, — Вадим достал из кармана сюртука короткоствольный револьвер.

— Что это?

— Револьвер.

— Понятное дело что не трубка для курения, — Месечкин взял оружие, чтобы рассмотреть, и взвел курок, — не боитесь?

Полковник навел револьвер на Вадима. Вадим же хмыкнул и пододвинулся ближе, схватив ствол, и приставил к своему лбу.

— Рискнете? Останетесь разгребать бардак с московскими в одиночку. Да и через полгода увидимся с вами на том свете, — Вадим улыбался, а по щеке полковника катилась капля пота.

— Ха, ах-ах, — Месечкин засмеялся, сначала робко, потом громче и громче, Вадим тоже захохотал, — он не заряжен же, да?

С этими словами Месечкин навел револьвер на потолок. Вадим только успел зажать рукой дуло, прежде чем прозвучал сдавленный выстрел. Мужчины встретились взглядами. Моментально пришло осознание всей глубины глубин ситуации. Секретарь открыл дверь в кабинет, застав ошарашенных.

Первым сообразил Вадим:

— Нет, ну Алексей Игнатьевич, с таким креслом вы убьетесь! Ничего себе не отбили? Аккуратнее надо, аккуратнее, — Вадим похлопал полковника, изображая заботу, — отдохнуть вам нужно. Чуть копчик не сломали. Ладно, я пойду, а вы отдохните. И больше не падайте.

Вадим пожал полковнику руку и прошел в коридор, мимо обалдевшего секретаря.

— И что это было, Алексей Игнатьевич?

— Со стула упал, чего-чего, — заворчал полковник и жестом приказал закрыть дверь.

Когда же Алексей Игнатьевич остался один, то сел на кресло и положил на стол раздавленную пулю, которую передал Вадим при прощальном рукопожатии.

— Мда, — проговорил полковник, пальцем раскручивая свинцовый блинчик, — полная, хм, жопа.

Револьвер Месечкин спрятал в нагрудный карман мундира.

У выхода из третьего отделения ждал Егерь, сидя на карете. Рядом с ним лежала стопка газет.

— Что интересного пишут? — спросил Вадим, спускаясь по ступенькам мраморного крыльца.

— Ваш благородие, я только учусь.

— Учиться, это дело хорошее, — сказал Вадим и полез в карету.

— Куда едем?

— Уже поздно, поехали домой.

— В Заводское?

— Нет, в городе. Я покажу.

В снятой Вадимом Петербургской квартире оставались слуги, он продолжил платить за аренду, даже уехав из города. Его прибытию если и удивились, то не сильно. Личные вещи остались на своих местах в спальне и кабинете. Вадим проверил тайники, прежде чем пошел

в комнату Ефима. Старый солдат не возил с собой много вещей, собрав скромные пожитки с собой на Кавказ. Но даже так, в комнате чувствовались остатки присутствия верного денщика. Вадим замер в дверях, осматривая скромную кровать и сундук Ефима. Он не пользовался шкафами или тумбочками, предпочитая скромный крестьянский быт.

— Ладно, — скрипнул зубами Вадим и пошел работать в кабинет, устроив Егеря в гостевой. Следующий день уже был плотно расписан по каждой минуте.

В скромной квартире на пару комнат бегал откормленный кот. Он несколько раз поскреб в закрытую дверь спальни, громко мяукнул и улегся на полу. В спальне, на широкой кровати тихо спала девушка в ночнушке, укрытая теплым одеялом. Рядом лежал Михаил Захарченко и смотрел в потолок. От созерцания маленькой трещины, к которой крался домовый паук, его отвлек забарабанивший по узкому окну дождь.

Захарченко накинул рубашку, пальто, застегнул ремень с револьверами и вышел подышать воздухом, разбудив кота.

Дверь подъезда выходила в уютный дворик без излишеств. Скромненькие полуболкончики с чугунными перилами нависали над большой лужей в центре, которая собралась из-за забитого мусором стока.

— Миша, — из проулка в сторону проспекта донесся тихий женский голос.

Захарченко медленно-медленно повернул голову в сторону темного проулка и выдохнул облачко пара.

— Миша, — голос звал тихо, но настойчиво.

От подувшего ветра заскрипел единственный во дворе фонарь, который висел над спуском в лавку. Нехорошо так заскрипел. Противненько. По разумению Захарченко, который положил руку на револьвер, за такой несмазанный фонарь люди должны получать... похвалу, чтобы потом ходили по улицам и светили прохожим фонарями под глазами.

— Кто там? — Захарченко шмыгнул носом и перешагнул лужу. Он тихо взвел револьвер и расстегнул вторую кобуру.

— Я это, Миша, я, — голос из чисто женского перешел в завышенный мужской.

Из тени проулка сначала показалось пузо, а потом и толстая рожа. Дождевая капля упала Захарченко на лоб и неудачно скатилась по неморгающему глазу, в котором отразился мерзкий силуэт Седого. Пузатый бандит с бледной, как у утопленника кожей миролюбиво улыбался, пока дождь барабанил по его второму подбородку, капая на растянутый сюртук.

— Не узнал?

— Ты же умер, — прошептал Захарченко в ответ, — я сам тебя убил...

— Ну-у-у-у, как видишь, — развел руками Седой.

— Это можно исправить, — Михаил вскинул револьвер.

Выстрелы загрели, прежде чем Седой успел сказать хоть слово. Бандит покачнулся и неуверенно отошел на пару шагов, снова погрузившись во тьму проулка. Револьвер в руке Захарченко щелкнул бойком по пустой гильзе. Белый дым сдувало в сторону подъезда. Прогрелось шесть выстрелов, а бандит так и не упал.

— Зря, могли бы поговорить спокойно, — на уровне глаз Седого во тьме загорелась пара голубых огоньков.

Захарченко отступил и пригнулся. Над его головой, как кнут, мелькнуло полупрозрачное щупальце, звонко щелкнув в воздухе. Михаил прыгнул к стене и перекатился через лужу, когда второй удар щупальцем выбил искры из брусчатки за ним.

— Шустрый!

Михаил не ответил, выхватил из кобуры второй револьвер и выстрелил не вставая. Захарченко разрядил все шесть выстрелов прямо между огоньками во тьме. И ничего. Ни

звука рикошета, ни сдавленных криков от врага. Из тьмы ударило щупальце, которое схватило Михаила за плечо и потащило к проулку. Седой не стал выходить на свет полностью, только показал нос и дыхнул Захарченко в лицо недельным перегаром и затхлой гнилью.

— Мне нужно поговорить с твоим начальником, — прошептал Седой и принялся к Михаилу, как повар нюхает обед перед подачей на стол.

— Гори в аду, — Захарченко дернул рукой, доставая короткоствольный револьвер из внутреннего кармана пальто. Короткий ствол уперся в мягкое пузо и выплюнул тяжелую пулю, которая продырявила пуговицу, оставила обгоревшую дырку в сюртуке и рубашке, и завязла как комар в смоле. Вторая, третья и все оставшиеся пули прошли в полупрозрачное пузо Седого, оставляя тонкие дорожки из пузырьков, прежде чем остановиться.

— Говорю же, зря! — Седой тряхнул рукой-щупальцем и с размаху ударил Михаилом об стенку. В ключицу Захарченко слабо хрустнуло. Он соскользнул по стене дома.

— Передай послание, что я просто хочу поговорить, — Седой поклонился и пошел в сторону проспекта. Прежде чем скрыться из виду, он тряхнул ногой, как смахивают воду с обуви, и на землю посыпались свинцовые пули Уманского. До Михаила донеслись крики и свистки растревоженных выстрелами околоточников. Захарченко болезненно застонал, цепляясь здоровой рукой за стенку, чтобы подняться, но укол боли отдался по всему телу с такой силой, что ему пришлось лечь обратно на землю.

Любопытные соседи выглядывали в окна, но выходить во двор не спешили. Михаил лежал и смотрел на тяжелые тучи. По воде захлюпали тяжелые сапоги.

— Эй, здесь кто-то лежит! — над Захарченко склонился усатый городской с масляным фонарем, — живой! Сюда, быстрее!

День начался с приглашения в литературный клуб. В доме Мальцевых Вадим планировал перехватить сразу нескольких знакомых. А пока он ехал в карете и перебирал письма.

Сильнее всего удивил Питерский университет, мягко отказавший Вадиму в профессиональной деятельности и публикациях, вот только одновременно пришло приглашение от Главного Инженерного Училища. Научная комиссия пригласила Вадима с публичной лекцией на основе статей, которые он им опраивлял. Училище выпускало свой журнал “Инженерные записки” с двадцать шестого года. Преподавательский состав активно участвовал в выпуске журнала, мотивируя учащихся писать статьи. К сожалению тома выпускались не периодически, а по мере накопления материала. Вадим не держал еще в руках последний выпуск, но знал, что там засветились статьи за его авторством. Теперь он ждал ответа или критики от видных научных деятелей Российской империи или других передовых инженерных государств, чтобы спровоцировать их на дискуссию и по возможности переманить к себе на службу.

Ждал критики, а получил приглашение на публичную лекцию, которую ему пообещали учесть в защиту магистерского звания. На Докторскую, видимо, Вадим еще не написал.

Карета остановилась у трехэтажного дома. Молодые люди и любители поэзии как раз потихоньку поднимались в квартиру Мальцевых.

— Вадим? Вадим, вы вернулись? — радостный девичий голос ударил по ушам, стоило только Беркутову подойти к парадной.

Лучезарная Варя вспомнила, что приличной даме не стоит кричать, покраснела и

закрылась веером. Рядом стояла молчаливая Дарья и взглядом опытного экзекутора посылала какие-то многообещающие сигналы. Вадим расслабил воротник рубашки, чувствуя подступающую духоту. В литературном клубе коварные дамы из светского общества подготовили настоящую засаду. Он готовился, но это не спасло от града вопросов:

— Вадим Борисович, а правда, что вы стрелялись с самим Лермонтовым? — первой тему открыла Дарья, вызвав переполох.

— Михаил Юрьевич, выжил после дуэли...

— А правда, что вы видели смерть гения русской поэзии? — спросила девушка с рыжими завитками и россыпью веснушек на лице.

— Мы вместе служили и воевали, он погиб на моих руках от рук... — Вадим на секунду замаялся, в комнату зашел Анатолий, улыбнулся и тихо сел, чтобы не мешать, — погиб от клинка коварного османа.

— Как османа? — ахнула рыжая.

— Это был тяжелый бой. Надеюсь, что не нарушу государственной тайны, если расскажу, что на Кавказе черкесам помогают османы. Не нарушу же, господин дипломат? — Вадим кивнул на притихшего Анатолия, переводя на него все внимание.

— Господин дипломат, мы же не оставим вмешательство Осман без внимания? — уточнила Дарья, — им нельзя прощать гибель Михаила Юрьевича.

— У нас сейчас и так прохладные отношения, — Анатолий решил не обострять ситуацию.

— Все могло бы быть иначе, если бы такой профессионал, как Анатолий представлял Россию в Константинополе, — как бы невзначай заметил Вадим и поймал на себе осторожный взгляд Анатолия. Пока члены клуба отвлеклись на политику, Вадим вышел из комнаты и, миновав пару слуг, постучал в дверь кабинета.

— Войдите, — внутри ждал отец Дарьи — Мальцев Сергей Петрович.

Он не показывался на литературных собраниях дочери, предпочитая работать в тишине кабинета.

— Сергей Петрович, доброго дня, — Вадим поклонился.

— Вадим, доброго, доброго утра, — Мальцев поднялся с кресла навстречу гостю. Бравый офицер даже в гражданском сюртуке выделялся широтой плеч и статной фигурой.

— Рад, что застал вас дома, — Вадим достал письмо с отчетом. Сергей Петрович входил в число владельцев компании Вестник и следил за ходом дел компании, — я подумал заглянуть к вам с отчетом.

— Вадим, пустое, — Мальцев предложил присесть на диван рядом с камином, — ваш управляющий мне все уже прислал. И не буду скрывать, я доволен. Надеюсь услышать о ваших приключениях на Кавказе, когда вернусь. Интересно узнать, как поживают некоторые мои товарищи еще с Отечественной.

— Вы уезжаете? — удивился Вадим.

— Верно, его императорское величество недоволен ходом строительства железной дороги. Государство уже потратило тринадцать миллионов, а обзавелось пока только одинокой колеей.

— Тогда желаю вам удачи, — Вадим прикинул, что таким темпом путь Москва — Петербург они закончат к пятидесятому году, — а теперь прошу простить, но я оставил клуб.

— Конечно, конечно, — Сергей Петрович встал, чтобы собраться в дорогу.

В коридоре Анатолий поймал Видима, выходящим из кабинета.

— И что это было? Кровь кипит? — зашептал Анатолий и как-то опасно оглянулся в сторону зала, откуда доносились звонкие женские голоса, — ты чего меня одного оставил?

— Толя, я тоже рад тебя видеть, — Вадим поймал его за плечи и пожал руку, — раньше около Дарьи всегда крутились амебные поэтики, где они?

— Дарья как-то расстроилась, что вокруг одни подхалимы да беспозвоночные, — ответил Анатолий, — я же прихожу за компанию с Варенькой.

— Варенькой? — Вадим удивленно поднял бровь.

— Я тебе еще не писал, хотел обрадовать лично, — Анатолий перешел на шепот, — мы заключили помолвку. Свадьба будет весной и ты, дорогой друг, никуда не сбежишь!

На последних словах Анатолий пальцем мягко ткнул Вадима в грудь.

— Да куда я денусь, — Вадим чуть не пробурчал “с подводной лодки”.

— Снова на Кавказ? Устроишь какую-нибудь дуэль. Ах, да. Зачем ты поднял тему с османами?

— Да есть нехорошие новости, — Вадим показал конверт, который достал из внутреннего кармана, — донесение, от приближенного к Шамилю человека. Ты же знаешь, кто такой Шамиль?

— Вадим, в министерстве сидят не за красивые глаза!

— Еще скажи, за правое дело, — посмеялся Вадим и сунул конверт в руки Анатолию.

— А почему мне, а не кому-то из военных?

— Нет у меня пока веры к нашим чиновникам. А к тебе, Анатолий — есть. Покажешь кому надо, скажешь нашел говорливого человека, спасешь жизни, заработаешь орден.

— А тебе это зачем?

— Поверишь, если скажу, что от чистого сердца? — Вадим опустил пенсне, чтобы взглянуть Анатолию в глаза.

— Не-а, — честно ответил тот.

— Ну и хрен с тобой, — Вадим похлопал по карману сюртука и достал короткоствольный револьвер, — Держи. Такой есть только у троих человек в городе, ты будешь четвертым.

— Вадим, ты с собой носишь склад оружия и картотеку документов? — спросил Анатолий и брезгливо взял револьвер двумя пальцами.

— Ну, положим не склад, — Вадим хлопнул себя по скрытой кобуре с беззвучным револьвером, — так, арсенальчик.

— А вот вы, где спрятались! — из-зала выглянула Дарья и поманила мужчин за собой, — не думайте, что так легко отделаетесь сегодня, Вадим.

Она прошла в центр боевой формации, где девушки плечом к плечу выстроились в клин.

— Черт, того и гляди, сейчас в атаку пойдут, — шепнул Вадим Анатолию и обратился к дамам: — Уважаемые, а по какому поводу осада?

— Вадим Борисович, у нас на ваш счет есть серьезные подозрения, — заявила Дарья, скорчив серьезное лицо, — мы подозреваем, что за время путешествий по горам вам удалось перенять часть поэтической мудрости у Михаила Юрьевича. Настало время перейти из слушателей в поэта!

Из всего женского коллектива первой не выдержала Варя и захихикала. Вадим повернулся к Анатолию за поддержкой, но встретил взгляд предателя. Заговор — подумал Вадим. Пришла нужда пускать тяжелую артиллерию:

— Ну хорошо, я спою!

— Не надо! — первым спохватился именно Анатолий, видимо, вспомнив один из совместных застольных вечеров, — нам хватит стихотворения.

— Ну хорошо. Стих о спасителях! — Вадим прочистил горло и на память вспомнил строки:

Они спустились с небес,
Разрывая железные горы
Жгли города,
Дланью своей, стирая народы
Под взором злодеев дрогнули страны
Пал легион, последнюю кровь проливая
Дым от кострищ скрыл от нас солнце
Люди как крысы укрылись по норам
Мы собрались в единый прорыв
В острейший удар загнанных в угол
Они нас не ждали,
Пока ночью все спали
Мы били,
Мы жгли
Ведь мы не простили
Мы всех их добились
Ненависть въелась под кожу как грязь
Рукояти мечей меж пальцев застряли
Отчаяние, боль — доспехами стали
Нет здесь прощения
Да оно и не нужно
Их кровь как вода
нам слаще нектара
Новая жизнь наступила внезапно
Вчера проходимцы, сегодня герои
Сегодня герои, завтра убийцы
Мы не смогли остаться с людьми
Ушли в большой мир, весть доставляя
Спасители слабых
Герои мечты
— Эх, солдафон, — еле слышно вздохнула Дарья.

Девушки ожидали поэму о пылкой любви или очерк о кавказских красавицах, но Вадим не мог рассказать о том, что не испытывал, по крайней мере, в привычном здесь смысле. Расходились все в смешанных чувствах.

Анатолий долго прощался с Варей, прежде чем заскочил в карету к Вадиму.

— Тебя давно не было, а в городе открылось такое место! — Анатолий со знанием дела указал дорогу до одного театра.

Изначально здание построили как театр, но пока Вадим воевал на благо родины, место сильно изменилось. У входа стояли дорогие кареты, а шумная детвора зазывала прохожих на показ мод.

— Сегодня, сегодня! Новая коллекция от самой Гертруды Ренах! Передовая мода из

Пруссии!

Анатолий хитро подмигнул Вадиму и повел его внутрь. Служащий у двери поклонился господам и провел до гардероба.

— Сюда пускают только очень, очень приличных людей.

Анатолий взял у служащего программку на вечер и повел Вадим на галерку. Оттуда открывался совершенно потрясающий вид на забитый битком зал и длинный подиум, который тянулся между рядов зрителей. Скромный по размерам оркестр обеспечивал музыкальное сопровождение под громкий голос ведущего. Сегодня девушки дефилировали в разноцветных платьях для балов и костюмов для прогулок на улице. Работы Гертруды отличались не уникальным кроем, а подбором аксессуаров к цвету ткани.

Зал сидел спокойно, привычный к ходу показов, сопровождая выходы аплодисментами. Из всего действия выделялся только один человек. Бывший бандит по кличке Музыкант выступал дирижером для моделей. Он из-за кулис контролировал процесс, подгоняя моделей, активно ругаясь одними жестами. Вадим улыбнулся, стоило им только встретиться взглядами. Музыкант сначала отвернулся, а потом замер с глазами обезьянки, которой под хвост засунули раскаленную кочергу. Убедившись, что это действительно Беркутов сидит среди зрителей, Музыкант кивнул и спрятался.

— А здесь неплохо, но я не представляю, чтобы в нашем консервативном Петербурге так спокойно проходили показы мод.

— Шумели первые пару месяцев, — подтвердил Анатолий, разглядывая моделей в театральный бинокль, — только потом сюда заглянули Его императорское величество с Ее императорским величеством. А потом ушли с заказом у мадам Ренах на новые наряды.

После окончания показа, Вадим и Анатолий зашли в рабочую зону. Не к моделям, а в кабинет Музыканта. Он как раз сидел за деревянным столом и обсуждал что-то с человеком в больших очках на цепочке.

— Не помешаем? — Вадим постучал по косяку открытой двери.

— Вадим Борисович, я так рад, — Музыкант приложил руки к груди. Он носил подобие персидского халата и сидел за рабочим столом в тапочках. Собственно в кабинете на полу лежал персидский ковер, а в углу стоял кальян, — мы закончим потом.

Мужчина в очках поклонился и заспешил к выходу.

— Наш бухгалтер, — пояснил Музыкант и встал, чтобы поприветствовать гостей, — что-нибудь будете?

Он указал на комод с ножками из слоновой кости, на котором стояли бутылки вина и шампанского.

— Я откажусь, — Вадим прошел внутрь, чтобы осмотреться, — как идут дела?

— Все отлично, на следующую неделю запланировано два показа, — у Музыканта дрожали руки, пока он наливал Анатолию шампанского, отчего по комнате раздавался звон стекла.

— Проблемы с церковью? — Вадим подошел к большой картине с изображением Клеопатры на стене.

— Были, но я... — Музыкант замялся, — я договорился, больше таких проблем нет.

— Похвально, — кивнул Вадим.

В дверь постучали. Из коридора заглянула Гертруда в строгом костюме приличной женщины из Пруссии, больше напоминавшем мундир чем платье.

— Вадим! Анатолий! Что же вы не сказали, что придете? — вспыхнувшая радость

быстро покинула Гертруду, сменившись меланхолией.

Вадим не столько понял, сколько прочувствовал ее тоску. Такое гнетущее чувство в груди, которое засасывало как черная дыра.

— Гертруда?

— Простите, я рада вас видеть, просто, — мадам Рейнах грустно улыбнулась, — пройдемте ко мне, я познакомлю вас с одним человеком!

— Конечно, — Вадим переглянулся с Анатолием и получил от него кивок, — с вами же мы пока прощаемся.

— Х-хорошо, — выдавил Музыкант и закрыл за посетителями дверь.

— Я рада, что вы вернулись в целости, — Гертруда показывала дорогу до своего кабинета, разглядывая свои руки. Вадим заметил пожелтевшие ногти, характерные для заядлых курильщиков.

— Война, — односложно ответил Вадим, прежде чем зашел в открытую дверь.

Кабинет Гертруды напоминал ее мастерскую в ателье, только в меньших размерах. У стен стояли деревянные манекены для постройки костюмов, на огромном столе, напоминающем верстак с зажимами, лежали рулоны ткани и кусочки мела.

— Здравствуйте, — поздоровался Анатолий на французском с девушкой, которая сидела на диване рядом с кофейным столиком из лакированного дерева. На столике у дам стояла пепельница под длинные сигаретные мундштуки. Вокруг горели ароматизированные свечи и палочки для благовоний, из-за чего Вадим не сразу распознал очень тревожащий аромат.

— Это моя хорошая подруга, мадам Фанни Кембл, известна английская актриса и активистка за отмену рабства, — Гертруда нахваливала знакомую.

Англичанка сидела с белоснежной шеей и оголенными плечами. Пышные рукава на перламутровом платье подчеркивали узкую талию в корсете.

— А это господин Анатолий Николаевич Демидов, — Фанни тепло улыбнулась Анатолию, — и Беркутов Вадим Борисович, мои хорошие друзья.

Вот только Вадим не удостоился теплой улыбки, а скорее осторожного внимания.

25 октября 1841 года.

На улице стояла глубокая ночь. Давно наступило время, когда приличные девушки и дамы возвращались домой к семьям. Шумная же компания, еще не успела обзавестись семейными узами, поэтому культурно отдыхала в кабинете госпожи Рейнах.

— Вадим, дамы, — Анатолий встал с дивана, чтобы попрощаться, говорил он на привычном французском.

— Подожди, друг, — Вадим тоже поднялся, — давайте я всех развезу по домам?

Он оглядел веселую компанию. С верстака убрали ткани, чтобы разложить закуску и шампанское. Чего-то крепче у дам не оказалось, а будить Музыканта никто не захотел. Сначала. Потом-то вломились к нему в кабинет за кальяном.

— Вот еще, Вадим, что люди скажут, когда увидят, — Гертруда не смогла выговорить конец предложения, клюнув носом. Ее клонило в сон.

— Ага, ладно, — покачнулся Анатолий, — Дамы, всего доброго! Вадим, идем!

— Ага, по коням, — Вадим повел Анатолия под руку к выходу из дома моды.

— Стойте! Вадим Борисович, стойте, — уже у кареты их догнал Музыкант. Он бежал в накинutom по верх халата пальто и тряс золотым ключиком в руке, — Это вам, пропуск в самые лучшие ложи.

Музыкант улыбнулся, но из-за больших мешков под глазами и растрепанной прическе выглядел он жалко.

— Спасибо, — Вадим убрал ключ в карман жилетки.

— А, а мне? — из открытой двери кареты выглянул Анатолий.

— И вам что-нибудь придумаем, — хотел заверить его Музыкант, но замолк под отрицательным кивком Вадима.

— Всего доброго господа.

Солнце только-только вставало, пробивая слабыми осенними лучами темное небо Петербурга, а Вадим уже приехал в Вестникъ, чтобы работать. Только не успел он подняться к Максиму, как явился посыльный от одного полковника жандармерии. Вернее, посыльный успел побывать и в Заводском и на съемной квартире, в итоге остановившись рядом с торговым домом.

Медленно веселая ночь перешла в унылое утро пятницы. Унынье нагоняли серые стены холодной. То есть неотопливаемое место, где держали всех непонятных личностей.

— Выпускайте, — скомандовал Вадим разбуженному приставу.

— Так, вашеблогородие, неположенно, — чиновник протер заспанные глаза. Его разбудили ночью и принесли раненного и что самое неприятное — вооруженного человека, — не положено. Опознать надобно, значит.

— Вот это, посыльный от жандармерии, — Вадим мотнул головой в сторону посыльного, который и привел Вадима к раненому Михаилу.

— Пустите! Пустите, говорю! — из коридора канцелярии послышался женский голос.

— Кого еще нелегкая принесла? — удивился посыльный.

— Жена, — хором ответили Вадим с приставом.

— Городовые разбудили, а она спать не давала, просилась в камеру, ну не положено, — пояснил чиновник.

— Ясно.

Вадим зашел в камеру и осторожно поднял Михаила на руках. Майор впал в горячку и сильно побледнел, в общем, выглядел паршиво.

— Мишенька!

— Руками не трогайте, он похоже что-то сломал, — пояснил Вадим женщине с заплаканными глазами, — ну или ему сломали.

— Подождите, а куда вы его? — дрогнувшим голосом спросила жена.

— К доктору, конечно.

— Вы, наверное, Вадим! Возьмите меня с собой.

— Ну, поехали.

На счастье, всех заинтересованных и впавших в беспмятство, доктор Гааза не спал. Более того, когда Егерь постучал в дверь, им открыл мужчина лет тридцати в фартуке с шикарными бакенбардами и выбритой макушкой.

— Господа?

— А доктор Гааза дома? — к дверям подошел Вадим с Михаилом на руках, — он срочно нужен.

— Конечно, конечно, проходите!

Раненного занесли в дом доктора. Федор Петрович не спал и сразу принял гостей, сильно удивившись столь ранним визитом.

— Вадим Борисович, очень рад видеть, но все любезности потом, я сейчас разбуджу учеников, — объяснился доктор.

— Они квартируют у вас? — удивилась жена Михаила.

— Много практики, последнее время, — доктор подозрительно скосился на Вадима, — пожалуйста ожидайте, выпейте чаю, кофе.

— Спасибо, — кивнул Вадим и пошел на кухню, где одна престарелая служанка уже грела чайник на новенькой чугунной буржуйке. На боку печки виднелось клеймо завода Беркутова.

Стул под Вадимом жалобно заскрипел.

— Простите, мы не были представлены лично, — Вадим обратился к супруге Михаила.

— Мария Владиславовна, — представилась она и повернулась в сторону двери кабинета доктора, где шумели мужские голоса. Служанка поставила чашки и вазу с молочным печеньем на стол.

— Очень приятно, — ответил Вадим и сдул с чая пар.

— И мне, — Мария не притронулась к чаю, просто продолжила говорить, — вы же с ним давно знакомы? Миша так мало рассказывает. С Кавказа почти не писал, я так волновалась, сердце женское оно же чует. Он же у меня смелый, вот и во дворе от какого-то бандита отбивался, весь дом разбудил. Ой, а что соседи скажут...

Вадим не верил, но у него дернулся глаз.

— Это Мишенька только с виду суровый, а внутри мягкий весь, светлый. Я сколько ему говорю, не для тебя эти сражения...

А вот сейчас Вадима потянуло стошнить, что физически было невозможно для него.

К моменту, когда доктор Гааза пришел на кухню, Вадим изрядно позеленел. Его аж трясло от раздражения.

— Вадим Борисович, с вами все хорошо? — забеспокоился доктор.

— Да. Как Михаил?

— Хорошо. Ключица вызвала осложнения, но мы с коллегой провели операцию с помощью новой методики, — с гордостью объявил Федор Петрович.

Вадим вскочил из-за стола и подошел к доктору, что прошептать:

— Подыграйте.

— Что? Я вас не понял, — Федор Петрович поправил очки.

— Что вы такое говорите?! — вскрикнул Вадим и схватил доктора за плечи, — Как ему отрезали Достоинство! Он же был ранен в плечо! Как не сможет исполнять супружеский долг?!

За Вадимом что-то глухо упало.

— Она в обмороке! Зачем вы так? — Федор Петрович подскочил к Марии, чтобы проверить ее состояние.

— Она сама виновата, вот придет в себя, поймете. О каком коллеге вы говорили?

— Здравствуйте, — на кухню зашел тот самый мужчина с бакенбардами, который встретил Вадима в дверях, — что с дамой?

— Обморок, перенервничала, — Федор Петрович подошел к шкафу на кухне, — сейчас нюхательные соли найду. И да, — он повернулся к Вадиму, — разрешите вам представить, Николай Иванович Пирогов, мой коллега и с этого года возглавляет кафедру хирургии в Императорской Медико-хирургической академии.

Пирогов поклонился.

— А это, мой добрейший меценат и изобретатель Беркутов Вадим Борисович, — Федор Петрович нашел нюхательную соль и пошел проводить Марию в чувства.

— Ваш друг, очень крепкий человек, — обратился к Вадиму Николай Иванович, — его, как о стену приложили. Синяк на всю спину. Сейчас уже лучше, но жар не спадает. А давать ему больше ладаниума мы пока не будем.

— Ладаниум, это часть новой методики? — у Вадима свело скулы. Наркоман-помощник ему был не нужен, — очень опасное средство, вызывающее острейшую зависимость. Весь Китай сейчас погибает от этой дряни.

— Вадим Борисович, позвольте докторам выбирать лечение, — мягко сказал Пирогов.

— А что, если я предоставлю альтернативу?

Пирогов и Гааза наострили уши.

— Есть и обезболивающее, газ гелий и одно средство для снятия жара, — решился открыть часть своих замыслов Вадим.

— Как только удостоверимся в эффективности средств, — хотел поставить точку в разговоре Пирогов, но в комнату вбежал студент медицинского в белом халате.

— Ваше святейшество, пациент пришел в себя.

Пока Гааза помогал Марии встать, Вадим и Николай Иванович подошли к болезненному Михаилу. Доктора забинтовали Захарченко грудь и руку, чтобы не допустить смещения сломанных костей.

— Вадим? — Захарченко узнал его.

— Михаил, кто это сделал? — с порога спросил Беркутов.

Захарченко поманил его ближе и что-то зашептал Вадиму на ухо.

— Я понял, все, отдыхай, — Вадим развернулся к выходу из дома доктора. Михаил же снова заснул.

— Вы уходите? — уточнил доктор Гааза, когда встретил Вадима в коридоре.

— Нужно спешить, я оставлю своего человека и пришлю посыльного с лекарствами, о

которых говорил. Прощайте.

Он вышел и скрылся в утренних лучах солнца на улице.

— Какой активный человек, — проговорил про себя Пирогов, — Чем он занимается, что приносит к вам своих людей?

— Опасное производство, — развел руками Федор Петрович, — оружейный завод и что-то еще. Иногда и людей с огнестрельными ранами приносят, но я не спрашиваю.

— Понимаю, — кивнул Пирогов.

Жизнь вокруг торгового дома Вестника шла под звуки радостных криков зазывающих мальчишек. Максим в отсутствие Вадима начал скупать дома на противоположной стороне проспекта, для расширения торговых павильонов. Часть второго этажа Вестника он переоборудовал под представительство компании с офисами стряпчих, бухгалтеров и счетоводов. Под главный центр выделили огромный зал одной из бывших квартир.

— Да у тебя здесь военный штаб! — заявил Вадим, оглядывая стены зала.

Старые картины заменили на карты столицы, столичной губернии, Москвы и Российской империи.

— Не один ты, Вадим, учился в кадетском, — улыбнулся Максим, отпуская одного из служащих, — у нас здесь тоже, своего рода "война". Голландцы так и рвутся выкупить твои красочные заводы. Да и не только они.

— Пусть дальше напрягаются, найдем что им предложить, — отмахнулся Вадим и подошел к карте города.

— Я размечаю, где новые магазины строить, — Максим указал на будущее места строек.

— Позовите Кондрата, он мне здесь нужен, — потребовал Вадим у секретаря, но тот замялся, пока не дождался разрешения от Максима.

— Тебя долго не было, — пояснил Максим, — а что, случилось что-то важное?

Вадим проводил секретаря долгим взглядом. Наверное слишком долго.

— Да, объявился один неприятный человек.

— Вадим, я не лезу в твою, эм деятельность, — Максим вытер пот со лба, — может и не нужно смешивать?

— Сколько сейчас на счетах? Сколько кредитов?

Максим перешел на шёпот.

— Кредиты я выплатил, думаю взять новый. Есть сто десять, пока что свободных тысяч.

— И этого чудовищно мало, — Вадим показал на карту Российской империи, — Мы только начали.

Проснулся Михаил от странного ощущения в том месте, где его могла трогать только жена. Собственно именно Мария и именно там, где он подумал, его и трогала.

— Мари? — на французский манер удивился Захарченко.

— Ой, Мишель, ты проснулся! — у Марии под глазами остались синяки под глазами, которые она не смогла спрятать, даже под толстым слоем белил.

— А ты, что делаешь?

— Ну понимаешь, Вадим Борисович сказал, что во время операции, тебе пришлось удалить то самое...

Михаил простонал и здорово рукой зарыл глаза: — Беркутов...

— Такой ужасный человек! Ты просто не поверишь, я к нему со всей душой...

— Кхм, — в углу комнаты кто-то откашлялся. Михаил его сразу не заметил. А между прочим человек, похожий на шкаф, сидел в углу, закрываясь газетой.

— Ой, а вы давно здесь сидите? — покраснела Мария.

— Часа два, — ответил человек-шкаф.

— Егерь, ты что ли? — Михаил узнал боевого товарища.

— Так точно, вашблагородие.

— Мари, любовь моя ненаглядная, попроси, чтобы нам сделали чаю, — попросил жену Захарченко.

— Конечно! Ты только лежи, так доктор сказал, — и она убежала покрасневшая так сильно, что только пар из ушей не шел.

Захарченко тихонько сел, оперевшись на здоровую руку. Он лежал на крепкой двухместной кровати в гостевой комнате доктора Гаазы.

— На счет не двигаться, она серьезно, — Егерь встал со стула, чтобы положить Михаила обратно.

— Ладно, ладно, я сам, — Захарченко скривился от боли и осторожно, чтобы не заметил Егерь, проверил то самое, потому что других способов, чтобы заставить жену замолчать за пять лет брака он так и не придумал. Легче было убежать снова на Кавказ.

— Выпейте, — Егерь протянул стакан с водой и ответил на молчаливый вопрос: — Лекарство. Вадим Борисович меня специально послал забрать из одного схрона. Хитрая там, конечно, ловушка, любому, кто случайно сунется, ногу по колено бы отхватило.

— Он знает, кто на меня напал? — спросил Захарченко, выпив лекарство. Вся боль медленно уходила куда-то в туман.

— Вы сами, и сказали, после того как вас господин доктор подлатал. Не волнуйтесь, сейчас придумывают, как этого ирода поймать.

Последние слова Михаил слышал глухо, сознание снова погружалось в сон.

В зале для совещаний собралось трое уважаемых людей, в одинаково дорогих костюмах. Только Михаил сидел с расстегнутым воротником, изнывающий от жары, Вадим оставался в полной тройке, а Кондрат ходил вокруг карты города в жилетке.

— Ты уверен, что Михаил не ошибся? — Кондрат облизнул высохшие губы, — Седой же того...

Он показал, как пловец прыгает в воду.

— Уверен. Люди полковника рассказали, что у Михаила было три разряженных револьвера, а в переулке ни крови ни попаданий от пуль.

— Простите, я чего-то не понимаю? — скромно вмешался Максим.

— Да, — начал Кондрат и замолчал, наткнувшись на строгий взгляд Вадима.

— Когда мы воевали на Кавказе, то наткнулись на одно существо, — принялся объяснять Вадим, — похож на человека, но что-то другое. Его не брали обычные пули, только серебряные!

— Серебряные? А так бывает? — не поверил Максим.

— Бывает, — вздохнул Вадим, состроив грустное лицо.

— И что, это нечто теперь пришло в Петербург?

— Нет, что-то новое. То существо осталось гнить на Кавказе. Многие из армии видели, — Вадим пораздумав, решил закрыть тему с турком. И так слишком многое сказал.

— И что теперь делать?

— Приводить дела в порядок, — Вадим карандашом разметил зоны в бедных кварталах.

Он давно готовил передел преступного и нелегального общества в столице.

Прежде всего боевое крыло бунды, которое ходило под Кондратом, занималось охраной Заводского и торговых точек Вадима, понесло потери. С возвращением Вадима с войны, да еще и с боевыми наградами, банда могла переманить или нанять больше ветеранов, покинувших службу из-за ран или по возрасту. Они займут места инструкторов для более молодых и горячих парней с улиц. В городах часто собирались беглые крестьяне, которые предпочитали теряться в портовых зонах или ночлежках. Вадим предложил организовать полноценные общежития и общественные столовые, чтобы дать возможность людям постепенно выйти из нелегального статуса, просто купив документы.

— Вадим, а где мы возьмем деньги для общежитий, кухонь? Кто там будет следить за порядком? — спросил Кондрат, который опасался, что именно его людям и предстоит разнимать драки.

— Сами будут. Организуем дружины, для сохранения порядка. Самых способных будем отправлять в боевое крыло, самых беспокоящих отправлять купаться в Балтийское море.

— Но там же холодно! Они заболеют и умрут, — Максим знал, что задает максимально наивный вопрос, но кто если не он.

— Настоящих преступников, которые готовы идти, например, на убийство не так уж и много из общего числа людей. Даже в обществе бедных, они не найдут укрытия. Мы же просто наведем порядок и дадим людям надежду выбраться из порочного круга. Если они не захотят сотрудничать или работать, то это их дело. Но не в моем городе, — Вадим стукнул по столу, столешница жалобно заскрипела, — Нам добровольно помогут местные торговцы. Они просто не смогут обойти такое богоугодное дело.

— Но это война! — Максим расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Она уже идет. Под Новгородом погибли наши люди. На Михаила напали. Что будет дальше? Мы же никого не трогали, пока не тронули нас.

Вадим подошел к карте России и карандашом соединил треугольник Петербург, Новгород, Москва.

— Мы возьмем под контроль все. Начиная от кулачных боев, заканчивая подработкой для бедных. Если где-то сидит несчастный самогонщик, от пойла которого люди слепнут, то мы его найдем и вздернем.

— Вадим, это слишком, — на этот раз встрял Кондрат.

— Слишком, это когда народ пухнет от голода, когда бедняки замерзают прямо на улицах, когда по городу мы находим обглоданные тела людей. Или ты забыл, что нашли Микола с Алексеем? — Вадим взял Кондрата за грудки, — шутки кончились, началась работа.

Разговор закончился поздно вечером. За время собрания они успели спланировать операцию по поиску Седого, которого предписывалось только найти, но не трогать. Максиму же Вадим задал отдельные задания по расширению Заводского и покупке земли около залива.

— Вадим, а правда, что вы убили того турка серебряными пулями? — спросил Кондрат, когда Максим оставил их наедине.

— Если бы, — тяжело вздохнул Вадим, — золотыми. Я, можно сказать, ограбил Захария, чтобы сделать десяток выстрелов для слобойной винтовки. Михаил не даст

соврать.

— Я понял, — кивнул Кондрат и пошел в ресторан, раздавать приказы.

Вадим же остался в штабе один. Он постучал пальцами по стене, где висела карта Российской империи.

— Рядом повешу карту со всем миром. Будем расширяться.

27 октября 1841 года.

До лекции в Техническом у Вадим оставалось несколько дней, которые он тратил на осмотр уже работающих предприятий и места под новые. В Заводском строили подземные склады для оружия и взрывчатку из разросшегося оружейного завода. Цеха по выделке патронов, оружейных стволов, “мыла”, красок и станков обнесли высоким кирпичным забором с дозорными башнями. Людей на предприятия пускали только по пропускам. Охрана досматривала вагоны поезда, прежде чем пускать их на территорию завода.

А поезда начали приходить чаще. Привозили уголь, железную руду или детали, а вывозили готовую продукцию: начиная от станков для императорских оружейных заводов, заканчивая готовыми револьверами и карабинами для казаков. Самым большим заказом для Вадима стали лесопилки Есислава Павловича. Этот без преуменьшения деревянный магнат расширял производство и выделку досок в северных губерниях. Плохие, да и хорошие языки поговаривали, что Есислав Павлович Васнецов скупил большую часть конкурентов в Архангельске.

В Заводском на следующей неделе заканчивали строительство храма. Из-за чего поселок готовился, ведь обещали прийти высшие церковные чины, для освящения. Важное мероприятие, в честь которого Вадим объявил нерабочие дни.

Другим делом для него стало посещение газетчиков, журналистов и просто известных писак. Раньше Вадим обходил братию пера, из-за банальной ненадобности. Но грядущие изменения в быту бедных, а особенно ДОБРОВОЛЬНЫХ пожертвованиях Петербургских торговцев, обязательно поднимут волну шума, которую Вадим намеревался глушить встречной волной.

Вадим посетил питерские отделения таких крупных газет как “Русский инвалид”, “Ведомости”, “Сынъ Отечества”. Только “Русский инвалид” посвященный ветеранам войн и благотворительной деятельности для домов ветеранов, оставил у Вадима хоть сколько-нибудь хорошее впечатление. Чисто деловых журналов практически не печатали, Вадим ничего не нашел, кроме газеты “Купец” и “Журнал мануфактур и торговли”. В основном люди следили за успехами делового мира на страницах “Строителя” в английском оригинале, или же “Экономиста” в отечестве. Французские газеты даже не трудились переводить для широкой публики, по очевидным причинам и увлечением Францией большинства российского дворянства.

Третье отделение приглядывало за основными типографиями, но нет-нет, да и проскакивали сатирические страницы или похабные — революционные заголовки. В основном подобная литература ходила в студенческом сообществе, находя приют в неготовых к ответственности головах.

Плюнув на издания, Вадим пошел сразу в третье отделение, где перед публикацией оказывались все рукописи. Замучав цензоров до икоты, Вадим выходил с четким намерением, которое неожиданно прервал, только пообедавший Месечкин Алексей Игнатьевич:

— Вадим Борисович? А вы какими судьбами?

— Хочу пару газет начать выпускать, а то нашу желтую прессу читать невозможно. Фантазеры.

— А вашу, можно будет читать? — не понял Месечкин.

— Мою нужно!

Полковник икнул. Хорошее настроение после обеда исполнилось безвозвратно.

— Вы к нам заходите, как к себе домой. Может вам кабинет завести?

— Я, пожалуй, откажусь, у вас вентиляция плохая, — Вадим всем видом показывал, что собирается уходить.

— Какая вентиляция? — Месечкин в голове просчитывал, какой головной болью для него обернется новая авантюра Беркутова, поэтому не вник в суть вопроса.

— Душно у вас. Народ на рабочем месте в обморок падает, — Вадим кивнул на секретаря Месечкина, который тихо посапывал в приемной полковника.

— Вот же, шельма...

— В общем, я вам на стол положил на подпись прошения об открытии газет, их общей направленности и так далее, посмотрите, как ознакомитесь с проектами, — Вадим махнул рукой и сбежал по лестнице на первый этаж.

— Какие, еще мать твою, проекты? — Местечкин тихо подошел к столу секретаря, где лежали свежие папки с документами, — Мда, — Местечкин пролистал первый десяток страниц и не то, чтобы ему прямо не понравилось, скорее где-то в желудке появилось чувство изжоги. Полковник жил по принципу: когда страдаешь сам, то обязательно сделай так, чтобы страдали и окружающие. Алексей Игнатьевич так громко хлопнул папками об стол, что бедный секретарь вскочил, ударившись коленкой прямо об угол столешницы. Усатое лицо секретаря стойко скривилось и гордо промолчало.

— Больно? — спросил Местечкин.

— Да, — с надрывом ответил секретарь.

— Хорошо, — улыбнулся Месечкин и скрылся в кабинете, под болезненное всхлипывание, изжога трусливо отступила.

Встроенный в башню гатчинского дворца световой телеграф по цепочке передал сигнал в сторону Кронштадта. Император перебирал листки из папки с красноречивым названием “Демон”.

— И что, такая большая проблема? — уточнил он у стоявшего Чернышева.

— Так точно.

— И этот самый “турок” был первым?

— Никак нет, ваше величество, но он был первым, о ком мы узнали. Дальше я начал проверять похожие сообщения, — Чернышев сделал небольшую паузу, — Чтобы не приходиться к вам с пустыми руками, так сказать. И помимо множества сообщений от наших офицеров на Кавказе, которые никак помешательством не объяснить, я нашел сообщения из Бразилии и Мадагаскара. В Мадагаскаре местный правитель выявил человека-божество с необычными способностями и светящимися глазами, как только выяснились странные наклонности этого существа, то аборигены скинули его в море. Предположительно, таким образом, уничтожив. Если бы не случайные голландские торговцы, то мы бы никогда не узнали об этом случае.

— Подождите, Александр Иванович, наш же офицер, этот, как его, — Николай Павлович погладил лысеющую голову, вспоминая фамилию, — Беркутов. Он же прикончил турка и свидетели были.

— Все так, но, если позволите, — Чернышев посмотрел перед собой и заговорил, как

начал читать заученный текст, — в порочных связях не замечен, характер — нордический, выдержанный, с братьями по оружию поддерживает хорошие отношения. Безукоризненно выполнял служебный долг. Беспощаден к врагам Империи.

— Это кто такую справку написал, — император облизнул карандаш, чтобы записать “героя”.

— Местечкин, — с готовностью выдал Чернышев.

— Александр Иванович, вы это бросьте, Алексей Игнатьевич отлично выполняет свой долг. Количество жалоб уменьшилось. Как он пришел в столице и не только, стало заметно тише, — прежде чем Чернышев перебил, Николай предупреждающе поднял палец, — тише среди народа. Мнение беспокойных торговцев или оплывших жиром лавочников меня не так волнуют. От него идут здоровые прожекты.

— Ваше императорское величество, если мне будет позволено сказать, то на месте главы жандармского корпуса должен быть Леонид Леонтий Васильевич Дубельт.

— Позволено сказать, почему нет? Только Дубельт мне нужен на западной границе. У Австрийцев последнее время беспокойно, венгры что-то задумали. И я думаю утвердить Алексея Игнатьевича в должности, — император облокотился на спинку кресла, — Беркутов надежен?

— Лучше, если вы сами посмотрите...

На открытую лекцию “журнального выскочки”, как завистники в научной среде его прозвали, приехали далеко не студенты. В зале инженерного императорского училища сидели представители флота во главе с Горыниным, собственные подчиненные Вадима из числа инженеров и несколько корабелов от Новых адмиралтейских верфей. Бывший военный инженер Дмитрий Павлович Волович, который отличился на заводе Невы у Миколы и Алексея, сидел в пятом ряду с тростью для ходьбы. Но его военная выправка и бритое круглое лицо откровенно терялись за научной комиссией от училища и моряками.

В зал зашло несколько представительных фигур в мундирах. Они заняли последний ряд, чтобы не привлекать внимания.

— Вадим Борисович, давайте начнем, — предложил глава комиссии, он же декан кафедры военной инженерии.

— Спасибо уважаемым членам комиссии, — Вадим поклонился и подошел к доске, чтобы написать тему публичной лекции, — хотел бы представить вашему вниманию работу, на тему “Винтовые движители в мореплавании и их превосходство”.

В любом бюрократическом заведении существуют традиции и особые обряды. Университеты, училища и институты не стали исключением. Преподаватели и члены комиссии открыли раздаточный материал с конспектами лекции.

— Эпоха пара началась еще в прошлом веке, а мы до сих пор используем паруса... — Вадим позволил себе грустную улыбку, — мы должны не просто идти по следам европейских стран, уже сейчас мы можем бежать, оставляя всех позади, глотать пыль, для этого нужно только...

По деревянным перилам корабля стучал холодный дождь. Молодой Эрнест Романов, известный в банде как Ромашка, обзавелся жиденькой бородкой и тяжелым взглядом за месяцы плавания. Его брюки покрыли разводы соли, пушистый воротник дубленки слипся от дождя. Он щурился, пытаясь разглядеть в уходящих лучах солнца вырвавшиеся вперед

корабли компании. Караван из пяти клиперов растянулся на десятки километров в почти домашних водах Балтики, спеша в столицу.

— Скоро прибудем домой, — рядом с Романовым встал капитан. Опытный моряк, нанятый уже на третий поход. Он любил появляться на палубе в длинном плаще и широкополой шляпе.

— Жаль, что новости не так хороши, — поморщился Романов и зацепился за пару точек на горизонте идущих с востока.

— Новости, это ваше дело, мое — груз, — хохотнул капитан и зашагал на палубу, — груз и ветер.

Он поднял палец и показал на паруса. Из за резко наступившего штиля корабль окончательно отстал от конвоя.

— Меньше всего в жизни, я хочу застрять посреди Балтики. Старые волки, вроде меня, — капитан скромно погладил кучерявую бороду, — называют Балтику — вражьем морем. Потому что, куда ни плюнь, везде враги.

Он снова засмеялся и замолк. Точки на горизонте быстро увеличивались. При встречном ветре клипер двигался неспешно по диагонали, двигаясь скорее к Риге, чем к Петербургу, но главное, что двигался после дня простоя. А вот неизвестные корабли при попутном ветре шли в лоб, наперехват.

— А ну, собаки ленивые, все по местам! — заорал на всю разработанную глотку капитан, — похоже, что нас не пустят просто так домой.

— Может, развернемся? — спросил Эраст, доставая подзорную трубу.

На полных парусах к ним шла пара потрепанных временем бригов. По две мачты у каждого брига. Эраст не видел оружейные палубы, но в любом случае их клипер нес по десять карронадных орудий на борт. Их поставили из-за меньшего веса и большей скорострельности.

Ветер усилился уже в наступившей темноте. Кликер не успевал отойти к берегу или банально убежать. С ветром пришла сильная качка, больше напоминавшая начало шторма.

— Проскочим? — Эраст спросил капитана, заряжая револьверный карабин.

— Если там, — капитан указал на бриги, — такие же старики, как я, то хрен у них кто проскочит.

Говорил он, плюясь от злости.

Первые оружейные выстрелы совпали с первыми вспышками молний в небе. Кликер резко взял вбок, не давая зажать себя с двух сторон. Эраст ухватился за мачту, чтобы не упасть. Вдруг рядом что-то просвистело и с треском впилося в палубу. Щепки разлетелись в стороны, прошивая оснастку. Кликер ответил парой выстрелов, и послал по дуге связку цепных ядер. Первая из двух мачт на бриге надломилась и повисла на такелаже до первого рывка.

— Надо уходить! — капитан схватил Эраста за плечо. Моряк держался за торчащую из шеи щепку и булькал, подступающей кровью, — Уводи корабль!

— Не уйдем! — Эраст показал на поврежденный такелаж клипера.

— Ты всех погубишь, щенок! — прохрипел капитан и опал на перила.

В ночи раздался треск дерева, это у вражеского брига сломалась мачта. Она упала в море, потащив с собой нерасторопных матросов с палубы.

— К бою! — Эраст орал, разворачивая корабль. Правый борт прогремел второй серией выстрелов окатив врага картечью. Они подошли так близко, что горящие пыжи залетали на

бриг, а пороховой дым вслед за картечью залетал на орудийную палубу.

Сильнейший удар сотряс палубу. Эраста кинуло о штурвал, но он удержался. Корабли сошлись вплотную, притираясь друг к другу бортами.

— Огонь! — Романов вскинул карабин и выстрелил, сбив с ног моряка, который лез на целую мачту брига с ружьем за плечом. Он упал, глухо хрустнув спиной об палубу.

Клубы дыма скрыли абордажные команды, которые бросились на врага под дружные выстрелы товарищей. Эраст расстрелял весь барабан карабина и отошел от борта, чтобы перезарядить оружие, когда с другой стороны клипера показался второй бриг. Он обошел сцепившиеся судна, чтобы зажать и добить корабль компании.

Эраст спустился с квартердека и заглянул на артиллерийскую палубу. Десяток уцелевших юнг помогала перезаряжать два орудия.

— Где мать вашу канониры? — зарычал Эраст.

Юнга — совсем мальчишка, показал в угол, где лежал командир орудия с дырой в груди. Эраст выругался и встал к корранде, наводя ствол. Моряки на верхней палубе схватились с врагом и не видели угрозы в виде второго брига, который шел по волнам. Сквозь открытый порт Романов разглядел приближающийся корабль, его артиллерийскую палубу и орудия. По щеке Эраста скатилась капля пота, ведь он увидел лица вражеских канониров, готовых к стрельбе. Хватило одного мгновения, чтобы корабли сравнялись по высоте палубами.

— Плииии! — заорал Романов, юнга дернул веревку, кремневый замок высек искру, и карронада выплонула облако огня. Эрнест перекрестился, когда ядро вальяжно залетело в открытый артиллерийский порт врага, прошлось по стволу двенадцати фунтового орудия и расколосось, перебив расчет артиллеристов. Эраст прикрыл глаза, готовясь к вражескому залпу, но от брига донесся только один залп. Из-за попадания в ствол двенадцати фунтовое орудие сорвало со станины, оно откатилось и уперлось в нижнюю палубу. Хватило упавшего масляного фонаря, чтобы заряженная пушка выстрелила. И бриг пережил бы пару пробитых ядром палуб, если бы не горящий пыж, который вместе с облаком огня и несгоревшего пороха соизволил залететь в пороховой погреб.

Почти полного порохового запаса на бриге хватило, чтобы озарившая ночь вспышка разметала по кускам корабль в противоположные стороны. В борт клипера впились куски древесины и чугуновых орудий.

Корабль накренился, разрывая канаты, которые связывали его с первым бригом в момент абордажа. Вместо, дожда на головы сражающимся морякам начали падать горящие обломки и рваная парусина. Эраст вышел на верхнюю палубу, держась рукой за лестницу. В голове у него гудело, а мир шатался сильнее обычного.

— Сдавайтесь, — сначала тихо, а потом громче и громче заорал Романов, перелезая на уцелевший бриг. Револьверы и карабины у моряков компании не оставили врагам шансов. На палубе как мешки лежали тела застреленных в драке.

— К началу следующего дня оба корабля вышли на мель под Петербургом. До порта они недотянули, в борту проглядывали пробития и подпалины, если бы не героические действия первого помощника Романова, то мы бы потеряли поистине достойных людей, — Вадим заканчивал лекцию, — и всего этого можно было бы избежать, если бы на корабле стоял двигатель и винтовой движитель.

— Но подождите, а почему не колёсный? — не унимался пожилой член комиссии.

Вадим грустно вздохнул, посмотрев на расчеты, которые он два часа расписывал на

доске и ответил:

— Колеса не только ужасно уязвимы во время артиллерийского боя, но еще и закрывают собой часть бортов, уменьшая количество орудий.

— Вы выяснили, кто напал на ваш караван? — в лекцию решил вмешаться адмирал Горынин, до этого молча слушающий теоретические выкладки Вадима.

— Простите, ваше высокопревосходительство, данный случай приведен как теоретический пример, который должен показать комиссии и уважаемым слушателям, что Российский флот не может полагаться только на чудо, бога нашего.

Члены комиссии покривились то ли от богохульства, то ли от упоминания сверхъестественных сил в храме науки.

— Спасибо, за лекцию, Беркутов. Мы позовем вас, — заявил декан.

— Один момент, — Вадим вернулся к доске, чтобы вывести три уравнения.

— А это что? — спросил Дмитрий Волович. Он на лекции тихо сидел, лишь перекладывая трость из руки в руку.

— Это для разминки серого вещества, — Вадим постучал по виску и вышел в коридор училища. Там и воздух стоял почище и лица приветливее. Студенты окружили Беркутова, чтобы завалить вопросами. Если для ученых он выскочка, то для будущих военных инженеров...

— Вадим Борисович, а правда, что вы писали статьи прямо между боями на Кавказе? — спросил юноша в аккуратном мундире.

— Правда, и предсказывая ваш следующий вопрос, — Вадим осторожно двигался к выходу, — да я был в одном отряде с Михаилом Юрьевичем. Что был за поэт. Большая потеря.

— А вы набираете к себе учеников? — с надеждой спросил все тот же юноша.

— Конечно. На моих заводах есть место для каждого, кто хочет идти с прогрессом в ногу! — Вадим хлопнул себя по лбу, как если бы что-то вспомнил, и достал из внутреннего кармана стопку карточек, — Это мои визитки, там адрес, если вы захотите заработать и набраться опыта.

С этими словами он вышел, чтобы дожидаться решения комиссии на улице. Курить в помещении, а тем более училища, он не захотел.

В своей истории комиссии Вадим рассказал не все. Все сведения о походе ему принесли накануне вечером. Эраст дожидался судоремонтников с трофеем на берегу. Пока до Петербурга доплыл остаток конвоя. Из пяти кораблей до берегов Российской Империи дошло четыре. Это, если считать потрепанный боем Вестник Романова. Парень хорошо себя показал и заслужил авторитет в команде, чтобы стать капитаном корабля.

— Ушел с одной войны, только чтобы попасть на другую, — Вадим затянулся трубкой и выпустил кольцо из дыма, — обожаю эту работу.

Под черными стеклами пенсне у него засветились глаза.

Сенная площадь — клоака города, получила свое название благодаря рынку, где торговали сеном, соломой, скотом и дровами. В воздухе стоял неопиcуемый аромат паршивости и коварства вперемешку с безнадегой и гнилью. Ходить между рядов лавочек было не просто страшно, а опасно.

Если простые беспризорники максимум что могли, это раздеть уснувшего гуляку, то в толпах орудовали настоящие профессионалы. Карманники тащили кошельки, пока игроки в наперстки или трилистники обыгрывали простаков до нитки.

С прилавков пропадали продукты, одежда, обувь в общем все, что можно было потом перепродать.

Из разноцветной толпы вынырнула Белла Школьник. Девушка в новомодной шляпке с талией, стянутой корсетом и пышной юбкой. Если бы не холодный ветер, то она бы оголила плечи, ну почти. Если бы не холодный ветер и всего лишь серая масса людей на Сенной площади.

Она фыркнула, переступая лужу грязи, и зашла в лавку. Через большие окна свет попадал на полки с тканями. Здесь портные находили крашеный шелк, шерсть и хлопок. Из них делали наряды для высшего света столицы, а средний и даже низший свет активно им подражали.

— А, дорогуша! — Беллу поприветствовала хозяйка лавки. Пышная женщина с морщинами вокруг глаз приветственно улыбнулась.

— И я рада. Уже привезли? — Белла медленно, чтобы хозяйка разглядела ее наряд, прошлась вдоль стеллажей.

— Да, вам повезло, — хозяйка достала на прилавок рулон шелка насыщенного, зеленого цвета, который только-только вошел в моду. Петербургская фабрика красок Беркутова уже больше года радовала всех модниц столицы, а кого не радовала, то заставляла шипеть в бессильной зависти. Месяц назад, когда дворянство потянулось в город после отдыха на дачах, слабый пол чуть не пошел на штурм проклятой фабрики, которая слишком медленно наращивала производство.

Некоторые инициативные особы захотели собрать денег, чтобы построить этим бездушным фабрикантам еще цеха. Белла улыбнулась, ведь наверняка тогда более удачливые дамы тайно собрали денег, чтобы замедлить строительство. Эх, Мода, какая же ты бессердечная сука.

— С такой прелестью можно показаться в доме мод Реймах, — мечтательно вздохнула Белла.

Театр мод, как называли в шутку здание, стал настоящим ареалом охоты для незамужних красавиц. Белла знала Музыканта, но даже так она не могла попасть туда без модного наряда.

Приличная девушка в одиночку не должна появляться на улице, тем более в таком месте, как Сенная площадь, поэтому Белла поспешила расплатиться и уйти. Она не принадлежала дворянству, но ничего не мешало ей очень убедительно притворяться.

Довольная собой, она порхала в сторону выхода с рынка, пока не заметила людей в сером. Молодые и старые, но все в одинаковых серых шинелях поверх новеньких английских костюмов. Белла не показала вида, что заметила серые фигуры уже у трех выходов с

площади, она только свернула на улочку, чтобы уйти в сторону лавок. Серыми, или людьми из боевого крыла Призрака, в основном становились ветераны из моряков или бедные офицеры, которым не светило ничего кроме нищей пенсии. Они держали Петербург, но пока держали так, чтобы мелкие дельцы не задыхались.

Вокруг площади появлялись все новые и новые серые, а вот следы околоточников пропали совсем. Белла нырнула в старую лавку свечей, улыбнулась хозяину и скрылась между стеллажами, чтобы выйти через потайную дверь в небольшой переулок на другой стороне.

Да, стояла темень и плохо пахло, зато никто не видел.

— Уважаемая, вы потерялись? — хриплым голосом спросил мужчина в сером. Он вышел из-за угла, перекрыв дорогу. Белла незаметно потянулась к скрытому стилету в рукаве.

— Возможно, мне нужно на Невский проспект, не подскажите дорогу?

— Хех, босс, у нас здесь благородие потерялось, — громила повернулся куда-то в сторону выхода из переулка.

— Это не благородие, а Белка, — чиркнула спичка, и слабенький огонек подсветил закуривающего бандита.

— Кондрат, — она узнала капитана боевого крыла, — что обычный конокрад и мясник может знать о благородстве?

— Обычный? — удивился бандит и шагнул в переулок, выпуская дым, — где это ты, Белка, видела обычных конокрадов? Сплошь смельчаки, ведь только смельчаки попадают на вершину.

Белла закатила глаза от самовосхваления бандита и уточнила:

— Значит, это правда?

— Что именно?

— Что вы решили затянуть удавку? — Белла тихо кашлянула, — что дела с Московскими и Новгородскими не получилось решить с наскоку.

— Это уже не важно, ведь Призрак приехал, — тлеющая сигарета осветила улыбку на холодном лице.

Страшнее Мясника Кондрата был только его начальник — Призрак. Человек, о котором говорили, что он чуть ли не сожрал с десятков авторитетов, а потом уехал наводить порядок куда-то на границу империи. И учитывая последние успехи армии на Кавказе, Белле было нетрудно сложить один и один, ну она сложила и побежала, ломая каблуки на сапогах. Бежала назад к лавке, только из скрытого прохода ей навстречу вышел человек в сером.

— Аккуратней с Белкой, нежно, вдруг босс захочет пообщаться, — скомандовал Кондрат громилам. Операция по очистке трущоб началась.

Репортеры журналов и газет с задумчивыми лицами расходились от главного выхода Петербургского Технического Училища. Комиссия объявила о присвоении звания магистра господину Беркутову. Прямо на выходе Вадима поймал адмирал Горынин и попросил разработать проект береговых крепостей, ведь училище выпускало именно военных инженеров, пусть новоиспеченный магистр и оставил службу в звании штабс-капитана гусаров. Для большинства населения страны все чины, за исключением императора и императрицы, были боярами и благородными, но не для служивого Петербурга. Здесь встречали по мундиру и наградам на нем. Ты мог быть господином полковником, просто

полковником и эй ты полковником, с огромной разницей между стадиями.

У выхода из училища нанятые Вадимом акулы пера устроили засаду, Горынин отбивался как заядлый морской охотник, но куда там, задавили числом. Вадим же рассказал о шутке с тремя уравнениями, извинился и отбыл, не забыв пригласить всех на открытие храма в Заводском.

После того как шумная толпа отступила, из Училища вышел Дмитрий Павлович, он шел опираясь на трость и что-то нашептывал. Его встретила Ханна и взяла под руку. Она видела, что Дмитрий затерялся где-то в мыслях и не хотела мешать. После встречи Вадима Борисович в ее жизни многое поменялось, и не только в ее. Дмитрий шел в хорошем костюме, занятый рабочими рассуждениями, а не как раньше самобичеванием. Ханна улыбнулась и разгладила складки на новом платье.

— О чем задумался? — спросила Ханна, когда они перешли мост.

— Уравнения, — пробурчал Дмитрий, — я сначала подумал, что шутка. Издевка...

— А сейчас? — беззаботно спросила Ханна.

— А сейчас не уверен. Две чисто физических и одно математическое.

Из-за раздумий Дмитрий не заметил, как на них из переулка вышла пара неопрятного вида человек. Расширенные зрачки, шатающаяся походка, бледная кожа, небритые лица указывали на проблемы.

— Эй, милости, а ну, гоните деньги, — горе-гопник вытащил нож с ржавым лезвием.

— М? Что? — Дмитрий поднял взгляд и машинально спрятал Ханну за собой, — вы ошиблись.

— Че, думал хорошо вырядился так все можно? А ну, гоните деньги и драгоценности, или того, — для наглядности бандит резанул ножом по воздуху.

— Хорошо, но я калека, рука больная, — Дмитрий приподнял левую скрюченную руку, а правой поудобнее перехватил трость с тяжелым набалдашником в виде металлической буквы "Г". Бандиты среагировали на уловку, проследив за его больной рукой, Дмитрий же оперся на здоровую ногу и на манер копья ударил тростью. Рукоять впилась в лицо бандита с хлюпающим звуком, от боли он взмахнул рукой. Дмитрий пошатнулся отступая, но Ханна придержала его за талию.

— А, мой нос! Ты сломал его! — бандит выронил нож на землю. Он побежал, сбив с ног товарища.

— Какие нервные, — Дмитрий дернул плечом, чтобы поправить пиджак, и цыкнул от боли. Ткань рукава пропитывалась кровью.

— Вашблогородь, вы в порядке? — к парочке подбежал околоточный, — паршивцы, ранили!

Он поймал извозчика и приказал доставить благородий к доктору.

— Подождите, они что-то уронили, — Ханна подняла с земли странного вида курительную трубку. Мусор конечно, но слишком странным он ей показался.

— Куда вашблогородь? — осведомился извозчик и поправил воротник тулупа.

— К доктору Гаазе, я покажу, — Дмитрий зубами порвал платок, чтобы перевязать рану, но ему помогла Ханна.

— Знаю доктора, — хлестнул вожжами коней извозчик.

Карета мерно покачивалась по дорогам Петербурга, пока Вадим думал. Еще при Александре Первом торговля приняла сильно аграрный уклон, но все начало меняться при

Николае Павловиче. Экономика перешла на протекционистскую модель из-за технического отставания страны. Императору приходилось чуть ли не лично одобрять выезды и въезды из-за границы, чтобы поддержать местных торговцев и производителей.

Медленно, с пинком и какой-то матерью дворяне Петербурга шли покупать роскошные вещи не в английские и французские лавки, а к отечественным поставщикам, строились технические вузы по всей стране, росло новое поколение российских инженеров.

Максим докладывал о чудовищных очередях за продукцией заводов ткани, ткацких фабрик и производству мебели. И неготовность обеспечивать спрос вызывала проблемы. Те же голландцы обивали пороги компании Вестник, видя, что сами русские не справляются, не хватало рабочих в новые цеха. Вадим покрутил головой, чтобы хрустнуть шейей.

Пока он топтался в столице, два груженных каравана шли на восток, они отправились еще летом, пока Вадим воевал на Кавказе. Первый состоял в основном из нанятых в германии, Испании и Австрии рабочих. Они помогут генерал-губернатору Дальнего Востока Живому Александру Юрьевичу наладить приличные мастерские, ведь во втором караване шла партия станков. Не бог весть каких, но все лучше, чем те, которые они могли бы сделать сами или добыть у китайцев. Генерал-губернатор предлагал купить у американцев, но Вадим отклонил идею, уж больно не хотелось ему, чтобы американские корабли останавливались в российских портах Тихого океана. Хуже того, сами тоже не могли забрать, не хватало кораблей. После двадцатых годов Русско-американская компания потеряла монополию на товары и несла убытки. Раньше сообщения на Аляску доставлялись кругосветными путешественниками, которые перестали ходить туда регулярно. Все зашло так далеко, что официально флот Дальневосточного океана, считай Тихого, даже не рассматривался в программе судостроения государства. Несколько десятков судов на весь океан! В основном частные и захваченные у китайцев суда работали на компанию.

Карета подпрыгнула, перейдя на грунтовую дорогу поселка Заводское. Вадим забарабанил пальцами. Дальний Восток нес убытки, пока не проявил себя один шебутной генерал-губернатор и не захватил Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова. Это быстро способствовало началу торговли с закрытой до этого Японией и сулило огромные выгоды в торговле с американцами, мексиканцами, да и вообще жителями обеих Америк и Азии. Хорошие фрегаты он гонял до Аляски и Ямайки, китайские же суденышки курсировали от материка к японским островам и Сахалину.

В переписке Александр Юрьевич выражал надежду, на увеличение российского флота и обещал прислать золото, для продвижения его просьб в столице. Простое слово — золото, а сколько головной боли оно вызывало у Вадима.

Если ему начнут привозить слитки дорогого металла, то у императора всероссийского закономерно встанет вопрос, а не обкрадывает ли государство один генерал-губернатор вкупе с затейливым промышленником. Вот Вадим и не хотел, чтобы у императора вставал, а то к вопросу подтянется еще и армия с жандармерией. А сколько бы он ни подкупал Месечкина на всех не хватало.

Карета остановилась у главной площади поселка. Вадим пришел рано, шествие к храму только началось.

— Рад вас видеть, — к Вадиму подошел митрополит Лаврентий и жестом предложил пройти до храма.

— Ваше высокопреосвященство, — поклонился Вадим, — рад, что вы пришли.

— Как я мог не прийти, ведь я лично освещу храм.

— Неожиданно, — удивился Вадим, следуя за митрополитом.

— Почему же? Освящение храма символически уподобляется крещению человека, ведь человек — это нерукотворный храм Божий, — объяснил Лаврентий, — я слышал, что вы добились успеха на пути науки.

— Реклама, — честно признался Вадим, — меня больше волнуют наши договоренности.

— Я все подготовил. Три сотни человек для этого года, дальше по шестьсот человек в год.

— Мало, — Вадим прикинул размеры губернии, а потом империи. Церковно-приходских школ требовались тысячи, и они были. Но на совершенно ужасном уровне. Детей учили там не больше пары лет письму, закону Божьему, арифметике и чтению. Вадим же продвигал увеличения срока обучения, наем или гражданских учителей или обучение священников стезе преподавания. Синод в лице Митрополита Лаврентия одобрил обучение дьяконов дополнительным предметам.

— Мало, но я пока не видел новой учебной программы, — тонко намекнул митрополит.

— О, я вас удивлю, — пообещал Вадим.

Мероприятие началось спустя несколько часов. Все действие происходило вокруг престола в центре алтаря. Митрополит Лаврентий по традиции с помощью камня забивал гвозди в престол. Священники полили его воскомастихом — сложным клейким составом из расплавленного воска, мастики, мраморной крошки и благовоний. Престол омыли розовой водой, помазали святым миром, а затем облачили в несколько слоев «одежд», возложили антиминос и все под молитвы. Облачали и жертвенник храма. Служители прошлись с кадилом по храму и окропили его святой водой. Читаемые молитвы обращались к Господу с просьбой даровать освящаемому храму и молящимся в нем Божественную благодать.

— Интересно, а вы используете какие-то специальные камни? — тихо спросил Вадим у митрополита.

— Вадим, сын мой, не порти момент, — попросил Лаврентий и протер платком пот. После многочасовой процессии митрополита оставили отдохнуть, но он не ушел из Заводского, заглянув к Вадиму в гости.

— Чаю? — предложил Вадим и пошел к рабочему столу.

— Может, чего покрепче?

— Есть и крепче, — Вадим достал настойку на рябине и полез открывать потайной ящик стола, чтобы достать книжку и пять листов. — Здесь учебная программа, а здесь тест для учителей.

Митрополит сначала пододвинул к себе листы с тестом и прочел.

— Вадим Борисович, это же и ребенок сделает.

Вадим не ответил, дождался когда Лаврентий перевернул лист. Митрополит взял карандаш со стола и принялся чиркать ответы. Он остановился через десять минут на третьей странице. Пять листов, они же десять страниц тестов — выжимка из методик, которые придумало человечество после цифровых веков изучения психологии, проведения собеседований, наблюдения за людьми в различных условиях. Сам тест состоял из двух частей: письменной и наблюдения. И Вадим наблюдал, за всеми. В голове он постоянно держал папку с личным делом каждого, с кем встречался, где фиксировались вербальные и невербальные реакции человека в различных условиях. Он постоянно оценивал и прогнозировал мир и людей вокруг. Вестники создавались для анализа, планирования и выполнения пунктов плана для достижения конечной цели.

Вся прелесть накопления опыта у вестников раскрылась не сразу. Годы и столетия плодотворной работы служили грубым песком, который убирал шелуху с бриллиантов.

Через час в поместье заглянул дьякон из числа помощников митрополита, но получив ценное указание в матерной форме, скрылся и больше не отвлекал Лаврентия от теста. А он застрял на пятой странице и уже пятнадцать минут нервно чесал голову. Увидев следы крови на пальцах митрополита, Вадим вмешался:

— Ваше высокопреосвященство, по чаю?

— Что? Чаю? — Лаврентий оторвал взгляд от проклятых листков.

— Чаю, с пряниками, — кивнул Вадим.

— А? Да, можно и чаю, с пряниками.

Прежде чем митрополит снова ушел с головой в задачку, Вадим мягко отодвинул тест.

— Не терзайте себя, чаю выпейте — легче станет.

После короткого перерыва на чай, митрополиту действительно полегчало. Он с новыми силами принялся грызть задачку. Второго дыхания хватило ровно до конца шестой страницы. Митрополит из любопытства взглянул, что на десятой странице и как избалованный кот отодвинул его от себя подальше.

— Вадим Борисович, как ЭТО должны решать люди?

— Всем их не нужно решать полностью, — принялся пояснять Вадим, разливая холодненькую настойку, — важны два ключевых момента: как далеко вы смогли зайти и сколько времени ушло. Полностью решить десять страниц за адекватное время по статистике способен только каждый десятитысячный. Но вероятность, чтобы талант такого человека развился, равна один к ста тысячам. Вероятность же получить признание таким человеком где-то один к десяти миллионам.

Митрополит позволил себе вольность и присвистнул.

— А тест, помогает найти таких людей?

— Верно. Ведь его будут проходить не только учителя, но и ученики. Подумайте, что произойдет, если мы научимся находить этого самого десятитысячного? Воспитать и получить, скажем Пифагора.

— Сказки! — митрополит разозлился, он подумал, что Вадим над ним шутит.

— Нет, — Беркутов ответил твердо и без тени улыбки, — Я могу это гарантировать. Как пример можем разобрать вашу работу.

Он указал на тест. Митрополит кивнул. В тесте не существовало правильных ответов, с первой по десятую страницу работал целый комплекс маркеров, которые обычный человек заметить и связать вместе не мог, только если случайно. Хотя в мире Вадим, случайностей не существовало, только неучтенные переменные, как например было с турком. Составленный на основе тестов оценки интеллекта, методик Кэттелла, Йовайши, Люшера и так далее.

— Ну хорошо, как ты их назовешь?

Вадим покрутил в голове неофициальное название “десять страниц боли” и сказал:

— Давайте назовем Духовые листки? Это же именно ВЫ их придумали, — он пододвинул страницы ближе к митрополиту.

— Ну хорошо, только ты скажешь мне ответы на последние вопросы!

— Нет, — Вадим покачал головой, — когда вас спросят, то говорите, что для чистоты учебного процесса никому и никогда не скажете ответов. А для проверки результатов будете отдавать на расшифровку ответов какой-нибудь компании.

— Например, твоей? — усмехнулся Лаврентий.

— Можно и моей, ведь потребуется обрабатывать тысячи тестов, — легко согласился Вадим. Без его личной оценки тестируемого результат останется неполным, даже если кто-то получит метод расшифровки ответов. Более того, он подготовил больше сорока версий теста, чтобы вводить обновления в систему каждые пару лет. Первые же специально не показывали стороннему человеку всей глубины теста. Многие уже сейчас платили состояния, чтобы узнать наклонности, пристрастия и психологический портрет человека. Тест создавался для очень темных времен, когда каждый талантливый человек состоял на счету.

— Полагаю, что нет смысла притрагиваться к программе обучения сейчас? — митрополит положил руку на толстую книгу.

— Почитайте на досуге, — Вадим пожал плечами.

Они говорили о делах, пока в поместье не ворвались встревоженные длительным отсутствием митрополита дьяконы и не увели его. Вадим ложкой раздавил дольку лимона в чашке с чаем и улыбнулся. Полный портрет митрополита уже сложился в целую картину.

Дверь гостям открыла старушка-ключница доктора Гаазы.

— Шастают всякие, — впустила она чету Волович. Ханна поддерживала Дмитрия за руку, помогая ему перешагнуть порог.

— А доктор принимает?

— Доктор обедает, у вас что-то срочное?

— Да, мы от Вадима Борисовича, — сказала Ханна.

Старушка перекрестилась.

— Проходите, сейчас Федор Петрович подойдет.

Уже на пути к кабинету они услышали женский голос:

— Вот что ты так тяжело вздыхаешь, — и спустя короткую паузу, — а вы, Егерь, не хотите еще чаю?

— Спасибо, э, боярыня?

— Можно просто, Мария Александровна.

— Спасибо, Мария Александровна, но не хочу.

— Мари, сходи, пожалуйста, посмотри, когда закипит чайник.

— Это лишнее, есть слуги, — и после паузы, — ну вот, ты снова тяжело вздыхаешь.

Хана нахмурилась, ей показалось, что с той стороны донесся болезненный стон, но собралась и постучала.

— О, это чай, войдите!

В кабинете доктора помимо операционного стола, стульев для студентов и шкафов с медицинскими инструментами, стояли диванчики для посетителей или гостей доктора. В любом случае именно там сидел Захарченко с привязанной к телу рукой. Он сидел, задрал голову к потолку, и шевелил губами, пока та самая Мари гладила его плечо. В углу кабинета сидел угрюмый человек, по бледному виду которого, Ханна предположила, что он отравился и пришел к доктору за лечением.

— Ханна, Дмитрий! — первым их узнал Михаил, — как я рад вас видеть, это настоящая пытка сидеть здесь, в четырех стенах, да еще и такой... компанией.

Ханна его не поняла, поэтому просто поздоровалась:

— Здравствуйте, вашблагородие!

— Михаил Степанович, сударыня, — хрипло поприветствовал их Дмитрий и сел рядом, вытянув больную ногу.

— Мари, пожалуйста, позовите доктора. Бедный Дмитрий истекает кровью! — переполошился Захарченко и проводил жену взглядом до двери. Он молчал, пока она не скрылась в коридоре, — Дима, родненький, я сейчас на стены полезу!

— Я не понимаю, — признался Волович.

— А что непонятного? — хохотнул в углу Егерь, — еще немного и нам никакой доктор не поможет, пережить заботу мадам Захарченко.

И они одновременно с Михаилом тяжело вздохнули.

С корабля сгружали громоздкие станки. Летом сорок второго года палата лордов в Англии сняла запрет с продажи ткацких станков. В Петербурге партию принимал Сэр Джордж. Он стоял подальше от причала с поднятым воротником пиджака и придерживал цилиндр на голове, чтобы его не сдуло шквальным ветром. Столько лет в чужой империи, а к пробирающим холодам так и не привык. Рядом сопела пара человек от торговой гильдии и это. Называть господина Седого человеком, сэр Джордж не стал бы даже после бутылки пресловутой водки.

— Мы потеряли два корабля, — спокойно заметил торговец из первой гильдии. Бородатый мужчина с надутыми щеками.

Сэр Джордж помнил как его зовут, но сейчас не хотел вспоминать, поэтому просто ответил:

— Поэтому вы первые, кто получит новые станки.

— Немного неравноценный обмен, — пожал плечами Седой.

Сэр Джордж на него выразительно посмотрел. Этот представитель подпольного мира вот вообще не помогал сейчас.

— Я предлагал снова напасть на суше, — напомнил англичанин новгородцам.

— И мы бы снова потеряли кучу людей, — отреагировал Седой. — Все это, — он обвел рукой порт, — не продуктивно. Погибают люди, сгорает товар и чего мы добились?

Сэр Джордж не ответил. Он терял хватку над операцией и этим монстром. Седой, несмотря на слухи о его криминальном прошлом, потерял тягу к деньгам, алкоголю, роскоши и женщинам. Англичанин какое-то время приманивал его выгодой сотрудничества для России, но все менялось. Совсем за идиота это чудовище держать больше не получалось. Оставалось избавиться.

— Господин Седой, все же, думаю, нам нужно попробовать. Я выделю людей и надеюсь, что вы их возглавите. Теперь, когда Беркутов вернулся в город, мы сможем устранить всю верхушку компании разом. Один точный и очень болезненный удар.

Англичанин стукнул кулаком по ладони. Убийцы и местные бандиты не смогли в прошлом году прервать путь амбициозного, но зарвавшегося фабриканта, поэтому из родной Англии пришли не только специалисты, но и опытные люди.

10 ноября 1841

— Она прекрасна, правда? — от раздумий Вадима отвлек голос Пьера. Дипломат с умилением наблюдал в большое окно, как из серого снега его дочь Мари пыталась слепить снеговика.

— Действительно, так быстро растут, — Вадима же больше заботило одинокое облако, которое больше часа неподвижно висело над огромным задним двором усадьбы семьи Морелей.

— Вадим, а ты когда? — спросил Пьер с таким выражением, которое лучше всего получалось у молодых родителей в разговоре с одинокими друзьями.

— Понимаешь, я не представляю, как жена сможет меня терпеть, — Вадим посмотрел на бокал с вином и осушил его, — я же трудоголик.

— Все, все, намек понятен, — улыбнулся Пьер, примирительно поднимая руки, — я

сделал все что мог. Но приказ пришел сверху. Напрямую ты корабли у нас больше не купишь.

— Я думал, что Вестник приносит тебе хороший доход? — осторожно спросил Вадим и провел пальцем по грани бокала, вызвав мелодичный скрип.

— Это так, но я бессилен. Парламент взял вопрос на свой контроль. Я, честно говоря, потрясен, даже британцы сняли запрет с продажи станков, — Пьер долил Вадиму вина. — Слушай, у меня есть кое-какие контакты в Испании. Говорят, что там все не слава богу, и они готовы расстаться с парой кораблей за хорошие деньги.

— Чтобы не продали, все будет хуже, чем нужные мне клиперы, — Вадим встал из теплого кресла. — Один корабль потопили, один повредили.

— Починим, — предположил Пьер.

— Если бы. Я обратился к нескольким верфям, везде отказали. Похоже, что мои неприятели и здесь постарались.

— Ты придумашь, — отмахнулся Пьер и взглянул в окно. Для него компания Вестник — одно из множества прибыльных дел, и только.

— Да, а ты слышал, что наш маленький Анатолий, того?

— Вадим, — Пьер снисходительно улыбнулся, — это до ТЕБЯ новости долго доходят, до меня же рукой подать, — Пьер хотел уже проводить друга, но у него что-то щелкнуло в голове, — говоря об общении, скоро будет большой бал...

— Мы не говорили об общении, — насторожился Вадим.

— Это фигура речи, “говоря о кораблях”, “говоря о женщинах”, — Пьер не повелся на маневр, — Говоря о бале, ты тоже приглашен, и хозяин не потерпит отказа.

— А хозяин, это кто?

Пьер сделал вид, что рассматривает грязь под ногтями:

— Да так...

Вадим кивнул, подошел к двери и прежде чем выйти из кабинета сказал:

— Пьер, просто признайся, что ты не выносишь счастливых холостяков рядом с собой!

Дверь за Вадимом со скрипом закрылась, а Пьер тихо пробурчал на французском:

— Это, почти неправда. Да и потом, с Анатолием же получилось...

По серому камню мостовой шли тонкие ручейки талого снега и впадали в серую Неву. Вадим шел к торговому дому, переступая слякоть. У парадного входа стоял задумчивый мужчина в сером пальто и цилиндре и не решался зайти.

— Доброго дня, — поздоровался с ним Вадим и встал рядом, — я отлично знаю это заведение и смею заверить, здесь лучшие товары во всем городе.

— Спасибо, господин, но я не в магазин, — ответил незнакомец с сильным акцентом, — раньше здесь жила моя матушка.

— Вы немец? — спросил Вадим по-немецки.

— Верно, позвольте представиться, — незнакомец снял котелок, — помощник Прусского посла Герр Зонен.

— Владелец “Вестника”, Вадим Беркутов, — Вадим протянул руку, и пруссак ес пожал, — думаю, что смогу вам помочь, пойдете.

Консьерж поклонился им и открыл дверь. Внутри помимо торговых залов с оружием, одеждой, товарами домашнего быта на первом этаже, располагались офисные помещения компании на втором. Прошел почти год с того момента, как Вадим выкупил все здание и милый ресторанчик во внутреннем дворе, все квартиры четырехэтажного дома уже

переделали под новые помещения, но Максим не успел избавиться от всех вещей. В частности, вещи из квартиры одной бабушки, наследники которой так и не объявились, решили оставить в нетронутном виде, просто перенести на чердак.

— Ох, прошу прощения за следы кофе, — Вадим помог Зонену подняться на пыльный чердак, где стояла древняя мебель. Рядом с маленьким окошком во внутренний двор поставили хорошую тумбочку, только вот кто-то забыл на ней чашку кофе, и остался след.

— Ничего, я понимаю, — Зоннен с тоской провел рукой по маленькой рамке с фотографией, на которой фотограф поймал во времени милую девушку с малышом на руках, — Мы расстались, когда я был еще маленьким. Она отдала меня в военное училище в Пруссии, а сама уехала играть в Русском театре.

— Мы не смогли найти ее нотариуса и выкупили квартиру у банка, — объяснил Вадим.

— Я вызвал нотариуса из Пруссии, он приедет через несколько недель, — пруссак повернулся к Вадиму, — надеюсь, вы не будете против, если я заберу вещи.

— Конечно, мы ждали, когда объявятся наследники.

— Спасибо, правда, — улыбнулся Зоннен.

— Вам есть где остановиться? — Вадим решил проявить вежливость.

— Да, не стоит беспокойства. Если только...

— Если только?

— Да, я совсем не знаю города, даже квартиру собственной матери искал так долго. Я, кроме людей из посольства, никого и не знаю, — Зоннен покрутил котелок в руках.

— Вы надолго в России?

— О, теперь надолго, кайзер решил расширить посольство.

— Отлично, — откровенно обрадовался Вадим, — тогда, я смею вас пригласить на бал. Его устраивает один мой знакомый, собирается очень и очень приличное общество.

— Буду рад.

Вадим выпроводил гостя, обменявшись визитками, и проводил взглядом уходящий экипаж.

— Вот жук, ностальгия по матери, а фотокарточку не забрал.

Покрутив в руках трубку, Вадим плюнул и пошел на второй этаж. В большом зале для совещаний за длинным столом собрались все приближенные Вадима. На стенах к картам столиц и империи добавилась карта мира с уточненными материками. Вадим повесил черную шубу и сел во главе стола.

По правую руку сидел довольный Кондрат. У него из кармана жилета торчала золотая цепочка от часов. Слева сидел угрюмый Захарченко, правую руку он прятал под пиджаком, поэтому рукав свободно свисал. За Кондратом сидели Алексей и Микола, напротив них Ханна и помощник Максима. Сам же Максим сидел напротив Вадима, в другой голов столу. У двери в зал остались слуги, в углу комнаты тихо сидел Егерь и делал вид, что читает газету. Вадим улыбнулся и незаметно погрозил ему пальцем, прежде чем начать.

— Ханна, милая, как дела у Дмитрия? — осведомился Вадим и жестом приказал слуге у двери подать напитки.

— Вадим Борисович, рана оказалась пустяковой, но...

— Но?

— Федор Петрович предложил вылечить спину Дмитрию, — Ханна говорила осторожно, боясь сглазить.

— Это возможно?

— Он заверил, что да. С помощью доктора Пирогова, они смогут.

— Ханна, это же отличные новости, — обрадовался Алексей, который сидел напротив, — доктор Гааза первоклассный специалист, мы сами у него не раз бывали.

— Звучит, многообещающе? — Ханна не оценила договоренность доктора и "охранников" Вадима, — я не в восторге, что доктору приходится выковыривать из вас пули, но хорошо, что он есть.

— Ладно, — Вадим встал и пошел к карте империи, — нужно подвести итоги: вы хорошо поработали, но мы в дерьме! По уши!

По залу прошелся гул непонимания. Вадим же взял карандаш и на карте обвел Петербург.

— Вот до чего нас урезают.

— Вадим, есть корабли, — встрял Максим.

— Какие? Много три парусника натаскивают расписных кроватей, костюмов и чугунных печек? Клиенты сами на шею нам вешаются, кричат продайте еще! Еще! — Вадим обвел всех взглядом, — скажете "мелочь", найдем корабли! Я скажу, что сейчас мы будем платить десять копеек за фунт, через полгода будет двадцать, потом и до рубля дойдем.

Максим расстегнул пуговицу на воротнике рубашки.

— Максим, где мне чинить Вестника? Где чинить трофей? На берегу? — Вадим указал карандашом на делового партнера, потому что сейчас шло совещание компании, а не кучки друзей.

— Я разберусь, — заявил Максим и указал помощнику записать.

— Будь добр, — добродушную улыбку, Вадим превратил в оскал, — а что у нас с дорожным сообщением? На дорогах в Москву нет пробок?

— Каких пробок, — не понял Кондрат, которому и предназначалась улыбка.

— Проблем, осложнений, задержек.

— Аа, еще есть, — честно признался Кондрат, — но мы работаем.

— Да? И сколько груза прошло за прошлый месяц? Пятьсот пудов? А по железной дороге?

— А что с железной дорогой? Ее еще делают, — сказал Микола и прикусил язык.

— Ой, чей это я голос слышу, — Вадим подошел к его креслу и оперся на спинку, — друг мой сердечный, а к чьим воротам подходит новая железнодорожная ветка? Почему я должен узнавать, что Сергею Петровичу для дороги приходится покупать экскаваторы в Англии? Сука, у нас железнодорожная ветка подходит к механическому заводу, а Мальцев закупается у конкурента и везет машины через моря!

— Вадим Борисович, Дмитрий выздоровеет, разберемся, — хриплым голосом пообещал Микола, но Вадим ударил по столу так, что подпрыгнули все.

— У нас что в стране один понимающий инженер? А если Дмитрий того, тьфу — тьфу, — Вадим постучал по столу, — то все, встанет завод?

— Нет конечно, исправимся, — кивнул Микола.

— Микол, а что такое экскаватор? — тихо спросил у него Алексей.

— Потом, — прошипел Микола.

— Дорогая Ханна, ты больше полугода управляешь этим торговым домом, что у нас с ассортиментом?

Ханна подобралась.

— Все хорошо, товар поступает вовремя, на полках не задерживается.

— Хорошо, когда ожидать магазины в других городах?

— Но Вадим Борисович! Я же управляю магазином только здесь! — Ханна покраснела от возмущения.

— С таким отношением, ты через полгода и за этот не будешь отвечать. Я успел на войне побывать, а у нас народ как мальчишки зазывали, так и зазывают!

Вадим пошел вокруг стола, чтобы следить за ним стало некомфортно вообще всем.

— Вы думаете, что я злой, — он не спрашивал, а утверждал, — а я думаю, что мы здесь собрались, чтобы зарабатывать деньги. Как вы их хотите зарабатывать, если нас ужимают, до размеров городка?

Вадим подошел к карте и несколько раз обвел столицу.

— Большие дяди посмотрели на Вестника, посмеялись над нашими потугами и поставили стенки. Еще пара месяцев и нас пинком загонят в конуру, наденут ошейник и заставят грызть кость. Просто укажут место! И если этого не видите вы, то я помогу!

В дверь постучали, и в зал заглянул слуга с чаем и сладостями.

— А, угощения, — Вадим взял с подноса мятный пряник, — уноси, они не заработали.

Жуя пряник, Вадим вернулся к столу и из кожаного портфеля достал скрепленные листы.

— А теперь экзамен, передавайте дальше, — Вадим показал Михаилу на Ханну и помощника Максима.

— Вадим Борисович, еще есть проблемы с кварталом для бедных, — Кондрат передал листы и кашлянул, — народ нервничает, как бы полиция ни вмешалась, да и людей мы похватали немало.

— Знаю, все в процессе, — Заверил его Вадим, — и да, Седого теперь будет искать Михаил. Так ведь?

Он многозначительно посмотрел на Захарченко, который с готовностью кивнул.

— Ты разберись с кварталом и проблемами на дорогах.

— Все сделаю, — Кондрат ответил неуверенно, потому что начал читать вопросы теста.

— Егерь, тебе особое приглашение нужно? — от неожиданного вопроса, охотник подпрыгнул в углу.

— А где, вашблагородие?

— Здесь, — Вадим постучал по спинке своего кресла. Егерь медленно с высоко поднятым подбородком сел за стол со всеми и почесал щеку, разглядывая тест. Вадим же усмехнулся и достал из портфеля песочные часы.

— Время пошло! И не списывать! — он ударил карандашом Алексея по руке.

Целый час в зале слышался только скрип графита о бумагу, потом пошли тяжелые вздохи и тихий мат. Вадим ходил вокруг стола как строгий учитель и был уверен, что материлась именно Ханна. Захарченко тихонько постанывал, поправлял руку и дальше продолжал писать. Максим же больше хмурился и потел. Микола впал в протрацию и минут пять пялился на тест. Алексей же с высунутым языком что-то усердно рисовал.

— Время, — голос эхом пронесся по кабинету, как маятник часов перед казнью, — сдаем работы. В углу только подпишите.

Вадим собрал тесты и остановился за спиной у Егеря.

— Видя ваши серые, болезненные лица, мне прям становится легче, — он улыбнулся и сверкнул пенсне, — так я понимаю, что вам не все равно! К концу следующей недели мы ОБЯЗАНЫ прорвать наземную и морскую блокады, или, — он развел руками и встал!

дверях из зала, — нашим врагам все равно богатые вы, бедные, благородные или мещане, мужчины или женщины.

Дверь захлопнулась. Повисшую тишину нарушил одинокий всхлип.

— Ханна, милая, ну-ну, — Алексей принялся утешать женщину, — он же незлой.

Просто мудака.

— Давайте найдем убийцу? — предложил помощник Максима, — он подкараулит Вадима Борисовича и пристрелит.

Здесь он изобразил звук выстрела. А Захарченко нервно заржал, когда представил бедного убийцу.

— Пошлите в Злого китайца? — предложил Алексей.

— Куда? — не понял Захарченко.

— Ну ресторан, мы его переименовали, для как там, — Алексей закрыл глаза, чтобы вспомнить слово.

— Для антуражу, — подсказал Максим и встал, — без меня, и так изжога началась.

Выйдя с собрания, Вадим сразу отправился в адмиралтейство, по приглашению Горынина. Хотелось, конечно, заехать в ресторан к Есиславу, но дела не могли ждать.

Адмирал занимал большой кабинет, в котором все дышало монументальностью. Мраморные колонны подпирали потолок с нефритовой плиткой. На стене у Владлена Иоанского висел портрет императора и военного министра.

— А, Вадим! Заходи, заходи, приятно видеть радостное лицо, — адмирал встал, чтобы поприветствовать гостя.

— Взаимно, ваше превосходительство, — Вадим пожал руку.

— Ну, Вадим Борисович, давай без этого.

— Можно и без этого, Владлен Иоанович.

Они сели рядом за рабочий стол адмирала.

— В общем, такое дело, — Горынин постучал по милой фигурке корабля в бутылке, — не дадут тебе строить береговые крепости. "Пушай домики богатеям строит, с него хватит."

Передразнил адмирал.

— Последнее время, я чувствую удавку в столице. Как будто меня здесь душат, — поделился Вадим, — я вот думаю, может, стоило оставаться на Кавказе, да и сгинуть там.

— Хватит, — Горынин ударил рукой по столу, но перестарался и убрал руки под стол, чтобы скрыть дрожь, — у каждого на пути есть трудности, так что же из-за каждой волны, бросать корабль на берег?

— А большая волна? — осторожно спросил Вадим, на что получил от Горынина кивок в сторону портретов, — ого, волна, такая и смыть может!

— Да нет, та, что поменьше, — объяснил адмирал и махнул рукой на военного министра, — завидует он что ли. Я договорился, чтобы твои фабрики поставляли нам кирпич. А инженеров и строителей мы своих возьмем.

— И на том спасибо.

— И это, Вадим, там все должно быть хорошо, чтобы комар носу не подточил.

— Все будет хорошо, — заверил его Вадим.

— Эх, сейчас бы на охоту, а не вот это все, — разоткровенничался адмирал.

— Так, давайте Есислава позовем и на недельку.

— Да куда там, — отмахнулся Горынин, — как осень началась, у него осколок в спине

ныть начал. Ты бы сходил, проведал старика.

— Конечно, только что за осколок?

— Ну, еще с отечественной сидит, зараза, — объяснил Горынин.

— Хм, я понял конечно, загляну. И еще раз, спасибо. С меня причитается.

— Ха, куда ты денешься лис. Только на бал приди, — бросил Горынин вслед уходящему

Вадиму.

16 ноября 1841

— Ваше императорское Величество! — Месечкин вытянулся до треска пуговиц на мундире. Он приехал к государю на отчет в Гатчину.

— Доброго дня, Алексей Игнатьевич, что у вас?

— Два дела, — он расстегнул портфели, положил императору на стол папку.

— Проект преобразования преступных кварталов в городах, — прочел название проекта Николай Павлович.

Месечкин молчал, пока император изучал предложение.

— Мда, и что вы будете делать с этой "дружиной"?

— Мои люди выяснили, что оставленные без попечения люди чаще всего становятся бандитами, на пятой странице статистика, — подсказал Месечкин, — на добровольные средства гильдий, мы сможем дать людям правильное образование и если быть честным, просто легализовать. У нас сил не хватит возвращать всех сбежавших помещикам.

Император хохотнул.

— Добровольные пожертвования, от этих крохоборов, — Николай Павлович утер усы, — а что это за правильная программа обучения? Сами придумали?

— Нет, что вы. Это идея самого святейшества митрополита.

— И она у вас с собой?

— Все так, Ваше Величество, — Месечкин положил на стол императору книгу и пять листов.

— А это, что? — Николай Павлович пододвинул к себе тест.

— Его высокопреосвященство назвал сей труд "духовные листки".

За их изучением император подвис на час.

— Уберите их от меня, — он отодвинул четыре исписанных листа, — Это не "духовные листки", а наказание.

— Согласен, — грустно выдохнул Месечкин, вспоминая свой опыт знакомства с тестом, — но какая вещь, ваше императорское величество.

— Вещь, — согласился Николай, — садись, Алексей Игнатьевич.

Месечкин сел напротив императора, он целый час стоял в таком напряжении, что не заметил как сильно устал, пока не почувствовал мягкие подушки кресла.

— И что с этим дальше делать? — Николай указал на тест.

— О, а дальше самое интересное, — Месечкин надел очки и достал из портфеля книгу для расшифровки. Самой методики расшифровки там не было, только заранее подготовленный для императора результат, — я поражен.

Николай Павлович изобразил равнодушие и поинтересовался:

— И что там?

— Ну вот, например, из теста следует, что вы сильная и независимая личность, склонная не доверять авторитетам. Возможный великий лидер, если сможете прислушиваться к людям с противоположным мнением.

— Звучит как китайский гороскоп.

— Что вы! Только наука и богатый опыт в духовных делах наших духовников, — Месечкин изобразил возмущение, — только его высокопреосвященству не говорите.

Николай Павлович засмеялся.

— Хорошо не буду. Но это все серьезно?

— Ваше Величество, я сейчас тестирую всех служителей отделения. Для расшифровки мы думаем привлечь стороннюю фирму, чтобы избежать слухов о "подкупности".

— Надежная фирма? Не хотелось, чтобы, — император постучал по тесту пальцем, — к кому-нибудь попали.

— Конечно! В фирме не будут знать имена, только номера, да и другие мероприятия по скрытию личностей.

— Интересно, — Николай Павлович задумался, — но слишком, ново.

— Конечно, поэтому предлагаю попробовать сначала на Петербурге. Здесь работа уже налажена, моему отделу все знакомо.

Император сомневался, он пододвинул к себе проект и полистал.

— Так что на счет добровольных пожертвований?

— Рад, что вы спросили, — Месечкин встал и подошел к двери кабинета, — заносите.

— Ваше императорское величество!

Молодой хорунжий поприветствовал императора и вытянулся по стойке смирно. К руке у него наручниками был прикован портфель.

— Вольно, — Николай Павлович удивленно посмотрел на Местечкина, — удивляете Алексей Игнатьевич.

— Сейчас все покажу, — Месечкин достал ключ на верёвке, который висел у него на шее под мундиром, чтобы открыть портфель. Внутри лежали собранные Вадимом до отъезда на Кавказ сведения от Старейшин. Они сдали своих подельников из числа торговцев.

— За это нужно судить! — заявил император, ознакомившись с личными делами торговцев первой, второй и третьей гильдии. Он встал из-за стола и нервно прошелся по комнате. Хорунжий за спинами большого начальства умело притворялся тумбочкой.

— За самое плохое мы уже осудили, за остальное же, — Месечкин притворно вздохнул, — по вашей команде, конечно осудим, но Ваше Величество, мы так без торговцев останемся. Это какой урон стране будет? А так, пусть лучше они добровольно помогут побороть преступность.

— Преступность, — Николай Павлович успокоился и сел за рабочее место. Он оглядел стол и расправил рукава мундира, — вы говорили об этом с Бенкендорфом?

— Честно говоря нет. Я надеялся, провести эксперимент без отвлечения Александра Кристофоровича.

Если Месечкин отвечал за жандармов в Петербурге, то Бенкендорф руководил всем третьим отделением и юридически был шефом Месечкина.

— Он хорошо отзывался о вашей работе.

— Благодарю, — Алексей Игнатьевич даже втянул живот.

Николай еще сомневался, но посмотрел на листы с тестом и решился:

— Эта ваша дружина, не подведет?

— Помощь полицейским. Обучим, накормим, оденем, будут помогать государству, а не о гнусности думать, — заверил императора Месечкин.

— Ну хорошо, начинайте свой эксперимент.

— Слушайте сюда шваль, большие люди договорились, и теперь вы получите не только право попасть в наши ряды, но еще и справку о гражданстве, — Кондрат надрывал горло перед нестройными рядами мужиков в потрепанной одежде.

Их набирали из бедного квартала, обещая должность в организации. Тех кто согласился, собрали на перроне, выдали каши и круглые деревянные палки. А потом пришел Мясник Кондрат.

— Станете не беглыми крестьянами, а городскими с настоящими документами. Больше не нужно будет прятаться по халупам от околоточных, не надо будет попрошайничать, бегать от хозяина лавки, потому что стащил кусок хлеба! Докажите, что вы хотите лучшей жизни! Что вы достойны ее!

Люди в серых шинелях открыли двери вагонов и мужики погрузились внутрь. На улице стояли холода, но никто не жаловался. Шанс вырваться из бедного квартала выпадал редко, и мужики не собирались его упускать.

Загудел паровоз и состав тронулся. Через щели в стенах вагона задувал ветер, пока мимо проносились деревья. Мерное покачивание усыпляло, гипнотизировало. Состав остановился, и по улице прошелся свист. По вагону постучали, прежде чем Кондрат распахнул двери.

— А ну, живо! Пошли, пошли! — он выгонял дружинников на перрон.

— Что здесь происходит?! — из новенького вокзала вышел дозорный.

— Плановая проверка! — крикнул Кондрат и огрел служащего по голове рукоятью револьвера, — Проверить вокзал, вязать всех!

Дружинники оцепили станцию, хватая грузчиков и служащих, чтобы собрать их в маленькой теплой коморке.

Кондрат следил за новичками со стороны, пока они не отловили всех.

— Уважаемые, ответите на вопросы, и мы вас отпустим. Недавно здесь проходил состав, — Кондрат облизнул палец и перелистнул страницу записной книжки, — тринадцатый состав. Все бы хорошо, но после вашей станции пропало двадцать пудов красителя. Нехорошо, правда?

Начальник станции тяжело сглотнул. По голове у него стекала капля крови из разбитого лба.

Через час отряд дружинников уже пробирался к отдаленной деревеньке. Они мерно тряслись на изъятых в вокзале телегах по разбитой погодой дороге.

Десяток домов, покрытых снегом, стоял посреди ничего. Покошенные домики, за которыми, похоже, никто не ухаживал последние пару лет. И деревенька бы выглядела заброшенной, если бы не густой дым из труб.

— Разойтись по кругу, будем заходить сразу вместе, — скомандовал Кондрат.

Дружинники выпрыгнули из телег и пошли к домам, пробираясь через мелкие сугробы.

Кондрат достал из пальто револьвер и взвел курок. Он нервничал, нервничал, что оставил большинство бойцов вместе с Захарченко, а сюда пошел с салагами. На крышу дома села жирная такая ворона и громко каркнула, как бы насмехаясь.

— Тьфу, нечисть, — сплюнул Кондрат и пошел к самому большому дому. Хлипкую дверь он выбил ударом ноги. Дружинники заваливались толпой. На Кондрата поднялся здоровый бугай с слипшейся бородой.

— Сидеть! — Кондрат встретил его пинком в грудь, отправив в чулан. Поднялось облако пыли, бугай болезненно застонал.

Под ругань и звуки ударов дружинники выгоняли мужиков на улицу.

В доме на окраине прогремели выстрелы. Посыпалось стекло. Дружинники и мужики на улице пригнулись. Дверь домика открылась, оттуда вышел бандит с многоствольным ружьём Нока.

— Вы ко мне пришли?! Ко мне!

— Черт, — Кондрат прыгнул за забор, чтобы спрятаться от пальбы.

Выстрел, выстрел, выстрел прогремели подряд. Доска над головой Кондрата разлетелась на щепки.

— Это четвертый? — спросил Кондрат у дружинника, который прятался рядом.

— Пятый вроде, вашмилость.

— Посмотри, — попросил Кондрат.

Дружинник шмыгнул носом и поднял голову, глянуть.

— Вроде все, ваша... — выстрел не дал ему закончить. Пуля пробила лобную долю и расколола затылок.

Кондрат подхватил опадающее тело и прикрылся им как щитом. Свежая кровь пахла до тошноты ужасно.

— Что, портки намочили? — орал стрелок с дымящимся ружьем в руках.

— Пока, — Кондрат навел револьвер и выстрелил. Стрелок дернулся, между глаз у него потекла кровь.

После боя к Кондрату подошел дружинник, чтобы доложить:

— Вашмилость, груз нашли, но мы тут с ребятами покумекали, лежанок много, а мужиков в деревне мало.

Кондрат мысленно оценивал, какого размера отряд и как давно ушел из деревни. Здесь двадцать человек караулили украденный с поездов товар, пока больше сотни ушло в сторону столицы.

— Собираемся и уходим, этих с собой берем, — Кондрат указал на пленных, — мы же дружина, сдадим полиции.

— Хех, понял, — улыбнулся дружинник и убежал.

Тяжелая карета с четверкой лошадей подъехала к дому доктора Гаазы. Вадим вышел в черной шубе и подставил лицо под свежий ветер. Было что-то такое в солоноватом запахе, что будоражило его рецепторы дейтерия. Ведь на кубический метре морской воды приходилось тридцать три грамма этого фантастического изотопа.

— Пахнет домом, — прошептал Вадим и пошел к дверям дома, в которых его ждала старая ключница.

— А что будет, ваш милость, если я не разрешу вам зайти? — хитро прищурилась она.

— Ничего такого, — Вадим пожал плечами, — я крикну погромче, придет доктор и поругает вас, что вы меня на улице морозите.

— Тьфу, нечисть, — сплюнула старушка и уступила дорогу.

— Все мы не без недостатков, — улыбнулся Вадим, заходя в прихожую.

Доктор работал в кабинете, зарывшись по голову в бумаги. Вадиму пришлось несколько раз постучать по дверной раме, чтобы отвлечь Федора Петровича.

— Кто там?

— Свои, — отозвался Вадим, проходя в кабинет. — Вас можно поздравить, профессор?

— А-а-а, Вадим! Проходи проходи, сейчас прикажу подать чаю, — доктор уже встал, чтобы крикнуть слугу, но Вадим остановил его жестом, и Гааза поправил очки, продолжая разговор, — Доктор Пирогов, сказал, что если я не пойду к нему на кафедру, то он станет приводить сюда студентов. Как же я тогда буду работать?

— А работы много? — Вадим подошел к столу и взял почитать один из листов доктора.

— Полно! Мы сейчас пробуем ваши лекарства и какой эффект! Я уже четырех человек вылечил от зубной боли! Да что там, у меня самого голова прошла.

— Рад слышать, — честно признался Вадим, — как себя чувствует Дмитрий?

— О, богатырь, а не человек. Еще месяц и бегать будет! Ну почти. Ваши лекарства хороши, но не настолько. У него сильно атрофировались мышцы за время бездействия, я пока не представляю, как их возвращать в рабочее состояние. Но доктор Пирогов обещал подумать, и даже что-то говорил про массаж.

Вадим улыбнулся. Для действительно мощных лекарств, а не на основе анилина, из которого он еще делал краски, просто не хватало мощностей его завода. Даже чтобы запустить серийное производство зеленки и ацетанилида, нужно будет целый комплекс. Пока же он мог поставлять доктору небольшие дозы, которые, впрочем, на полках не залеживались. Очереди не стояли к Гаазе только из-за узкого круга посвященных.

— Если Дмитрий идет на поправку, то у меня будет к вам просьба посмотреть одного очень уважаемого человека.

— Это конечно, но мне нужно закончить исследование, — Федор Петрович показал на бумаги.

— Я понимаю, но там случай не простой. Застарелая рана, я думаю, что осколочное ранение еще со времен Отечественной.

— Вадим Борисович, я даже не знаю, — Федор Петрович с сомнением погладил перьевую ручку.

— Не хотите рисковать?

— Да нет, риска я не боюсь.

— А что тогда? — Вадим подошел ближе, взял свободный стул и сел рядом с доктором, сравнившись с ним взглядом, — доктор, мы оба понимаем, что с началом полноценной учебной практики, у вас не останется времени на врачевания. А доверить своего друга, я могу только самому опытному специалисту вроде вас.

— Думаете? — в глазах профессора загорелись огоньки тщеславия.

— Конечно, только в ваших руках сделать скачок, превратить хирургию в новое искусство и передать мастерство следующему поколению докторов. Один ваш студент передает привет с Кавказа и благодарит, за полученную от вас науку.

Федор Петрович даже покраснел, как засмутился.

— Хорошо, вы правы! Использую накопленный опыт.

— Другое дело, — улыбнулся Вадим, — теперь можно и по чаю.

— Какому чаю? — доктор встал из-за стола и принялся одеваться, — поедem сейчас же!

Они выехали за город, в сторону усадьбы Есислава. Ухоженный парк занесло тонким слоем снега, но дорога к дому была расчищена. Дорогих гостей встретила Жанна — гувернантка Есислава. Сам же Есислав Павлович лежал в кровати под большим пуховым одеялом и изображал мученика.

— Господа, простите, что не встречаю лично. Спина ноет, — пожаловался хозяин и как-то притворно поморщился, — Жанночка, приготовь гостям чаю.

Есислав Павлович отослал гувернантку и проследил за ней взглядом, чтобы дожидаться, когда она уйдет, а потом резко отбросил одеяло и закричал.

— Есислав Павлович, позвольте вам представить доктор Гааза Федор Петрович. Очень очень опытный врачеватель. А это, Есислав Павлович или же как я в шутку говорю —

первый российский деревянный мультимиллионер!

— Вадим, ну ты скажешь тоже. А так приятно, приятно, — Есислав Палович пожал доктору руку после того, как отсмеялся.

— Я привел Федора Петровича, чтобы он посмотрел вашу спину, — объяснил Вадим.

— Ха, я слышан о вас, Федор Петрович, вас очень хвалили.

— Спасибо, — доктор поправил очки и поставил на пол сумку с инструментами, — а теперь давайте я вас посмотрю.

Есислав повернулся к доктору спиной и поднял нательную рубаху.

— Господа, я не буду мешать, — Вадим пошел на выход из спальни.

— Вадим, мы еще поговорим! — пообещал Есислав, прежде чем двери закрылись.

Доктор закончил осмотр раньше чем вернулась Жанна с чаем и сладостями. Беседу они продолжили уже за столом.

— Ну что я хочу вам сказать, — начал доктор, подув на блюдце с чаем, — шанс есть.

И старый интриган замолчал, стреляя глазками то в Вадима то в Есислава.

— Вы Вадим, оказались чудовищно наблюдательны. Ранения Есислава Павловича и Дмитрия очень похожи по своей сути. С новыми лекарствами мы проведем операцию и извлечем осколок.

Есислав Павлович не сразу поверил словам доктора, он много лет наблюдался у отечественных докторов и все оставались бессильны перед ранением.

— Не только лекарства, — вставил Вадим, — я подготовил новый набор хирургических инструментов, хотел сделать вам подарок в честь назначения.

— Что же в них такого особенного? Я своими инструментами пользуюсь много лет, — удивился доктор. Вадима же передернуло. Еще не существовало развитой теории микробных болезней, но доктор подбирался все ближе и ближе.

— Новая сталь. Я не совру, если скажу, что за ней будущее, ведь она не ржавеет!

Вот здесь даже Есислав подобрался. Пусть он в основном и занимался деревообработкой.

— В любом случае, будет интересно посмотреть. Ваши лекарства на основе красок уже помогли совершенно, — согласился доктор.

Федор Петрович, отправился домой, чтобы готовиться к операции, а Вадим пока остался погостить у Есислава. Двое давно не виделись и допоздна обсуждали поездку Вадим на Кавказ. Беседа закончилась, когда Жанна отправила всех по кроватям. Сразу чувствовалось, чья рука в доме самая тяжелая.

Вадим уехал утром в хорошем настроении. Он не поднимал деловых вопросов, но заметил нешуточный интерес со стороны Есислава.

Сейчас же он поехал в укромное место на краю города. Там Кондрат собрал интересных и прославленных личностей из среды бандитского Петербурга.

На охране вытянутого барака стояла тройка вооруженных людей в серых шинелях. Правда, оружие они прятали и не показывали, до тех пор, пока к бараку не подходили посторонние. Вадим порадовался поставленному караулу и пошел смотреть авторитетов, которых держали в Гостевых “комнатах”.

— Так, начнём по списку, — Вадим остановился у третьей комнаты, — Белка, она же Белла Школьник.

Белла Школьник сидела в чистой комнате с кроватью, тумбочкой, столом парой стульев и большой книжной полкой. Она молча рассматривала мрачного мужчину в черной шубе. Он сидел за столом и внимательно изучал ее тест. Десять страничек со страшным экзаменом, который ей пришлось пройти под пристальным присмотром этого же человека.

Хотя назвать живым мужчиной, человека который не реагировал ни на оголенную щиколотку, ни на томные вздыхания, ни на покрасневшие щеки, Белла не могла. Скорее перед ней сидел какой-то хитрый механизм, очень достоверно изображающий человека. Механизм, на который натянули бледную кожу, научили ходить, говорить и думать, только забыли выдать человеческие глаза.

— Вы же Призрак?

— Смотря о чем вы, — ответил Вадим, не отрываясь от теста, — если о моей природе, то нет, не призрак. Если вы о моем прозвище, то да.

— А это правда, что вы съели Пастыря, Доктора, Князя?

— Кто такое говорит — безбожно врут, я только надкусил, — Вадим щелкнул зубами, отчего Белла съежилась. Настроение задавать вопросы у нее как-то исчезло. Призрак же улыбнулся, просматривая последнюю страницу теста.

— Честно говоря, я поражен.

Белла молча уставилась на бледные, словно покрытые пленкой глаза.

— С такими талантами вы бы могли ого-го сколько всего! Вам сейчас сколько? Двадцать? — он прищурился, пристально изучая лицо, а потом сказал: — Дайте руку.

— Вы ее укусите? — робко поинтересовалась Белка.

— Я ее посмотрю, — руки Призрака оказались теплыми, он молчал, пока разглядывал миниатюрную по сравнению с его ладонь, — вам полных семнадцать лет. Морщинки от тяжелой жизни. Давно осиротели?

— Какие морщинки? — забеспокоилась Белка.

— Маленькие, — пробурчал Вадим, недовольный, что она сменила тему.

Наступила тишина. Призрак думал, а Белка не решалась заговорить первой. Она уже несколько недель сидела в этой комнате, почти без права выхода. Люди в сером их выгуливали по одному, еду заносили каждому отдельно, переговариваться не разрешали.

— Значит так, Белла Школьник, ты жить хочешь?

— Конечно.

— А хорошо жить?

— Ну, тоже можно.

— А очень хорошо?

— Что, вот прям здесь? — Белка посмотрела на одинокую кровать.

— Не прямо здесь и не прям со мной, — Вадим откинулся на спинку стула, отчего тот жалобно заскрипел. — Вас нужно будет подготовить для работы в другой стране. Пока не скажу где и с кем.

— А если я не согласна? — спросила Белка, потому что не могла не спросить.

На это Призрак развел руками и притворно печально вздохнул.

— Поняла.

— Вот и отлично. Переселим вас пока в более приличное место, присмотрите себе

парочку хороших нарядов и учителей. Вам понравится, — он подмигнул и ушел из комнаты.

— Вот же жопа, — Белка замахнулась кинуть подушкой в дверь, но передумала. Мало ли этот чудак стоял бы за дверью и подслушивал.

Трущобы содрогались от поднявшейся суеты. Ночлежки и старенькие домики наводнили строители и люди Призрака. Старинные кварталы перестраивали или полностью сносили. Люди сопротивлялись, нападали на серых, бросались в драки, но процесс шел. Михаил устроил полевой штаб в новом здании, которое возвели для местного самоуправления.

На роль будущих чиновников выбирали договороспособных местных, которые десятилетиями договаривались с большими бандами и тихо вели маленький бизнес, сдавая койки сбежавшим крестьянам, рабочим и преступникам. Вообще, Петербургские домовладельцы отличались редкостным тщеславием. Даже в беднейших районах дома эти барыги соревновались за лучший внешний вид строения. И чем ближе к центру столицы, тем жарче становилось противостояние. Ситуация начала меняться около года назад со строительством новейших круглых кирпичных печей. Стоимость новых домов немного, но упала. Вадим тихо начал скупать землю вдоль железной дороги и Московского шоссе, чтобы построить там в будущем жилые комплексы, но пока руки не доходили. Городское население росло медленно, но верно. Восемьдесят процентов города на четыреста пятьдесят тысяч человек состояло из доходных домов.

В Петербурге работало больше трехсот пятидесяти промышленных предприятий, если считать вместе с Заводским и каждому рабочему, его семье, студентам, чиновникам и аристократии требовались квартиры, комнаты или койки. Обычно на квартиру уходило до четверти заработной платы жильца. Для богатых квартиры от пяти до пятнадцати комнат за пять тысяч в год, это не считая прихожей, кухни, ванной, в такой, например, жил Вадим.

Новые общежития строили с длинными коридорами, к которым выходили множественные комнаты. Здания строили высотой в пять этажей, с применением новейших машин из Заводского. На первом этаже размещали кухни, прачечные и квартиры коменданта общежития.

Михаил отпустил уже третью группу торговцев, которые приходили договориться лично о “добровольной” оплате на содержание бедных кварталов. Захарченко улыбался, ничего не обещал и все-все и всех-всех записывал. Он бы попросил Вадима о другой работе, но раз в час-два прибегали уличные мальчишки с докладом. Вот и сейчас, к нему заглянул паренек лет десяти.

— Вашблогородие, тут эта, новости.

Михаил кивком подозвал паренька ближе.

— Значиса, мой хозяин два дня назад видел, как в порт пришло много босяков. Все злые как черти, и трезвые!

У Михаила поднялась бровь.

— Вот тебе крест, вашблогородь, — паренек перекрестился. Выглядел он худеньким, но одежда целая, чистая, как на скелете не висела.

— Что за лавка?

— Так это, обувная. Ну я помогаю, в следующем году обещали сделать подмастерьем! — паренек с гордостью выпятил грудь.

— Понятно, это все? — Михаил здоровой рукой достал тетрадь, чтобы записать слова

маленького разведчика. Вадим назвал его амбидекстром, за умение красиво писать обеими руками, потом-то Захарченко от доктора Гаазы узнал, что это научное название. Медицина точно не входила в интересы майора.

— Нет, вашблагородь. Там еще, в тех же складах, вернее, появлялся один хосподин с цилиндром на голове и нерусской речью.

— Это тоже хозяин рассказывал? — нахмурился Михаил.

— Нет, вашблагородь, это я уже бегал посмотреть. Ну посмотрел, — парень замялся, — они из ящиков ружья доставали.

— С чего ты взял, что именно ружья?

— Да что мы, в порту солдат никогда не видели? Ружье каждый узнает, вот! — парень перекрестился.

— На, — Михаил бросил гривенник парнишке, — за хорошую работу.

— Благодарствую, — разведчик спрятал монету за щеку и убежал.

Михаил же проводил его взглядом и постучал пальцами по тетради. Он записывал уже третье донесение о группе вооруженных людей в доках. Пока Кондрат зачищал дороги, именно Михаил отвечал за город.

Из администрации пацан выбежал на дорогу и скрылся в узких улочках еще старинного квартала. Он прошел в узкий дворик-колодец, где его ждал пузатый господин с бледным лицом утопленника.

— Вашблагородь, се сделал, — отчитался паренек и неуверенно добавил, — вы же отпустите сестренку?

— Конечно, ее отпущу, я же не монстр какой-то, — засмеялся Седой и поманил парня ближе.

Улыбчивое лицо Седого поплыло, как восковая фигурка. Парень не успел закричать как Седой поднял его за плечи и затолкал в огромную глотку. Он запикивал в себя парня постепенно. Как большой удав он съедал жертву целиком, только в редких случаях оставляя куски, когда уже совсем не лезло. Вот пара маленьких ножек исчезла в бездонной глотке.

Сперва Седой не понимал, почему от одних людей его воротило, а на других он не мог спокойно смотреть, а потом дошло: чем аппетитнее выглядел человек, тем больше болячек у него было. Самые вкусные часто хромали, ходили с сыпью или страдали от недержания, некоторые мучались головными болями или отдышкой. Съедая такого больного, он делал мир чище, поэтому Седой мог смело называть себя санитаром города. Мелкие разборки между бандами его не особо интересовали, но возможность прекратить бессмысленные убийства и направить энергию на более важную, всеобщую миссию, его определенно интересовала. Не зря же Седой на свет появился именно таким.

В салоне на первом этаже ателье Реймах поздно вечером горел свет, а у входа ждало несколько экипажей. За чаем с бисквитами собрались дамы, чтобы обсудить вопросы столичной моды. Ателье сильно преобразилось с момента, когда в его двери впервые вошел Вадим. Не проходило и дня, чтобы уважаемые люди не заказывали костюмов и платьев. Ученики военных академий, больше не могли позволить себе строить здесь мундиры, зато с гордостью хвастались друзьям, что когда-то покупали именно здесь.

Гости сидели вокруг нового кофейного стола на витых ножках. К Гертруде пришли Ханна Волович, Гордикова Евдокия Романовна, Варвара Федеоровна Гааза, Дарья Мальцев.

и другие.

— Я вот что вам скажу, мы тоже должны проявлять смелость! — говорила Дарья на французском, продвигая более смелые французские веяния общества.

— Милая, смелость это одно, а порядок — другое, — не согласилась Гертруда, — вот недавно я купила мастерскую для панье. Смело? Думаю, что да. Нельзя сидеть только с тем, что досталось от родителей, нужно развиваться.

— Голубка, но не у каждой в друзьях есть Фабрикант, — поправила ее Евдокия Романовна. Она как жена известного банкира, пользовалась определенным авторитетом, — сейчас в моде пение и стихи. Выучите несколько поэм — уже покажите себя с лучшей стороны.

— Не у каждой, в друзьях миллионщики, — согласилась Гертруда, — но бог дал нам силы думать самим. С опорой под боком, конечно, легче, — она грустно улыбнулась, — но человек предполагает, а бог располагает.

Дамы заговорили не сразу. У каждой в жизни случались печали и сожаления. Каждая училась с ними жить, пронося сквозь время как ценное воспоминание.

— А я даже не знаю, — грустно вздохнула Фанни Кембл, — я бывала у мужа на плантациях, где используют труд рабов, и не уверена, что хотела бы править невольниками.

Английская актриса смогла подружиться с Гертрудой на почве любви к моде. Мадам Реймах тепло улыбнулась ей, по белому завидуя молодой красоте.

— Вот, наша дорогая гостья из далекой Америки, понимает, что мир должен меняться, — победоносно заявила Дарья.

Расходились они под присмотром слуг.

— Петр, мне бы горячую ванну, — сказала Гертруда, проводив гостей. Верный слуга уже десятилетие проработал в ателье и молча пошел исполнять приказ. Он понял, что хозяйка снова будет грустить о невернувшемся солдате.

Фанни молча села в приехавшую карету, где ее в тени салона ждал сэр Джордж.

— Доброго вечера.

— Он был добрым, пока не появились вы, — актриса отвела взгляд.

— Зря вы так. Мне же нет никакого удовольствия, давить на вас.

— Так отпустите! Отпустите Пирса и больше меня не увидите!

Сэр Джордж подался вперед, чтобы свет фонарей показал сочувствие на его лице.

— Я бы рад, честно. Но не могу. Для вас есть задание, — он протянул конверт.

Фанни выдернула конверт и с трудом прочла, пока они ехали. А как прочла, то всхлипнула.

— Вы не посмеете!

— Такова цена, — пожал плечами сэр Джордж, — знайте, что мне тоже это противно.

— Нелюди, — Фанни вытерла слезинку с уголка глаза.

Ее привезли и оставили одну в гостинице, где девушка смогла полноценно дать волю чувствам. А карета с англичанином поехала дальше. Сэр Джордж пусть и был преступником, но никогда не любил воевать с женщинами. Да, он любил бить врага прямо в сердце, организовывая покушения на самых значимых противников английского бизнеса в Российской столице, но всегда обходил удары по нежным, молодым сердцам девушек. Он грустно усмехнулся, подумав до чего дошли головы в Лондоне, если послали актрису делать грязную работу. А все из-за чертовой краски. В виде парашка, тканей или костюмов она безумно заинтересовала уважаемых людей. Сначала никто не придал должное появлению

фиолетового шелка в обычном ателье, а потом стало поздно. Фабрику по покраске вещей охраняли лучше, чем некоторые крепости. Постоянные патрули, высокие кирпичные стены, дозорные вышки и политика “сначала стреляй, а потом задавай вопросы”, все это мешало получить и рецепт, и метод получения красок.

Не получилось в лоб, так Сэр Джордж пробовал подсылать людей, подкупать рабочих, интересовался у поставщиков, но все зря. Рабочих держали по отдельным цехам, каждый из которых отвечал только за часть работы, говорить о том, что делалось в соседнем цеху, рабочим запрещали. А вопросы у коллег, вызывали интерес у охраны фабрики.

Сэр Джордж платил за неудачи потерей денег, людей и терпения у начальства. Даже шумный передел преступного мира в столице не смог сгладить всей вины перед Лондоном. Вот они и дошли до “гениальной идеи” послать актрису. Не шпионить за заводом, а сначала втереться в доверие к кому-то из окружения, а потом, если получится, то к самому Беркутову.

Карета выехала за город и отправилась к поместью Лорда Вескера. Слуги не спали, они молча встретили гостя и проводили в кабинет. Там горел камин, вокруг которого стояло несколько больших кресел. Сэр Джордж видел только Лорда Вескера, сидевшего к нему лицом.

— Докладывайте, — твердо приказал лорд.

— Мы сейчас выгружаем товар. В основном станки для хлопка, но не только. Я договорился с местными торговцами, они собирают большой караван за товаром.

— Почему караван? — уочнил лорд.

— Боятся ответного удара. Они смогли потопить только один корабль, — сэр Джордж стоял с цилиндром в руках, присесть его никто не приглашал.

— В иной день я был бы рад, что русские сами топят свои корабли, но не тогда, когда мы теряем деньги, — Вескер замолчал. Огонь от камина красным пятном танцевал на остром лице и лысине лорда. На седых висках и бакенбардах блестели капельки пота.

— Что вы выяснили о поставках оружия?

— В основном идут на Кавказ, но есть следы, уходящие в сторону Урала.

— Почему так неточно? — подался вперед Вескер.

— У нас там нет людей, юг России — считай захолустье.

— Я бы согласился с вами, если бы через это захолустье не лежала бы дорога в Индию.

Сэр Джордж усмехнулся про себя. Любые продвижения русского императора на юг — вызывали нервную икоту в Лондоне. Пару лет назад икота дошла до такой степени, что английские солдаты выдвинулись в Афганистан, где до сих пор безрезультатно сидели.

— Мы должны точно знать, куда идет оружие, — приказал Вескер.

— Будет исполнено, — кивнул Джордж.

— В Петербурге остальные вопросы решены?

— В процессе, — честно признался агент. Ведь именно им и был Сэр Джордж.

— Закругляйтесь.

Джордж кивнул. Наверняка у лорда Вескера параллельно шел еще какой-то план, а то и не одни, но точно сказать агент не мог.

Когда сэр Джордж покинул кабинет, лорд Вескер повернулся к сэру Чарльзу Стюарту. Английский посол прятался в огромном кресле так, чтобы агент его не видел. Пожилой мужчина с седыми волосами и сильным взглядом. Он проработал дипломатом Его Величества больше сорока лет. Сэр Чарльз отличился на службе в Испании во время

Пиренейских войн, дважды был послом во Франции, теперь в России.

— Столько возни из-за одного человека? — спросил посол.

— Нет конечно, сэр, — поморщился Вескер, — это целый клубок местных патриотов, начиная от докторов и заканчивая фабрикантами.

— Докторов?

— Да, недавно появились новые чудотворные лекарства, я думал, что пустышка, пока не попробовал сначала мой секретарь, а потом уже и я. У меня прошли головные боли, всего от пары таблеток.

Сэр Чарльз оперся на руку и наклонился к камину.

— Вы еще упоминали о французах.

— Не стоит нашего внимания, хватило одного сообщения в Париж, чтобы поумерить самоуправство местного представителя.

— Оружие хоть какое?

— Чем-то похоже на американские разработки, — объяснил Вескер. Он видел и даже держа в руках эти револьверы Уманского. Да неплохи, но ничего особенного. Вот пули для нарезных стволов представляли интерес. Через пару лет в Лондоне затевали перевооружение. Если Русские хотели ввести нарезные стволы для ружей, то и им не стоит отставать. Хотя учитывая количество и главное качество военных заводов русских, он мог рассчитывать на фору лет в пять-десять.

— Вроде все спокойно, а что-то такое тревожное витает в воздухе. Мы думали, что русские еще на десятилетие застрянут на Кавказе, но недавние успехи, заставляют задуматься. Пока они гоняют дикарей по горам, у них нет времени и сил, чтобы торговать с Персией и дальше... — многозначительно заметил посол. Вескер кивнул. Он тоже чувствовал нарастающее напряжение в Европе и мире. Вспыхнувшая очередная революция во Франции эхом будоражила молодые головы по всему Старому Свету. Из Америки пришел экономический кризис, который наложился на неурожай пшеницы в Англии. Впервые за шестьдесят лет, цены на хлеб подскочили в восемь раз.

Лорд Вескер серьезно полагал, что бог отвернулся от Англии в последние несколько лет, иначе он не мог объяснить чертов бунт рабочих, на нескольких его ткацких фабриках.

— Вы все о фабриках думаете? — угадал Чарльз, — может вам нанять управленцем, этого Беркутова?

Посол хмыкнул своей же шутке и отвернулся от Вескера, показывая свою оценку меркантильным интересам лорда.

Мария Захарченко стояла у открытых дверей полубалкона и любовалась снежными шапками на крышах домов. Она везде чувствовала себя как в клетке. После замужества на Михаиле чувство только усилилось. Она старалась посвятить себя мужу, заботе о нем и доме, но не складывалось. Михаил предпочитал избегать ее, бросаться в сражения, лишь бы не быть рядом.

— Боженька, дай свободы, — попросила она, посмотрев на пасмурное небо, и закрыла глаза.

Вдруг на щеку ей упала капля, потом еще и еще. В небе прогремел раскат грома, и подул шквальный ветер, да такой сильный, что Мария отшатнулась от балкона. Занавески беспокойно колыхались под нарастающим потоком. Мария пятилась, не в силах открыть глаза, пока не уперлась спиной в стену. Ветер перестал дуть так же резко, как и начался. Мария поспешила закрыть двери балкона, но наступила на осколок опрокинувшейся вазы, и порезалась.

— Осторожнее, — прошептал нежный голос на русском, но с каким-то акцентом.

— Ты кто? — развернулась на голос Мария, но не увидела ничего, кроме тумана в виде женской фигуры и горящими глазами. Туман протянул к ней руки и обнял за плечи.

— Ты же хотела свободы?

Мария не успела вскрикнуть, как ее легкие наполнились жгучей смесью горячего воздуха. В глубине темного силуэта моргнула вспышка. Марию стояла не в силах пошевелиться от охватившего ее ужаса.

— Это будет быстро, — пообещал туман, и Марию передернуло. Из-зо рта у нее пошел черный дым. Она выжженной марионеткой упала на пол. Туман перевернул тело и полез внутрь, натягивая труп, как костюм, срастаясь с ним, становясь Марией Захарченко.

В коридоре послышался шум, и в комнату заглянула беспокойная соседка, с которой раньше любила общаться Мария.

— Окно, молния, — проговорила Мария и изобразила обморок. Сил после вселения у нее действительно осталось немного.

— Ой, доктора! Доктора, — заверещала простоватая соседка и побежала звать на помощь.

Мария же улыбалась, лежа посреди осколков, ведь ее перерождение стало только первым шагом на пути к мести.

Больше книг на сайте - Knigoed.net